

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 29. Выпуск 1

Санкт-Петербург
2026

Россия в глобальном мире
Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Баранов Н.А. – д. полит. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д. полит. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д. юр. н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашикова Н.П. – д. полит. н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д. филос. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Кожирова С.Б. – д. полит. н. (Институт востоковедения Министерства науки и образования РКБ г. Алматы, Казахстан);

Ли Цзинчен – к. полит. н., (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Русакович А.В. – д. ист. н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – д. ист. н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д. ист. н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены публикации, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (*по номенклатуре специальностей ВАК*):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ). В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые. Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ). С 2024 г. входит в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 - 84167 от 09.11.2022.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Тел. редакции: 8(812)606-62-42; e-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru; сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2026

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

**PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY**

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 29. Issue 1

Saint Petersburg
2026

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Nikolay A. Baranov – Doctor of Political Sciences, Professor (*North-West Institute of Management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia)*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Midhad Qafarov – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Svetlana B. Kozhirova - Doctor of Political Sciences, (*Institute of Oriental Studies of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan*);

Li Jingcheng – PhD of Political Science, (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History Sciences, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History Sciences, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – Doctor of History Sciences (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History Sciences (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*)

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations, Global and Regional Studies).

5.6. Historical Sciences (5.6.1. National Russian History, 5.6.2. Global History).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications”, adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL). Since 2024. it has been included in the list High Certification Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Editorial address: Polytekhnikeskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia
Editorial e-mail: russiaglobal@spbstu.ru; URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Слово от редколлегии	7
Мир и цифровая трансформация	
Тема номера: Цифровые инструменты: формирование экономического и политического ландшафта в современном мире	
<i>Бахтуридзе З.З., Баранов Н.А.</i> Феномен искусственного интеллекта в контексте современных международных процессов	9
<i>Веселова Д.Н.</i> Рейтинговые показатели крупнейших российских арктических компаний в области корпоративной социальной и экологической ответственности	26
<i>Гок О., Унал С.</i> Взаимодействие эффекта ноцебо и финансовой уязвимости: теоретическая и эмпирическая переоценка трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики	48
<i>Вовенда А.В., Чернов В.О.</i> Влияние цифровых платформ на уровень гражданской активности: кейс Decide Madrid	76
<i>Болдырева Е.Л., Нельга А.А.</i> «Пиратские партии» как ответ на государственное регулирование в цифровом пространстве	90
<i>Уткин Д.В.</i> Центральноеазиатский регион как объект цифровой колонизации	102
Международные отношения	
<i>Ланко Д.А.</i> Маркиз де Кондорсе едет в Евразию: к вопросу о принятии решений в наднациональных интеграционных объединениях квалифицированным большинством голосов	118
<i>Коновалова-Алхименкова К.А., Дьякова В.В.</i> Экономические отношения России и Парагвая после 2022 г.: тенденции и перспективы	140
Евразийская интеграция	
<i>Печерица В.Ф.</i> Размышления экспертов об установлении военно-политического союза между Россией и Китаем	156
Общество и политика	
<i>Ван Хуэйжу.</i> Теоретические истоки концепции «Сообщества единой судьбы человечества»	172
История науки и техники	
<i>Чечевичкин А.В.</i> История русского гранатостроения начала XX века: новая находка из Кронштадта	186
Обзоры, конференции, рецензии	
<i>Болгов Р.В., Браславский Р.Г., Козловский В.В., Погодин С.Н., Цыб А.В.</i> Актуальные проблемы политической географии: новые тенденции и перспективы исследований (материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2025 г.)	203

CONTENTS

A Message from the Editorial Team	8
The World and Digital Transformation	
Special Theme Section: Digital Tools: Shaping the Economic and Political Landscape in the Modern World	
<i>Bakhturidze, Z.Z., Baranov, N.A.</i> The Phenomenon of Artificial Intelligence in the Context of Modern International Processes	9
<i>Veselova, D.N.</i> The Corporate Social and Environmental Responsibility Ratings for the Largest Russian Arctic Companies	26
<i>Gok, O., Ünal, S.</i> The Interaction of the Nocebo Effect and Financial Vulnerability: A Theoretical and Empirical Reassessment of the Monetary Policy Transmission Mechanism	48
<i>Vovenda, A.V., Chernov, V.O.</i> The Impact of Digital Platforms on Civic Engagement: The Case of Decide Madrid	76
<i>Boldyreva, E.L., Nelga, A.A.</i> “Pirate Parties” as a Response to State Regulation in the Digital Area	90
<i>Utkin, D.V.</i> The Central Asian Region as an Object of Digital Colonization	102
International Relations	
<i>Lanko, D.A.</i> Marquis de Condorcet Goes to Eurasia: Making Decisions by Qualified Majority Voting in Supranational Integration Unions	118
<i>Konovalova-Alkhimenkova, K.A., Diakova, V.V.</i> Economic Relations between Russia and Paraguay after 2022: Trends and Prospects	140
Eurasian Integration	
<i>Pecheritsa, V.F.</i> Experts' Thoughts on Establishing a Military-Political Alliance between Russia and China	156
Society and Politics	
<i>Wang Huiru.</i> Theoretical Origins of the Concept “Community with a Shared Future for Mankind”	172
History of Science and Technology	
<i>Chechevichkin, A.V.</i> The History of Russian Grenade Manufacturing in the Early 20th Century: A New Find from Kronstadt	186
Reviews. Conferences	
<i>Bolgov, R.V., Braslavsky, R.G., Kozlovskiy, V.V., Pogodin, S.N., Tsyb, A.V.</i> Topical Issues in Political Geography: New Trends and Research Prospects (Conference, St. Petersburg, December 19–20, 2025).	203

EDN: [JNWRJM](#)

Слово от редколлегии

Уважаемые читатели!

Мы живем в цифровом мире – это факт, который невозможно опровергнуть, так как практически все сферы жизни общества сопряжены с цифровыми инструментами, будь то финансовая сфера, государственное и муниципальное управление, бизнес, деятельность международных организаций, коммуникативная среда. Цифровая революция стала катализатором изменений практически во всех сферах человеческой деятельности, от экономики до политических процессов. Недаром на международном уровне в 2024 году Генеральной ассамблеей ООН утверждён Глобальный цифровой договор в целях создания всеохватывающей глобальной структуры, необходимой для осуществления многосторонних действий, требуемых для преодоления цифрового, информационного и инновационного разрыва. Важнейшим цифровым инструментом, выходящим за границы привычного людям мира, стали технологии искусственного интеллекта, которые, с одной стороны, предоставляют широкие возможности человеку, обществу, государству для развития, с другой стороны, несут с собой угрозы и риски, на которые человечество пока не может адекватно отреагировать.

Перечисленные проблемы анализируются в очередном номере журнала, основная тема которого – «Цифровые инструменты: формирование экономического и политического ландшафта в современном мире». В представленных статьях номера рассматриваются финансово-экономические и экологические аспекты цифровизации, влияние цифровых инструментов на политические процессы в современных государствах, борьба за технологический суверенитет в цифровом мире, а также роль технологий искусственного интеллекта в международных политических процессах. Продемонстрированный в статьях материал способствует более глубокому пониманию значимости цифровых инструментов в различных сферах деятельности, а также акцентирует внимание на проблемах, возникающих при использовании современных технологий. Вывод, вытекающий из статей номера, заключается в том, что цифровые инструменты перестали быть просто технологиями – они стали инструментами формирования новой реальности. Мы живем в эпоху, в которой битва за данные, алгоритмы и стандарты определяет экономическое могущество и политическое влияние.

Надеемся, что представленные материалы будут способствовать более глубокому осмыслению читателями цифровых реалий современного мира, заставят задуматься о возникающих трудностях и вызовах, связанных с внедрением цифровых решений в экономической, социальной и политической областях, а также вызовут интерес к проблематике номера и будут стимулировать научные дискуссии на обозначенные темы. Приглашаем читателей к диалогу и совместному поиску ответов на страницах журнала.

Доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений
Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Баранов Николай Алексеевич

EDN: [JNWRJM](#)

A Message from the Editorial Team

Dear readers!

In our time, digital technology is undeniably dominant. Nearly every aspect of society has been connected to digital tools, which span finance, government, business and international relations. The digital revolution has led to significant changes in all aspects of life, including economics and politics. In 2014, the UN General Assembly approved the Global Digital Compact, a framework for international cooperation to close the digital gap. Artificial intelligence (AI) is a critical digital tool that has transformed the world. While AI offers endless opportunities, it also poses challenges that humanity struggles to address.

This issue of the journal explores the effects of digital technology in our world, focusing on "Digital Tools and Shaping the Economic and Political Landscape in the Modern Age." The articles examine how digital tools impact financial, economic, and environmental landscapes as well as political systems and technological independence. The content provides a comprehensive understanding of the importance of digital tools across various fields, highlighting the challenges they present. The conclusion is that digital tools are not just technologies; they are instruments for creating new realities. Control of data, algorithms, and standards determine economic power and influence.

We hope this material will assist readers in understanding the current digital landscape, reflecting on the difficulties of implementing digital solutions and generating interest in the issues discussed in this issue. We invite readers to explore these topics with us and discuss them on the pages of our journal.

Doctor of Political Science, Full Professor,
Department of International Relations
North-West Institute of Management
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Nikolay A. Baranov

МИР И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ THE WORLD AND DIGITAL TRANSFORMATION

**Тема номера: Цифровые инструменты: формирование экономического
и политического ландшафта в современном мире**
**Special Theme Section: Digital Tools: Shaping the Economic and Political
Landscape in the Modern World**

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [JWHUOZ](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.1](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Феномен искусственного интеллекта в контексте современных международных процессов

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
bahtur_zz@spbstu.ru

Баранов Николай Алексеевич

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия
[✉ nicbar@mail.ru](mailto:nicbar@mail.ru)

Аннотация

Введение. Искусственный интеллект стремительно внедряется в различные сферы жизнедеятельности, оказывая значительное влияние на экономику, политику и общество. Это требует осмысления новых реалий и выработки адекватных подходов к управлению международными процессами. Актуальность избранной темы обусловлена новыми формами взаимодействия государств и негосударственных субъектов, изменением традиционных моделей принятия решений, возникновением новых вызовов и угроз, связанных с использованием искусственного интеллекта в военных целях, киберпреступностью и информационным противоборством. Цель исследования – выявить основные тенденции актуализации технологий искусственного интеллекта в международной практике, решающим образом влияющих на международные отношения. Поэтому предметом исследования выступает феномен искусственного интеллекта, рассматриваемый в контексте его воздействия на современные международные процессы, включающие дипломатическую деятельность,

информационное противоборство, возникновение новых угроз и возможностей в сферах обороны и безопасности, становления цифрового суверенитета государств, а также международного сотрудничества.

Методы и материалы. В исследовании использованы контент-анализ официальных документов, формально-логический анализ, кейс-стади, дискурс-анализ СМИ и официальных текстов, а также концепция акторности в международных отношениях.

Результаты. В результате исследования выявлено, что искусственный интеллект становится полноправным участником системы международных отношений, постепенно обретая субъектность. Он активно применяется в сфере дипломатии, влияет на природу войн, переопределяет понятие суверенитета и создает новые инструменты геополитического влияния. Для минимизации рисков мировому сообществу необходимо создать общие этические и правовые нормы применения искусственного интеллекта. Однако препятствием общему согласию являются разногласия между странами, являющимися лидерами в разработке технологий искусственного интеллекта.

Обсуждение и заключение. Полученные выводы были использованы для выработки практических рекомендаций государствам и международным организациям, а также для международного многостороннего сотрудничества в области искусственного интеллекта. Главная рекомендация, вытекающая из исследования, заключается в необходимости перехода от реактивного к проактивному и превентивному управлению трансформацией, которую несет искусственный интеллект.

Ключевые слова: акторность; международные отношения; генеративный искусственный интеллект; ИИ-дипломатия; информационное противоборство; сетевые платформы; цифровой суверенитет

Для цитирования: Бахтуридзе З.З., Баранов Н.А. Феномен искусственного интеллекта в контексте современных международных процессов // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 9–25. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.1>. EDN: JWHUOZ.

© Бахтуридзе З.З., Баранов Н.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Phenomenon of Artificial Intelligence in the Context of Modern International Processes

Zeynab Z. Bakhturidze

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
bahtur_zz@spbstu.ru

Nikolay A. Baranov

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
 nicbar@mail.ru

Abstract

Introduction. Artificial intelligence is rapidly penetrating various spheres of life, significantly impacting the economy, politics, and society. This requires understanding these new realities and developing appropriate approaches to managing international processes. The relevance of this topic stems from new forms of interaction between states and non-state actors, changes in traditional decision-making models, and the emergence of new challenges and threats associated with the military use of artificial intelligence, cybercrime, and information warfare. The goal of this study is to identify key trends in the application of artificial intelligence technologies in international practice, which have a decisive impact on international relations. Therefore, the subject of this study is the phenomenon of artificial intelligence, examined in the context of its impact on contemporary

international processes, including diplomatic activity, information warfare, the emergence of new threats and opportunities in defense and security, the development of state digital sovereignty, and international cooperation.

Methods and materials. The study used content analysis of official documents, formal-logical analysis, case studies, discourse analysis of the media and official texts, as well as the concept of actorhood in international relations.

Results. The study revealed that artificial intelligence is becoming a full-fledged participant in the system of international relations, gradually acquiring subjectivity. It is actively used in diplomacy, influencing the nature of war, redefining the concept of sovereignty, and creating new instruments of geopolitical influence. To minimize risks, the global community needs to establish common ethical and legal norms for the use of artificial intelligence. However, disagreements between countries leading to the development of artificial intelligence technologies are an obstacle to common agreement.

Discussion and Conclusions. The findings were used to develop practical recommendations for states and international organizations, as well as for international multilateral cooperation in the field of artificial intelligence. The main recommendation emerging from the study is the need to shift from reactive to proactive and preventative management of the transformation brought about by artificial intelligence.

Keywords: actorhood; international relations; generative artificial intelligence; AI diplomacy; information warfare; network platforms; digital sovereignty

For citation: Bakhturidze, Z.Z., Baranov, N.A. The Phenomenon of Artificial Intelligence in the Context of Modern International Processes. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 9–25. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.1>. EDN: JWHUOZ.

© Bakhturidze, Z.Z., Baranov, N.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть технологией будущего, превратившись в действующий фактор глобальной политики. Его интеграция в международные отношения носит революционный характер, бросая вызов традиционным представлениям о суверенитете, безопасности и балансе сил. Эта технология обещает радикально изменить все аспекты человеческого опыта, и основная часть этих перемен произойдет на философском уровне – изменив саму парадигму нашего понимания мира и роли человека в нем. В новой реальности решения будут приниматься тремя способами: людьми, машинами и, что беспрецедентно, людьми и машинами в тесном сотрудничестве. Благодаря ИИ машины эволюционируют из инструментов в партнеров, что создает принципиально новые вызовы и возможности для миропорядка.

Способность технологий ИИ обобщать большие объемы данных позволяет использовать его возможности для прогнозирования международных событий и принятия решений, адекватных сложившимся условиям, что в корне меняет сложившиеся традиционные модели взаимодействия национальных государств и международных организаций. Наряду с повышением эффективности управленческих процессов при этом акцентируется внимание на вопросах безопасности, современного понимания суверенитета, а также этических аспектах взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Понимание влияния ИИ на международное управление становится необходимым для разработки адаптивных стратегий, которые смогут

обеспечить устойчивость и стабильность в условиях стремительно меняющегося глобального ландшафта.

Цель исследования – выявить основные тенденции актуализации технологий искусственного интеллекта в международной практике, решающим образом влияющих на международные отношения. Поэтому предметом исследования выступает феномен искусственного интеллекта, рассматриваемый в контексте его воздействия на современные международные процессы, включающие дипломатическую деятельность, информационное противоборство, возникновение новых угроз и возможностей в сферах обороны и безопасности, становления цифрового суверенитета государств, а также международного сотрудничества.

Методы

Для всестороннего изучения роли искусственного интеллекта в международных отношениях применен комплекс методов. Контент-анализ официальных документов позволил выявить доминирующие нарративы восприятия ИИ в глобальной политике. Формально-логический анализ использован для сопоставления правового статуса ИИ в ключевых юрисдикциях (США, ЕС, Китай), в том числе в последних документах ЮНЕСКО¹, и обоснования подходов к унифицированному международному регулированию. Кейс-стади был применен для изучения функционирования инструментов ИИ в дипломатической деятельности. Дискурс-анализ СМИ и официальных текстов выявил механизмы конструирования общественного образа ИИ как угрозы или возможности.

Общенаучные методы анализа и синтеза применены для выделения сущности акторности ИИ (автономия, агентность), определения его характеристик как субъекта международных отношений и последующего синтеза в целостную модель его мирополитического воздействия. Акторность в международных отношениях предполагает «способность субъектов воздействовать на внешнеполитические процессы, влиять на принятие решений в международной системе, а также отстаивать свои интересы» [1, с. 161]. Современные трансформации системы межгосударственного взаимодействия, появление нестандартных действующих лиц и возникновение инновационных способов проявления силы и влияния привели к изменению понимания природы акторности и самой сути субъектности (актор – это активный субъект в отличие от субъекта потенциального или гипотетического). Несмотря на отсутствие у искусственного интеллекта собственной автономии и реальных возможностей выступать полноправным участником мировых процессов, эксперты полагают, что в будущем подобные перспективы вполне вероятны. Недаром авторы книги «Искусственный разум и новая эра человечества» отмечают, что воздействие ИИ на все сферы жизни будет прорывным, полагая, что «нас ждут такие изменения человеческой идентичности и человеческого восприятия реальности, каких в современном мире еще не случалось» [2, с. 10].

В эпоху цифровизации акторность смещается к цифровым сущностям, таким как цифровые платформы, киберсистемы, искусственный интеллект, а критериями

¹ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Adopted on 23 November 2021 // UNESDOC Digital library: [сайт]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 26.01.2026).

акторности становятся ресурсы, автономия (независимые действия) и легитимность в глазах международного сообщества.

Характеризуя влияние ИИ на современный мировой порядок, марокканский исследователь Ф. Румате отмечает следующие его особенности: он более реалистичен, чем существующий процесс выработки политических решений; может анализировать большие данные и принимать решения быстрее, чем люди; может способствовать созданию нового баланса сил; может быть использован в рамках любого типа силы (жесткой, мягкой и «умной» силы) для достижения национальных интересов; может прогнозировать будущее и помогать в разработке перспективных стратегий на основе четко определенных целей; может направлять эмоции и общественное мнение в русло национальных интересов [3, р. VII]. Ф. Румате выносит на обсуждение следующие предложения: разработать международную конвенцию по этике ИИ, а также конвенцию о запрете смертоносных автономных систем; осуществить реформу Устава ООН с учетом трансформации международной безопасности; сократить технологический разрыв между Глобальным Севером и Глобальным Югом и способствовать включению всех в глобальное управление; всем странам следует реализовать национальные стратегии в области ИИ на основе участия всех заинтересованных сторон и реальной координации между академическим сообществом как производителем знаний и новых технологий ИИ, компаниями как создателями новых инструментов на базе ИИ и политическим обществом, которое следит за обновлением законодательства и законов [3].

Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, на мировой арене разворачивается масштабная борьба за лидерство в области искусственного интеллекта, владение которым становится столь же значимым фактором геополитической мощи, каким было обладание ядерным арсеналом в XX веке, а «государства, сформировавшие свои суверенные технологические платформы, становятся участниками престижного закрытого клуба, похожего на ядерный» [4, с. 3]. В этом контексте самодостаточность и конкурентоспособность в разработке ИИ-платформ приобретают стратегическую необходимость. С другой стороны, сам ИИ обретает черты актора по мере эволюции, способствуя выполнению задач, взаимодействию с человеком и самостоятельной адаптации к изменениям.

Результаты

ИИ-дипломатия: потенциал и вызовы трансформации внешней политики

В XXI веке дипломатическая деятельность переживает глубокую трансформацию под влиянием цифровых технологий, среди которых главенствующие позиции занимает искусственный интеллект. Более не являясь предметом научной фантастики, ИИ становится стратегическим инструментом в арсенале государств, переопределяя методы анализа, коммуникации и принятия решений в международных отношениях.

Среди ключевых направлений применения ИИ в дипломатии выделим следующие:

1. Анализ больших данных и прогнозирование, так как дипломатия всегда основывалась на информации, а ИИ способен обрабатывать колоссальные массивы неструктурированных данных (новостные ленты, документы международных

организаций, соцсети, транскрипты речей). Алгоритмы машинного обучения выявляют скрытые связи, тенденции и сигналы раннего предупреждения о потенциальных конфликтах, социальной нестабильности или экономических кризисах. Это позволяет перейти от реактивной к проактивной дипломатии.

Широкое применение технологий ИИ в дипломатии обусловливается возможностью анализировать большие данные в целях выявления тенденций в международных отношениях и мировой политике, на которые можно своевременно отреагировать с учетом национальных интересов либо предотвратить нежелательные последствия. ИИ широко применяется для анализа нормативных документов, деклараций, официальных заявлений политиков, что способствует более глубокому погружению в актуальную проблему и поиску способов реагирования на потенциальные вызовы и угрозы.

2. «Цифровая» или «вычислительная» дипломатия. ИИ оптимизирует коммуникацию с иностранной аудиторией. Алгоритмы анализируют восприятие страны в мировых медиа, помогают формировать нарративы, адаптировать сообщения для разных культурных контекстов и выявлять ключевых инфлюенсеров. Технологии обработки естественного языка используются для мониторинга выполнения международных договоров и анализа позиций сторон на переговорах.

3. Дипломатия переговоров. Хотя живое человеческое взаимодействие незаменимо, ИИ выступает как мощный ассистент. Он может моделировать сценарии переговоров, рассчитывать последствия тех или иных уступок, проверять текст договоров на внутренние противоречия и «слепые зоны», а также обеспечивать сверхбыстрый перевод с сохранением смысловых нюансов. Выполнение рутинных операций становится широко распространенной практикой не только для дипломатических представительств, но и для большинства управленческих структур. ИИ помогает успешно преодолевать языковые барьеры и облегчает коммуникацию.

4. Консульская работа и кризисное реагирование. ИИ-чаты и боты способны оперативно обрабатывать запросы граждан, а системы анализа данных помогают прогнозировать и отслеживать кризисные ситуации (стихийные бедствия, эвакуации), оптимизируя ресурсы МИД и посольств. Появились также инструменты по автоматизации предоставления консульской помощи.

5. Кибердипломатия и безопасность. ИИ – это и поле битвы, и оружие. Государства ведут диалог (и конфронтацию) по поводу норм ответственного поведения в киберпространстве, использования автономных систем вооружений. Дипломатам необходимы глубокие знания, чтобы участвовать в формировании международного режима регулирования ИИ, предотвращении гонки вооружений и снижении рисков, связанных с гибридными угрозами (например, дезинформацией, генерируемой ИИ).

Так наряду с полезным применением возникают серьезные риски, вызовы и этические дилеммы использования ИИ. В первую очередь, речь идет об усилении асимметрии, так как технологический разрыв между государствами может превратиться в непреодолимый дипломатический разрыв. Страны, лидирующие в сфере ИИ, получают колоссальное аналитическое и стратегическое преимущество.

Обрисовывается проблема дегуманизации и предвзятости, когда чрезмерная ориентация на алгоритмы может привести к утрате человеческого взаимопонимания, интуиции и культурного контекста.

Дипломатический стиль общения характеризуется использованием метафор, символов и глубоких смыслов даже в стандартных формулировках, что вызывает вопрос: способен ли искусственный интеллект уловить тонкости такого языка? Исследования швейцарско-мальтийского фонда DiploFoundation², занимающегося интеграцией дипломатии и современных технологий, показывают, что главной трудностью для ИИ является понимание контекста дипломатических высказываний, умение интерпретировать подтекст, выраженный намеками, распознавать конструктивную неопределенность, различать тонкие оттенки значений аналогий, выявлять ключевые фразы, определяющие суть соглашений, и поддерживать равновесие между компромиссами и преимуществами сторон. Тем не менее, несмотря на существующие ограничения, дальнейший технологический прогресс демонстрирует улучшение способностей ИИ в интерпретации дипломатических коммуникаций. Однако ИИ может унаследовать и усилить предвзятость обучающих данных, что приведет к искаженным аналитическим выводам.

Нельзя не упомянуть появление угрозы безопасности и доверию. Использование ИИ для создания дипфейков в дезинформационных кампаниях или для кибератак подрывает фундамент международного доверия. Возникает потребность в новых форматах верификации информации и идентификации. При этом увеличивается ответственность дипломатов за достоверность и убедительность своей работы.

А ко всему прочему при использовании ИИ для принятия решений сложно определить ответственность за ошибку. «Черный ящик» некоторых алгоритмов противоречит принципам транспарентности, которые важны для публичной дипломатии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ИИ не заменит дипломата, но дипломат, владеющий ИИ, заменит того, кто им не владеет. Будущее за гибридной моделью, где стратегическое мышление, эмоциональный интеллект и этические суждения человека усиливаются скоростью, масштабом и аналитической мощностью машин. Таким образом, в целом роль ИИ в международной дипломатии будет только расти, а дипломатам предстоит важная задача – развитие глобального консенсуса по управлению искусственным интеллектом.

Если эти выводы окажутся верными, то для интеграции ИИ будут необходимы инвестиции в цифровую инфраструктуру и образование дипломатов (подготовка «дипломата-аналитика данных»), развитие международного права и многосторонних форумов (например, в рамках ООН, ОЭСР, G20) для выработки общих принципов ответственного использования ИИ в международных отношениях и конечно же – создание межгосударственных платформ для обмена лучшими практиками и снижения рисков.

ИИ превращает дипломатию из искусства, основанного исключительно на опыте и интуиции, в высокотехнологичную дисциплину, основанную на данных. Это создает беспрецедентные возможности для предотвращения конфликтов и глобального

² About us // Diplo: [сайт]. URL: <https://www.diplomacy.edu/about-us/> (дата обращения: 14.01.2026).

управления, но одновременно порождает новые угрозы стабильности. Главный дипломатический вызов ближайшего десятилетия будет заключаться не в том, как использовать ИИ для получения преимущества, а в том, как совместно создать международные рамки, которые превратят ИИ из потенциального источника нестабильности в инструмент построения более безопасного и предсказуемого мирового порядка.

*Генеративный ИИ и информационное противоборство:
формирование стратегии доминирования в цифровую эпоху*

Информационное противоборство, всегда бывшее полем битвы нарративов, переживает тектонический сдвиг с появлением генеративного искусственного интеллекта (GenAI). Если раньше создание убедительного контента требовало времени, ресурсов и человеческого мастерства, то теперь GenAI демократизирует и гипермасштабирует производство информационного оружия, стирая грань между реальностью и вымыслом. В результате происходят ключевые трансформации, вносимые генеративным ИИ. Благодаря масштабу и скорости становится возможным производить тысячи уникальных текстов, изображений, аудио- и видеороликов в минуту, на любом языке, мгновенно наводняя информационное пространство. Персонализация и микротаргетирование позволяют алгоритмам анализировать цифровые следы пользователей и генерировать контент, идеально адаптированный под их страхи, убеждения и культурный контекст, что превращает широкоэвентральную пропаганду в точечное психологическое воздействие. GenAI подрывает саму основу эмпирической реальности через сфабрикованные фотоснимки событий, правдоподобные, но ложные новостные сводки, deepfake-видео с политиками, что ведет к эрозии общественного доверия ко всем источникам информации. Более того влияние становится автоматизированным, создание целых сетей ботов-«журналистов», «экспертов» и «очевидцев» с уникальными биографиями и стилем общения становится тривиальной задачей. Это позволяет вести скоординированные кампании влияния, имитирующие органичную общественную дискуссию.

Системы ИИ активно используются западными странами для сдерживания России, навязывания ей своих алгоритмов. В процессе тестирования моделей ИИ, созданного на Западе, оказалось, что они не являются политически нейтральными и воспроизводят политические взгляды своих создателей, чаще всего леволиберального толка. Как отмечает сербский исследователь М. Джуркович, «западные системы ИИ встраивают в свои алгоритмы идеологические, политические и геополитические позиции и что каждое крупное государство, которое имеет для этого силы и возможности, создаёт свою собственную систему ИИ и стремится суверенно её контролировать, побуждая своих граждан использовать именно её» [5].

В стратегическом плане GenAI превращает информационное противоборство из тактического инструмента в стратегическую среду постоянного «полевого» воздействия на сознание населения противника. Целью становится не просто продвижение своей правды, а подрыв способности противника отличать правду от лжи, что ведет к параличу принятия решений и социальной атомизации. Так генеративный ИИ становится «оружием массового убеждения». Он не просто усилил

старые методы, а создал качественно новую угрозу – угрозу эпистемологической безопасности. Победа в этом новом виде противоборства будет принадлежать не тому, кто создаст больше фейков, а тому, кто сможет лучше защитить когнитивное пространство своего общества, сочетая технологические инновации, правовое регулирование и инвестиции в человеческий капитал. Следует особо подчеркнуть и тот факт, что это оружие становится особенно опасным в периоды избирательных кампаний и социальной напряженности. Вовлечение технологий ИИ в гибридную войну против России осуществляется посредством его внедрения в политико-дипломатическую, экономическую и информационную сферы, результатом чего стала русофобская политика, осуществляемая западными странами в отношении государства и российских граждан.

Наиболее активно технологии ИИ коллективный Запад использует в когнитивном оружии: «для изменения когнитивных процессов у противника, умственных предубеждений или рефлексивного мышления, а также для провоцирования искажений мышления, негативного влияния на принятие решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях» [6].

ИИ и трансформация военно-стратегического баланса

Военно-стратегический баланс, веками определявшийся географией, численностью войск и количеством вооружений, смещается в сторону технологического и, в частности, алгоритмического превосходства. ИИ перестал быть вспомогательным инструментом и превращается в ключевой фактор военной мощи, переопределяя понятия сдерживания, скорости ведения войны и самой природы решающего преимущества.

Внедрение нечеловеческого мышления в военные системы кардинально меняет природу стратегии и тактики. Например, нарушается привычная логика принятия решений в автономных системах. Так, если армии примут на вооружение стратегию, сформированную ИИ, ход мыслей которого непонятен людям, традиционные концепции обороны и сдерживания будут нарушены. Большинство военных доктрин основано на предположении о противнике – человеке, действующем в рамках понятной логики. Однако ИИ, управляющий боевой системой, будет следовать собственной, неведомой противнику логике, работая со скоростью, недоступной для человеческого мышления. Это лишает смысла привычные демонстративные действия, которые были понятными сигналами в «человеческой» войне [2, с. 115].

В киберпространстве происходит эскалация рисков. Появление кибервозможностей, усиленных ИИ, усугубляет риск непреднамеренной эскалации, особенно в ядерной сфере [7]. ИИ может использоваться для поиска уязвимостей в критической инфраструктуре и системах управления войсками, создавая угрозы для стратегической стабильности. Опасность заключается в том, что восприятие возможностей ИИ другой стороной может спровоцировать превентивные действия и кризисную нестабильность.

НАТО проявляет значительный интерес к применению искусственного интеллекта. В октябре 2021 г. Альянс принял стратегию по ИИ, сосредоточенную на трёх приоритетах: коллективной обороне, урегулировании кризисных ситуаций и укреплении безопасности посредством сотрудничества. Внедрение технологий

планируется с учётом трансатлантических ценностей и международно-правовых норм³. В июле 2024 г. стратегия была обновлена – в неё добавили расширенный перечень сценариев использования ИИ и уточнили особые требования к развитию цифрового потенциала НАТО⁴.

ИИ трансформирует не только оружие, но саму логику сдерживания и стратегического расчёта. Классический баланс, основанный на ясном соотношении сил, сменяется «балансом неопределённости», где ключевую роль играют непредсказуемость алгоритмов, скорость эскалации и уязвимость цифровых систем. Превосходство будет определяться не количеством боеголовок или танков, а качеством данных, устойчивостью алгоритмов и способностью интегрировать ИИ в командные структуры, сохраняя при этом окончательный этический и стратегический суверенитет человека. Будущая стабильность потребует выработки новых «правил игры» возможно, режимов контроля за военным ИИ, аналогичных ядерным договорам, чтобы предотвратить сползание в эру алгоритмических войн, где риски эскалации станут неуправляемыми.

Геополитика сетевых платформ и цифровой суверенитет

Цифровое пространство перестало быть нейтральной «виртуальной средой» и превратилось в ключевой театр геополитического противостояния. Сетевые платформы (соцсети, поисковики, облачные сервисы, маркетплейсы) стали инфраструктурой современной экономики, политики и общества. Контроль над ними, потоками данных и архитектурой коммуникаций сегодня означает контроль над влиянием, безопасностью и суверенитетом в XXI веке. Понятие «цифровой суверенитет» вышло на первый план как стремление государства или блока государств обеспечить технологическую независимость, правовую юрисдикцию над данными и безопасность своих цифровых экосистем. Тот, кто обладает большими объемами данных и способностью их обрабатывать, получает преимущество в разработке ИИ, ведении экономической разведки, таргетировании пропаганды и прогнозировании социальных процессов. Противостояние США и Китая во многом является борьбой за мировое лидерство в сфере данных и алгоритмов.

Способность сетей формировать общественное мнение, продвигать ценности и мобилизовывать людей делает их объектом государственного регулирования и, одновременно, инструментом внешнеполитических кампаний. Зависимость целых стран от американского облака, китайской телекоммуникационной инфраструктуры или западных систем платежей создает точки стратегического давления. Отключение России от SWIFT и уход IT-гигантов – яркий пример использования инфраструктурной зависимости как санкционного оружия.

Растущее геополитическое влияние сетевых платформ, работающих на основе ИИ, стало новым ключевым фактором международных отношений. Конкуренция за экономические предпочтения, технологическое первенство и цифровую безопасность

³ Summary of the NATO Artificial Intelligence Strategy. 22 Oct. 2021 // North Atlantic Treaty Organization (NATO): [сайт]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_187617.htm (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ Summary of NATO's revised Artificial Intelligence (AI) strategy. 10 Jul. 2024 // North Atlantic Treaty Organization (NATO): [сайт]. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227237.htm (дата обращения: 14.01.2026).

уже разворачивается между основными центрами силы, каждый из которых предлагает свою модель развития.

Схожей модели придерживаются США и Китай. США сохраняют лидерство благодаря инновационному превосходству, притоку в страну талантов со всего мира и мощной экосистеме стартапов. Китай, в свою очередь, проводит политику жесткой внутренней конкуренции и защиты внутреннего рынка, целенаправленно создавая лидеров в сфере ИИ, способных выйти на глобальные рынки. Обе державы рассматривают технологическое лидерство как основу будущей экономической и военной мощи.

ЕС придерживается регуляторного подхода. Европейский союз, не имея цифровых платформ, сравнимых с американскими или китайскими, делает ставку на их жесткое регулирование. Формируя «цифровую крепость», ЕС стремится устанавливать правила на своем рынке, защищая права граждан и поддерживая свои этические и социальные стандарты. Об этом свидетельствует Регламент по использованию ИИ, вступивший в силу в августе 2024 года, который нацелен на повышение эффективности внутреннего рынка и поддержку внедрения человеко-ориентированного и вызывающего доверие искусственного интеллекта [8]. Документ выделяет четыре категории ИИ-систем: с ограниченным риском, с неприемлемым риском, с высоким риском и генеративные системы (нейросети). В нём также перечислены участники разработки, внедрения, эксплуатации и надзора за ИИ-системами и моделями, а также установлены их обязанности и полномочия, включая права и ответственность национальных и наднациональных органов [9, с. 5].

Среди других акторов исследователи выделяют Индию, обладающую большим интеллектуальным капиталом и масштабным внутренним рынком, достаточными для поддержания независимых сетевых платформ, а также Россию, которая доказала свои возможности в области кибербезопасности, современных инновационных видов вооружений и поэтому считающейся одной из великих технологических держав мира [2, с. 92–93].

Растущее влияние цифровых платформ означает, что кроме государств в глобальной стратегии участвуют платформенные корпорации и разработчики, так как их решения имеют политический эффект.

Конкуренция за геополитическое влияние сетевых платформ ведет к потенциальной регионализации изначально глобального интернета. Формируются сферы технологических стандартов, где различные сетевые платформы развиваются по параллельным, но различным траекториям, что затрудняет общение и обмен между ними. Между геополитическими акторами разворачивается жесткая борьба за продвижение своих стандартов, по которым будет развиваться ИИ.

Велика вероятность того, что «цифровой суверенитет» все чаще будет использоваться как идеологическое прикрытие для протекционизма и усиления государственного контроля над обществом. Геополитика сетевых платформ – это борьба за будущее устройство мирового порядка.

Цифровой суверенитет из технической задачи превратился в политический проект, определяющий границы национального влияния в цифровую эпоху. Победитель в этой борьбе определит не только то, чьи компании будут доминировать,

но и чьи ценности, правовые нормы и модели управления станут доминирующими в виртуальном пространстве, которое уже неотделимо от реального.

По сути, на наших глазах формируется многополярный цифровой мир, где конфликты будут происходить не столько на земле, сколько в облаках, в коде алгоритмов и в потоках данных. Поэтому нашей важнейшей задачей станет найти возможность избежать или хотя бы минимизировать их.

Искусственный интеллект в контексте международного сотрудничества

Искусственный интеллект, являясь ключевой технологией нашего времени, создает уникальную дилемму для мирового сообщества. С одной стороны, он стал полем ожесточенной геостратегической и технологической конкуренции, особенно между США и Китаем. С другой – его транснациональное воздействие (на экономику, безопасность, права человека) настоятельно требует выработки общих норм, стандартов и правил. ИИ, таким образом, стал не просто темой, а новой архитектурной основой для международного сотрудничества в условиях растущего раскола.

Вредоносное использование ИИ (дестабилизирующие deepfakes, автономное кибероружие, алгоритмическая дезинформация) не признает национальных границ. Угроза исходит не только от государств, но и от негосударственных акторов. Без диалога и базовых договоренностей эти риски становятся неуправляемыми для всех. Для функционирования глобальной экономики (торговля, логистика, финансы, связь) необходима совместимость ИИ-систем, стандарты обмена данными и протоколы кибербезопасности. Стихийная фрагментация технологических экосистем несет огромные издержки. Решение проблем, требующих анализа огромных данных (изменение климата, пандемии, исследование космоса, моделирование биоразнообразия) возможно только через объединение вычислительных ресурсов, данных и научных компетенций разных стран. Спутниковые данные, радиочастотный спектр, открытые научные базы знаний – это ресурсы, управление которыми требует многосторонних соглашений. ИИ как инструмент их обработки усиливает эту потребность.

Парадокс современной международной системы заключается в том, что, действуя в интересах собственной безопасности, каждая держава должна неявно признавать ответственность за поддержание всеобщего мира. Управление технологиями ИИ становится проверкой способности человечества к коллективным действиям. Исторически государства смогли выработать ограничения на применение химического оружия, теперь возникает насущная необходимость выработать новые нормы, регулирующие применение ИИ в военной сфере. Эти соглашения должны быть достигнуты до того, как технологии ИИ сделают эскалацию неконтролируемой. Ключевыми для формирующегося сотрудничества могут стать следующие сферы: безопасность и контроль над вооружениями; экономика и стандартизация; этика, права человека и управление данными; наука и глобальные вызовы.

С 2023 г. проводятся международные саммиты по искусственному интеллекту. В ходе третьего саммита, прошедшего 10–11 февраля 2025 г. в Париже была принята декларация «Об инклюзивном и устойчивом искусственном интеллекте», констатирующая необходимость преодоления цифрового разрыва через доступность

ИИ, создания этических правил, соответствующих международным нормам, международное сотрудничество в вопросах управления ИИ [10].

Интенсивная деятельность осуществляется также внутри структуры Организации Объединённых Наций. Например, 26 октября 2023 г. был сформирован Высший консультативный орган по искусственному интеллекту, занимающийся изучением угроз, перспектив и вопросов международной регуляции данной сферы. В марте 2024 г. Генассамблея ООН одобрила первую резолюцию по американской инициативе, посвящённую применению безопасных, устойчивых и надежных технологий искусственного интеллекта для целей устойчивого развития. Позже поступила инициатива китайской стороны с еще одной резолюцией по вопросам ИИ. Наконец, 22 сентября 2024 г. сессия Генеральной Ассамблеи утвердила проект Глобального цифрового договора, подразумевающего организацию всемирного диалога по управлению технологиями искусственного интеллекта с целью согласованного взаимодействия стран всего мира.

В связи с рисками, угрожающими правам человека и усугубляющими существующее неравенство, актуализируются этические аспекты функционирования ИИ. Поэтому в ноябре 2021 года 193 государства – члена ООН приняли первый глобальный нормативный документ в этой области – Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта, в которой были выделены четыре основных ценностных установки, закладывающих основу для систем ИИ и работающих на благо человечества, отдельных людей, обществ и окружающей среды: человеческое достоинство и права человека; жизнь в мирных, справедливых и взаимосвязанных обществах; обеспечение разнообразия и инклюзивности; благополучие окружающей среды и экосистем⁵.

Этическая сторона в деятельности ИИ также находится в центре внимания ведущих стран [11]. 15 августа 2023 г. в Китае приняты и начали действовать Правила управления генеративным ИИ, в соответствии с которыми требуется лицензирование и возможна цензура контента. В ноябре 2023 года принято соглашение 18 стран, в основном западных, предполагающее защиту от кибератак и неправомерного использования (например, мошенничества), мониторинг систем на предмет злоупотреблений, обеспечение безопасности данных на всех этапах жизненного цикла ИИ. В июле 2024 г. компании OpenAI и Google подписали добровольные обязательства по безопасности ИИ в рамках инициативы Белого дома. А в октябре 2024 г. в Великобритании прошел первый глобальный саммит по безопасности ИИ.

Проблемы искусственного интеллекта рассматриваются в рамках таких международных объединений, как «Большая двадцатка», БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, что свидетельствует о высокой значимости данной проблемы в рамках международной деятельности [12].

Страны-лидеры стремятся экспортировать свои стандарты, чтобы закрепить конкурентное преимущество. Страны-последователи опасаются новой формы цифрового колониализма, а общая эрозия доверия в международных институтах

⁵ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Adopted on 23 November 2021 // UNESDOC Digital library: [сайт]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 26.01.2026).

затрудняет достижение консенсуса по столь сложным вопросам, как ИИ. Между тем искусственный интеллект не станет аналогом космоса или ядерного оружия 1960-х, где доминировала биполярная логика и сравнительно четкое разграничение сфер. Он более диффузен, коммерциализирован и глубоко встроен в социум. Скорее всего в ближайшей перспективе кооперация будет носить «отраслевой» и фрагментарный характер, углубляться в технических областях (стандарты, климат), но оставаться поверхностной и декларативной в сферах, затрагивающих национальную безопасность и ценностные основы.

Таким образом, международное сотрудничество по ИИ будет развиваться по парадоксальной траектории, углубляясь по мере нарастания рисков, но постоянно отставая от темпов развития самой технологии. Его будущее зависит от способности мирового сообщества выделить узкие, но критически важные сферы, где общий интерес к выживанию и стабильности перевесит краткосрочные конкурентные преимущества.

Выводы

Эволюция искусственного интеллекта предполагает расширение эпистемологических рамок для понимания объективной реальности. В контексте международных отношений – сфере, имеющей критическое значение для человечества в силу вопросов безопасности, конфликтов и ответов на глобальные вызовы – формирование новой акторности способно привести к значительной трансформации. Этот процесс несет потенциал для содействия устойчивому развитию, но чреват и новыми рисками для международного диалога. В связи с пересмотром критериев субъектности в научном сообществе укрепляется позиция, что ИИ уже обрел или в обозримом будущем обретет статус самостоятельного актора, влияющего на мировую политику напрямую и косвенно через транснациональные политические решения, системы оценки рисков и регулирование коммуникационного пространства.

Мировое сообщество пытается минимизировать риски ИИ, создавая общие этические и правовые нормы для уязвимых сфер. Однако разногласия между крупнейшими странами по вопросам регулирования препятствуют согласию, усиливая потребность в более тесной кооперации. Ключевую роль в этой координации уже играют инициативы, продвигаемые в рамках ООН.

Таким образом, ИИ становится полноправным участником системы международных отношений, органично вписавшись в формирующуюся мировую архитектуру. Он меняет природу войны, переопределяет понятие суверенитета и создает новые инструменты геополитического влияния. В этих условиях странам необходимо рассматривать ИИ и сетевые платформы амбивалентно: и как вопрос внутреннего регулирования, и как вызов международной безопасности. Будущее международных отношений будет зависеть от способности ведущих держав найти баланс между технологической гонкой и ответственностью, выработав новые правила для эпохи, когда партнером человека в принятии решений становится машина, наделенная технологией искусственного интеллекта.

На основании вышеизложенного предлагаем рекомендации для наиболее эффективного использования ИИ в международной практике.

Для государств и международных организаций:

- активизировать переговоры в рамках ООН по разработке юридически обязательного протокола, запрещающего или строго ограничивающего применение смертоносных автономных систем вооружений. Использовать исторические прецеденты (конвенции по химическому и биологическому оружию) как основу;
- создать постоянные каналы коммуникации между ведущими державами для управления кризисами, связанными с ИИ в киберпространстве и военной сфере, с целью предотвращения непреднамеренной эскалации;
- создавать в министерствах иностранных дел специализированные подразделения по цифровой дипломатии и управлению ИИ, способные участвовать в сложных международных переговорах;
- разрабатывать национальные стратегии «цифрового суверенитета», которые балансируют между защитой данных граждан, стимулированием инноваций и обеспечением технологической взаимозависимости;
- инвестировать в ИИ-инструменты для анализа международной информации (Big Data) и поддержки дипломатических решений, параллельно разрабатывая протоколы проверки информации для борьбы с дезинформацией;
- пересматривать военные доктрины с учетом «алгоритмической войны». Учесть, что противником может быть нечеловеческий интеллект с непонятной логикой;
- внедрять принципы «ответственного ИИ» в оборонные закупки и разработки, обеспечивая постоянный содержательный контроль человека в критических решениях.

Для международного многостороннего сотрудничества:

- поддерживать и расширять мандат Консультативного органа высокого уровня по ИИ, стремясь преобразовать его рекомендации в конкретные рабочие группы по разным аспектам (безопасность, этика, развитие);
- поощрять формирование тематических коалиций государств и заинтересованных сторон, кроме ООН, для решения конкретных проблем, например, по регулированию генеративного ИИ или использованию ИИ для Целей устойчивого развития;
- содействовать диалогу не только между политиками и юристами, но и между техническими экспертами разных стран для выработки общих стандартов интероперабельности, кибербезопасности и тестирования ИИ-систем.

Главная рекомендация, вытекающая из исследования – необходимо перейти от реактивного к проактивному и превентивному управлению трансформацией, которую несет ИИ. Окно возможности для формирования стабильных, справедливых и безопасных правил игры еще открыто, но оно быстро сужается по мере ускорения технологического прогресса и нарастания геополитической конкуренции. Будущее международного управления зависит от способности человечества проявить коллективную мудрость, поставив технологии на службу глобальной стабильности, а не новым формам конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов Н.А. Искусственный интеллект как новый актер системы международных отношений: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025. № 3. С. 159–179. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>. EDN: MLZZPT.
2. Киссинджер Г.А. Искусственный разум и новая эра человечества / Г. Киссинджер, Э. Шмидт,

- Д. Хаттенлокер; пер. с англ.: К. Ахметов. Москва: Альпина ПРО, 2022. 198 с.
3. Roumate, F. Artificial Intelligence and the New World Order. New Weapons, New Wars and a New Balance of Power. Cham: Springer, 2024. XII, 165 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50312-2>.
 4. Безруков А., Мамонов М., Ребро О., Сушенцов А. Realpolitik в «цифре»: суверенитет, союзы и неприсоединение в XXI веке. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь 2021 // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/> (дата обращения: 14.01.2026).
 5. Джуркович М. Проблемы регулирования искусственного интеллекта. 12.12.2024 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problemy-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.01.2026).
 6. Смирнов А.И., Исаева Т.В. Международная безопасность: вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта // Международная жизнь. 2023. № 8. С. 94–107. EDN: ALSAZN.
 7. Johnson, J. The AI-cyber Nexus: Implications for Military Escalation, Deterrence and Strategic Stability // Journal of Cyber Policy. 2019. Vol. 4. Iss. 3. P. 442–460. <https://doi.org/10.1080/23738871.2019.1701693>.
 8. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 // Official Journal of the European Union: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 14.01.2026).
 9. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Анализ основных положений и принципов регулирования. АНО «Цифровая экономика», 2024. [эл. доступ]. URL: <https://d-economy.ru/analytic/reglament-es-ob-iskusstvennom-intellekte/> (дата обращения: 16.01.2026).
 10. Statement on Inclusive and Sustainable Artificial Intelligence for People and the Planet. 11 Feb. 2025 // La Maison Élysée: [сайт]. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/statement-on-inclusive-and-sustainable-artificial-intelligence-for-people-and-the-planet> (дата обращения: 14.01.2026).
 11. Солодов Д.А., Шиверов П.К., Иванова П.Н. Искусственный интеллект в международных отношениях и дипломатической службе // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4 (26). С. 79–94. EDN: ILYSVM.
 12. Выходец Р.С. Политика стран ЕАЭС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 106–117. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>. EDN: SIZGKC.

REFERENCES

1. Baranov, N.A. Artificial Intelligence as a New Actor in the System of International Relations: Challenges and Prospects. *PolitBook*. 2025. № 3. P. 159–179. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-3-159-179>. EDN: MLZZPT.
2. Kissinger, G.A. Artificial Intelligence and the New Era of Mankind / G. Kissinger, E. Schmidt, D. Hattenlocker; translated from English: K. Akhmetov. Moscow: Alpina PRO, 2022. 198 p. (In Russian).
3. Roumate, F. Artificial Intelligence and the New World Order. New Weapons, New Wars and a New Balance of Power. Cham: Springer, 2024. XII, 165 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50312-2>.
4. Bezrukov, A., Mamonov, M., Rebro, O., Sushentsov, A. Realpolitik v «tsifre»: suverenitet, soyuzy i neprisoedineniye v XXI veke. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday» [Realpolitik in Digital: Sovereignty, Alliances and Non-Alignment in the 21st Century. Report of the Valdai International Discussion Club]. September 2021. *Valdai International Discussion Club*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/> (accessed: 14.01.2026). (In Russian).
5. Djurkovich, M. Problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta [Problems of Artificial Intelligence Regulation]. 12.12.2024. *Valdai International Discussion Club*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problemy-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/> (accessed: 14.01.2026). (In Russian).
6. Smirnov, A.I., Isaeva, T.V. International Security: Challenges and Threats of Artificial Intelligence Technologies. *The International Affairs*. 2023. No. 8. P. 94–107. (In Russian). EDN: ALSAZN.
7. Johnson, J. The AI-cyber Nexus: Implications for Military Escalation, Deterrence and Strategic

Stability. *Journal of Cyber Policy*. 2019. Vol. 4. Iss. 3. P. 442–460.
<https://doi.org/10.1080/23738871.2019.1701693>.

8. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024. *Official Journal of the European Union*. Available at <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (accessed: 14.01.2026).

9. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Анализ основных положений и принципов регулирования [European Union Regulation on Artificial Intelligence. Analysis of the Main Provisions and Principles of Regulation]. ANO “Digital Economy”, 2024. Available at <https://d-economy.ru/analytic/reglament-es-ob-iskusstvennom-intellekte/> (accessed: 16.01.2026). (In Russian).

10. Statement on Inclusive and Sustainable Artificial Intelligence for People and the Planet. 11 Feb. 2025. *La Maison Élysée*. Available at <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/02/11/statement-on-inclusive-and-sustainable-artificial-intelligence-for-people-and-the-planet> (accessed: 14.01.2026).

11. Solodov, D.A., Shiverov, P.K., Ivanova, P.N. Artificial Intelligence in International Relations and Diplomatic Service. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2020. No. 4 (26). P. 79–94. (In Russian). EDN: ILYSVM.

12. Vykhodets, R.S. The EAEU’s AI Strategy. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022. Vol. 16. No. 3 (41). P. 106–117. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-106-117>. EDN: SIZGKC.

Сведения об авторах / Information about authors

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Факультета международных отношений и политических исследований; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: nicbar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3547-3644

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bakhturidze Zeynab Z. – Doctor of Political Science, Director of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Baranov Nikolay A. – Doctor of Political Science, Full Professor, Department of International Relations, Faculty of International Relations and Political Studies; North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: nicbar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3547-3644

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026.

Одобрена после рецензирования 04.02.2026.

Принята 04.02.2026.

Received 15.01.2026.

Approved after reviewing 04.02.2026.

Accepted 04.02.2026.

научная статья / research article

УДК: 338.2

EDN: [КМНХУС](#)

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.1.2

Научная специальность ВАК:
5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Рейтинговые показатели крупнейших российских арктических компаний в области корпоративной социальной и экологической ответственности

Веселова Дарья Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 daria-voronchikhina@mail.ru

Аннотация

Введение. В арктической зоне Российской Федерации в связи с заявленным курсом на социально-экономическое развитие территорий ведется активная хозяйственная деятельность крупных добывающих компаний. Такая деятельность может повлечь за собой негативные последствия для окружающей среды и местного населения. Поэтому все популярней становится политика корпоративной социальной и экологической ответственности компаний. Для ее измерения существуют различные рейтинги, результаты которых порой противоречивы. Научную проблему и актуальность выбранной темы представляют причины противоречивости результатов сравнительного анализа данных авторитетных российских рейтингов за последние годы двадцати компаний, работающих в арктической зоне Российской Федерации. Новизна работы заключается в разработке рекомендаций для совершенствования методик рейтингов.

Методы и материалы. В исследовании использованы такие методы, как анализ документов, сравнительный анализ, case-study, обобщение, синтез. Эмпирическая база представлена подзаконными актами РФ, отчетами компаний, данными с сайтов Российского союза промышленников и предпринимателей, рейтинговых агентств и исследуемых компаний.

Результаты. На основе информации с сайтов компаний и опубликованных отчетов об устойчивом развитии проанализирована деятельность в области корпоративной социальной и экологической ответственности ряда арктических компаний. Выявлены причины противоречий в результатах рейтингов, которые сводятся к различиям в методиках анализа и оценки показателей корпоративной социальной и экологической ответственности арктических компаний. Разработаны рекомендации по совершенствованию методик рассмотренных рейтингов.

Обсуждение и Заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что целостная картина по ранжированию компаний в зависимости от проводимой ими политики в области корпоративной социальной и экологической ответственности не сложилась. Рейтинги учитывают разные критерии и не учитывают многие показатели, уникальные для Арктики, и потому наблюдается противоречивость в оценках компаний, что влечет недоверие к результатам рейтингов. Полагаем, что разработка нового рейтинга российских арктических

компаний на основе предложенных рекомендаций поможет разрешить сложившуюся проблему.

Ключевые слова: корпоративная социальная и экологическая ответственность; арктическая зона РФ; арктические компании; рейтинги; методики рейтингов; оценка компаний

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-00975, <https://rscf.ru/project/25-28-00975/>.

Для цитирования: Веселова Д.Н. Рейтинговые показатели крупнейших российских арктических компаний в области корпоративной социальной и экологической ответственности // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 26–47. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.2>. EDN: [КМНХУС](https://www.edn.ru/10.48612/rg/RGW.29.1.2).

© Веселова Д.Н., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Corporate Social and Environmental Responsibility Ratings for the Largest Russian Arctic Companies

Darya N. Veselova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 daria-voronchikhina@mail.ru

Abstract

Introduction. The large mining companies are actively engaged in economic activities in the Arctic zone of the Russian Federation in connection with the declared course for the socio-economic development of the territories. Such activities may have negative consequences for the environment and local populations. Therefore, the corporate social and environmental responsibility policy of such companies is becoming increasingly popular. There are various ratings to measure it, the results of which are sometimes contradictory. The scientific problem and relevance of the chosen topic are presented by the reasons for the contradictory results of a comparative analysis of data of authoritative Russian ratings of twenty companies operating in the Arctic zone of the Russian Federation for the last years. The novelty of the work lies in the development of recommendations for improving rating methods.

Methods and materials. The study used document analysis, comparative analysis, case-study, generalization and synthesis. The empirical base is represented by by-laws of the Russian Federation, company reports, data from the websites of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, rating agencies and the considered companies.

Results. The corporate social and environmental responsibility activities of a number of Arctic companies were analyzed based on information from company websites and published sustainability reports. The reasons for the discrepancies in the rating results have been identified; they lie in the differences in the methods used to analyze and evaluate the indicators of corporate social and environmental responsibility of Arctic companies. Recommendations for improving the methods of the reviewed ratings have been developed.

Discussion and Conclusions. The obtained results allow us to conclude that a comprehensive picture of the ranking of companies based on their policies in the area of corporate social and environmental responsibility hasn't been formed. The ratings take into account different criteria and don't take into account many unique to the Arctic indicators, so resulting in inconsistencies in company assessments, which leads to a lack of confidence in the ratings results. We think that developing a new rating of Russian Arctic companies based on the proposed recommendations will help resolve this problem.

Keywords: corporate social and environmental responsibility; the Arctic zone of the Russian Federation; Arctic companies; ratings; rating methods; company assessment

Funding: The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation № 25-28-00975, <https://rscf.ru/project/25-28-00975/>.

For citation: Veselova, D.N. The Corporate Social and Environmental Responsibility Ratings for the Largest Russian Arctic Companies. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 26–47. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.2>. EDN: KMHXYC.

© Veselova, D.N., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Арктика, играя ключевую роль в формировании климата всей Земли, имеет свою уникальную экосистему и является домом как для коренных народов, сохранивших свою самобытную культуру, так и для редких представителей флоры и фауны. В связи с политикой России, направленной на социально-экономическое развитие региона, масштабы и объемы хозяйственной деятельности крупных российских компаний увеличиваются. Такая интенсификация деятельности может нести угрозу нанесения вреда хрупкой окружающей среде Арктики и местному населению.

Активное развитие бизнеса в Арктике все более привлекает внимание государства, общественности и исследователей не только с точки зрения развития экономики региона, но и обеспечения экологической безопасности, развития социальной инфраструктуры, сохранения культуры коренных народов. Общественные деятели и специалисты уверены, что применение концепции корпоративной социальной и экологической ответственности (далее КСЭО)¹ к хозяйственной деятельности крупных предприятий Арктической зоны Российской Федерации (далее АЗ РФ) может стать ключом к решению актуальных экологических и социальных вопросов, которые возникают в регионе в связи с их функционированием. Организации, реализующие мероприятия в области КСЭО, имеют шанс повысить имидж и авторитет в глазах заинтересованных сторон, среди которых и государственные органы.

Корпоративная социальная и экологическая ответственность – это добровольное стремление бизнеса внести свой вклад в общественное благо, охватывающее экономическую, экологическую и социальную сферы. Этот вклад тесно связан с основными бизнес-процессами компании, но превосходит установленные законом минимальные требования. КСЭО тесно связано с ESG (Environmental, Social, Corporate Governance), но последнее носит обязательный характер и требует предоставления нефинансовой отчетности. КСЭО же остается добровольным начинанием компаний.

Как в мире, так и в России разработаны рейтинги и индексы для ранжирования компаний в зависимости от проводимой ими политики в области КСО, включая специальные рейтинги для организаций, осуществляющих деятельность в АЗ РФ (далее арктические компании). Дадим краткую характеристику тех из них, результаты которых использованы в работе.

¹ В данном исследовании понятия «корпоративная социальная и экологическая ответственность (КСЭО)», «корпоративная социальная ответственность (КСО)» равнозначны.

1. Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в российской Арктике (Полярный индекс, ПИ), ведущийся с 2018 г. Проектным офисом развития Арктики (ПОРА) совместно с кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В рейтинге участвуют 23 арктические компании и 9 арктических регионов². Рейтинг ранжирует компании, осуществляющие деятельность в Арктике, в зависимости от применения ими концепции устойчивого развития.

2. Комплекс индексов корпоративной социальной ответственности, разработанный совместно РСПП и Европейским университетом в Санкт-Петербурге, который состоит из двух индексов: «Вектор устойчивого развития» и «Ответственность и открытость», и применяется с 2014 г. Рейтинги учитывают экологическую, экономическую и социальную результативность и показатели корпоративного управления. «Вектор устойчивого развития» – индекс, отражающий динамику показателей социально-экономической и экологической результативности деятельности компаний и наличие/отсутствие управленческих факторов позитивной динамики. Индивидуальные значения индекса по отдельным компаниям используются для выявления лучшей практики³. В 2025 г. в выборку включены 56 компаний⁴.

«Ответственность и открытость» – индекс, отражающий общую ситуацию в сфере раскрытия информации об устойчивом развитии (далее УР/КСО) в публичной корпоративной отчетности крупнейших российских компаний. Индивидуальные значения индекса по отдельным компаниям используются для выявления лучшей практики раскрытия информации об УР/КСО, максимально возможное значение индекса равно 1⁵. Для оценки используются 46 показателей, которые раскрываются через 88 индикаторов, объединенные в 5 групп: экономические, социальные (в отношении персонала), социальные (в отношении общества), экологические, управленческие. В 2025 г. в выборку вошли 62 компании⁶.

3. Конкурс годовых отчетов, организуемый Группой Московская Биржа и Медиа группа «РЦБ» с 2015 г. В 2025 г. прошел 28 конкурс годовых отчетов. Среди номинаций отметим: «Лучшее раскрытие информации о корпоративном управлении», «Лучшее раскрытие ESG-информации», «Лучший отчет об устойчивом развитии»⁷. То есть оценивается деятельность компаний, в том числе по социальной и экологической ответственности.

4. Рейтинг экологической и социальной ответственности Рейтингового Агентства «Эксперт». Рейтинг представляет собой мнение агентства о том, в какой степени процесс принятия ключевых бизнес-решений в компании ориентирован на устойчивое развитие в

² Рейтинги устойчивого развития компаний и регионов Арктики // Полярный индекс: [сайт]. URL: <https://polarindex.ru/> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Методика составления индексов РСПП по устойчивому развитию (ESG-индексов). 2023 // РСПП: [эл. доступ]. URL: https://rspp.ru/upload/content/e6b/6k0zgw2doh6jkqqtj2a90z9k573q3941/Methodika_2023.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

⁴ Индексы РСПП в области устойчивого развития – 2025. Результаты // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/events/news/indeksy-rspp-v-oblasti-ustoychivogo-razvitiya-2025-rezultaty-69383b4926ce5/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ 28-й конкурс годовых отчетов. 2025 // Конкурс годовых отчетов MOEX: [сайт]. URL: <https://konkurs.moex.com/> (дата обращения: 18.12.2025).

экологической, социальной и экономической сферах. Компании делятся на 6 групп в зависимости от уровня реализации и планирования практик в области устойчивого развития (ESG-I, ESG-II, ESG-III, ESG-IV, ESG-V, ESG-W). ESG-W присваивается, если зафиксирован случай значительного нарушения интересов в области устойчивого развития, связанный с деятельностью объекта рейтинга, однако необходима дополнительная информация для определения степени его ответственности⁸.

5. Рейтинг нефинансовой отчетности (об устойчивом развитии) информационного агентства АК&М (далее АК&М 1). Список участников формируется из списка 300 крупнейших промышленных, энергетических, транспортных, торговых и связных компаний по выручке. Рассматриваются как специализированные отчеты по устойчивому развитию, так и профильные разделы в годовых отчетах. Все компании разделены на компании, имеющий высший уровень раскрытия информации об устойчивом развитии в отчетах, высокий, достаточный и приемлемый уровень⁹.

6. Рейтинг социальной эффективности крупнейших российских компаний информационно-аналитического агентства АК&М (далее АК&М 2). В рейтинг включены компании, деятельность которых соотносится с принципами устойчивого развития и максимально полно раскрывающие информацию о социальной и экологической деятельности. В 2024 г. в список оценки вошли 57 компаний с лучшей практикой устойчивого развития; в 2025 г. 63 компании¹⁰.

7. ESG-рейтинг российских компаний рейтинговой группы RAEX¹¹. В рейтинге оцениваются показатели 22 компаний. Общий ESG-рейтинг, экологические, социальные и управленческие подрейтинги определяются на основе отнесения компании к одному из девяти рейтинговых классов. ESG-рейтинг рассчитывается как средневзвешенное значение по рейтингам трех разделов: экологического (E), социального (S) и управленческого (G). Компании, вошедшие в рейтинговый диапазон А, осуществляют управление ESG-рисками и возможностями на высоком уровне; организации, вошедшие в рейтинговый диапазон В – на среднем уровне; компании, вошедшие в диапазон С – на низком уровне¹².

8. Арктика & КСО. Проект АНО «ИАЦ Государственной комиссии по вопросам развития Арктики» и АКРА Риск-Менеджмент. При расчете рейтинга в 2024 г. были проанализированы результаты деятельности 20 крупнейших компаний, чьи активы присутствуют в АЗРФ и которые регулярно публикуют нефинансовую отчетность. Компании распределились по 4 диапазонам¹³. За 2025 г. результаты отсутствуют.

⁸ Рейтинговые шкалы, используемые «Эксперт РА», прогнозы по рейтингам и статус «под наблюдением» // «Эксперт РА»: [сайт]. URL: <https://raexpert.ru/ratings/scales> (дата обращения: 03.11.2025).

⁹ Рейтинг отчетности об устойчивом развитии. 2025 // Рейтинговое агентство АК&М: [сайт]. URL: <https://akmrating.ru/rejtingotchetnostiesg/> (дата обращения: 03.11.2025).

¹⁰ Рейтинг социальной эффективности крупнейших российских компаний. 2025 // Рейтинговое агентство АК&М: [сайт]. URL: <https://akmrating.ru/rejtingsoceffektivnosty/> (дата обращения: 03.11.2025).

¹¹ Рейтинговое агентство Эксперт.

¹² ESG-рейтинги российских компаний (рейтинг-лист) – Методика // Рейтинговая группа RAEX: [сайт]. URL: https://raex-r.com/ESG/ESG_companies/rating_list/2026/methods/ (дата обращения: 18.12.2025).

¹³ Арктика & КСО. Рейтинг компаний – 2024. 31.01.2025 // Arctic Russia: [сайт]. URL: <https://arctic-russia.ru/article/arktika-kso-rejting-kompaniy-2024/> (дата обращения: 03.11.2025).

Рейтинги российским компаниям присваиваются и иными рейтинговыми агентствами, например, аналитическим кредитно-рейтинговым агентством (АКРА), национальным рейтинговым агентством (НРА) и др.

Цель исследования: разработать рекомендации по совершенствованию методик оценки КСЭО арктических компаний исследованных рейтингов. Основные задачи включают:

1. Изучить и сравнить результаты 9 авторитетных российских рейтингов / индексов / конкурсов, направленных на оценку КСЭО 20 крупных компаний, осуществляющих свою деятельность в Арктической зоне РФ, за 2024, 2025 гг.

2. Проанализировать деятельность в области КСЭО ряда арктических компаний и на основе этого выявить причины противоречий в результатах рейтингов.

3. Сформулировать рекомендации для рейтинговых агентств и научных учреждений по совершенствованию методики оценки политики арктических компаний в области КСЭО.

Анализ методик рассмотренных в статье рейтингов и индексов не является задачей автора работы.

Степень изученности проблемы

Научные работы в области КСЭО можно разделить на группы. Теоретическими аспектами занимались Завьялова Е.Б. [1], Кенина Д.С., Грудина О.Н., Исаенко А.П. [2], Курганова М.В., Сапрыкина О.А. [3], Сергунин А.А. [4], Д'Ансельми П. [5], Керолл А. [6], Клэпп Дж. [7], Фарук О., Фарук М. [8]. КСЭО компаний, осуществляющих хозяйственную деятельность в АЗ РФ, исследовалась Дивиной Т.В. [9], Назаровой Н.Н., Слепцовым А.Н. [10], Степановой Е.Н. [11], Тороповой А.Е., Харитоновой Н.А. [12] Торопушиной Е.Е. [13]. Тинккюнен В.-П. и Хитцталер С. [14] рассмотрели кейсы КСЭО крупных российских компаний в Арктике, установили взаимосвязи между показателями ISO и инициативами КСО в регионе.

Часто результаты рейтингов оказываются неоднозначными. Компания, которая занимает лидирующую позицию по результатам одного из рейтингов, может занимать одно из последних мест по результатам другого. В этой связи научная новизна исследования определяется выявлением причин возникающих противоречий в результатах рейтингов и предложением рекомендаций для совершенствования методик рейтингов с целью минимизации случаев расхождений в их результатах.

Методы и материалы

В исследовании используются общие (обобщение, синтез, анализ) и специальные научные методы (анализ документов, case-study, сравнительный анализ). Анализируются документы, содержащие правила проведения, оценки, определения результатов рейтингов, принятые субъектами рейтинговой деятельности, а также изучаются положения отчетов по устойчивому развитию арктических компаний. На основании этого выявляются основные причины противоречий в результатах рейтингов. Благодаря методу case-study, приводятся и анализируются конкретные результаты рейтингов для арктических компаний за 2024, 2025 гг., а также рассматриваются примеры деятельности ряда компаний в области КСЭО, что

способствует пониманию ситуации по имеющимся противоречиям в результатах рейтингов. Сравнительный анализ использован при сопоставлении результатов рейтингов. На основе выводов, полученных благодаря всем используемым в работе специальным научным методам, формулируются рекомендации для совершенствования методик рейтингов применительно к субъектам предпринимательской деятельности, функционирующим в АЗ РФ.

Эмпирическая база включает в себя подзаконные акты РФ, отчеты компаний, данные с сайтов Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), рейтинговых агентств и исследуемых компаний.

Результаты

Рассмотрим рейтинговые показатели в области КСЭО 20 российских арктических компаний из 4 секторов экономики: нефтегазовой, энергетической, металлургической и горнодобывающей, химической. Ввиду существенных отраслевых различий нагрузки на окружающую среду, социальную сферу, особенностей корпоративного управления, компании представлены группами в зависимости от секторов промышленности. Выборка проводилась на основании данных Таблицы Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП)¹⁴. Согласно Концепции развития публичной нефинансовой отчетности с 2023 г. требование публикации нефинансовой отчетности распространилось на 500 крупнейших организаций, объем выручки которых соответствует критериям ведущих российских рейтингов¹⁵. Конкретного списка таких организаций не существует. Поэтому возьмем за основу Рейтинг Forbes 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли за 2024, 2025 гг.¹⁶ (Табл. 1). Некоторые компании не входят в топ 100 компаний РФ по чистой прибыли ни за 2024 г., ни за 2025 г. Однако Госкорпорация «Росатом» обязана публиковать нефинансовые отчеты с 2019 г., так как является государственной корпорацией. ПАО «ЭЛ5-Энерго», МКПАО ОК «РУСАЛ», ПАО АК «АЛРОСА», МКПАО «En+ Group», АО «Пигмент» обязаны предоставлять нефинансовую отчетность с 2021 г., так как являются хозяйственными обществами, ценные бумаги которых допущены к обращению на организованных торгах¹⁷.

¹⁴ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 03.11.2025).

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р О концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по её реализации // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71573686/> (дата обращения: 03.11.2025).

¹⁶ 100 крупнейших компаний России по чистой прибыли – 2023, 2024, 2025. Рейтинг Forbes // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/497814-100-krupnejsih-kompanij-rossii-po-cistoj-pribyli-2023-rejting-forbes> (дата обращения: 03.11.2025).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р О концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по её реализации // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71573686/> (дата обращения: 03.11.2025).

Таблица 1 / Table 1

**Крупные компании, работающие в АЗ РФ, публикующие нефинансовую отчетность
 (составлено автором)**

**The large companies operating in the Arctic Zone of the Russian Federation and publishing
 non-financial reports (compiled by the author)**

Название компании	Годы публикации отчетов	Крупнейшая компания за 2024 г.	Крупнейшая компания за 2025 г.
Нефтегазовая сфера			
ПАО «НК «Роснефть»»	2006–2024	1	2
ПАО «НОВАТЭК»	2004–2024	5	7
АО «Зарубежнефть»	2012–2023		79
ПАО «Транснефть»	2016–2020, 2023	8	11
ПАО «Лукойл»	2003–2024	4	5
Энергетика			
ПАО «Газпром»	2008–2024		3
Госкорпорация «Росатом»	2021–2024		
ПАО «РусГидро»	2007–2024	76	
ПАО «ЭЛС-Энерго»	2015–2024		
ПАО «ИНТЕР РАО ЕЭС»	2011–2024	20	17
Металлургическая и горнодобывающая			
ПАО «ГМК «Норильский никель»»	2003–2024	10	15
ПАО «Северсталь»	2004–2006, 2010–2024	13	16
МКПАО ОК «РУСАЛ»	2004–2024		
ПАО АК «АЛРОСА»	2011–2024	29	
МКПАО «En+ Group»	2018–2024		
Химическая			
ПАО «ФосАгро»	2013–2024	28	25
ПАО «СИБУР-Холдинг»	2006–2011, 2016–2024	16	13
АО «МХК «ЕвроХим»»	2000–2021	24	21
ПАО «Акрон»	2022–2024	67	70
АО «Пигмент»	2019–2024		

В 2025 г. 2 место среди крупнейших компаний России по чистой прибыли заняло ПАО «НК «Роснефть»» (1-е место в 2024 г., 3-е место в 2023 г.). В 2023 г. на 1 месте было ПАО «Газпром», которое на 2024 г. не входило в топ 100 компаний. Однако в 2025 г. компания заняла 3-е место. Также в топ 10 компаний по чистой прибыли за 2025 г. входят ПАО «Лукойл» (5-е место) и ПАО «НОВАТЭК» (7-е место). Как мы видим, данные компании представляют нефтегазовый сектор, что все еще говорит о сырьевом характере российской экономики.

Многие компании предоставляют нефинансовые отчеты уже с 2010-х гг. Однако ряд компаний не публикуют отчеты. Например, на сайте РСПП отсутствует информация о предоставлении АО «Зарубежнефть» отчета об устойчивом развитии за 2024 г.¹⁸ На официальном сайте данной компании отчет также не размещен¹⁹. Однако АО входит в 100 крупнейших компаний РФ по чистой прибыли (79 место), а, значит, обязано публиковать такие отчеты. Подобная ситуация и с ПАО «Транснефть», которое занимает 11-е (!) место в рейтинге по чистой прибыли за 2025 г. ПАО «Транснефть» не публиковало отдельный отчет об устойчивом развитии за 2024 г.²⁰, финансовые и производственные результаты за этот период представлены в консолидированной финансовой отчетности по международным стандартам финансовой отчетности. Экологическая информация и социальные результаты за 2024 г. нигде не представлены. АО «МХК «ЕвроХим»» заняло в 2025 г. 21-е место по чистой прибыли, но в открытых источниках отчеты об устойчивом развитии компанией не размещены, несмотря на то, что и 2023 г. и в 2024 г. компания входила в топ 100 компаний по чистой прибыли.

Таким образом, многие крупнейшие компании, в обязанности которых входит публикация нефинансовой отчетности, данные обязательства не выполняют. В соответствии со статьей 19.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях в случае непредставление сведений (информации), представление которых предусмотрено законом, влечет за собой предупреждение или наложение административного штрафа²¹, минимальные и максимальные значения которого варьируются в зависимости от субъекта, совершившего правонарушение, а предельный размер для организаций составляет лишь 5 000 рублей (!).

Рассмотрим позиции 20 компаний в российских рейтингах КСЭО по результатам девяти рейтингов за 2024 г. и 2025 г. (табл.2)

¹⁸ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

¹⁹ Отчеты // АО «Зарубежнефть»: [сайт]. URL: <https://www.nestro.ru/ru/ustoychivoe-razvitie/otchety/> (дата обращения: 18.12.2025).

²⁰ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

²¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях №195-ФЗ от 30.12.2001 // Консультант Плюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=517484-0&req=doc&base=LAW&n=521657&rnd=LAAGw#ibvsi5VwUgDgFhO11> (дата обращения: 18.12.2025).

Таблица 2 / Table 2

Участие крупных компаний, работающих в АЗ РФ и публикующих нефинансовую отчетность, в российских рейтингах (составлено автором)
The participation of large companies operating in the Russian Arctic and publishing non-financial reports in Russian ratings (compiled by the author)

Компания/ рейтинг (2024/2025)	ПИ ²²	Ответ- ствен- ность и откры- тость ²³	Вектор устойчи- вого разви- тия ²⁴	конкурс годовых отчетов	РА «Экс- перт» ²⁵	АК&М 1	АК&М 2	RAEX ²⁶	Арктика & КСО ²⁷
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Нефтегазовая сфера									
ПАО «НК «Роснефть»»	3А/5А	В+/А	/С				41,0 тыс. усл. руб./усл.г (6 место)/ 57,86 (4 место) нефтегазо- вая отрасль	АА/АА	29,5 (ВУО- 5 место)/*
ПАО «НОВАТЭК»	9В/4А	А/А	А/А	Лучшее раскры- тие ESG- информа- ции (2 место 2024)			67,5 тыс. усл. руб./усл.г (4 место)/ 59,21 (2 место) нефтегазо- вая отрасль		34,5 (НУО- 3 место)/*
АО «Зарубеж- нефть»	5А/2А							А/отозван	5,5 (НУО- 16 место)/*
ПАО «Транснефть»	16С/9В	С/С	С/С						17 (СУО- 15 место)/*
ПАО «Лукойл»	15С/12В	А/А	В/А			96,0 (высший уровень)/ 96 (высший уровень)	51,3 тыс. усл. руб./усл.г (5 место)/ 58,82 (3 место) нефтегазо- вая отрасль		29,5 (ВУО- 6 место)/*
Энергетика									
ПАО «Газпром»	6А/6А	А/А	А/В			99,4 (высший уровень)/ 97,3 (высший уровень)	34,7 тыс. усл. руб./усл.г (7 место)/ 48,57 (5 место) нефтегазо- вая отрасль		29 (ВУО-7 место)/*

²² А – активная политика, В – умеренная политика, С – недостаточно активная политика.

²³ А – значение индекса 0,75 и выше; В+ – 0,65–0,74; В – 0,55–0,64; С – 0,45–0,54.

²⁴ А – сильная позитивная динамика, значение индекса выше 0,25; В – слабая позитивная динамика, 0,01–0,25; С – разнонаправленная динамика, 0,00–(-0,16).

²⁵ ESG-A+, ESG-AA-, ESG-II(b), ESG-II(c) – очень высокий уровень реализации практик по УР.

²⁶ А – высокий уровень; АА – очень высокий уровень; ААА – наивысший уровень.

²⁷ НУО – наивысший уровень ответственности; ВУО – высокий; СУО – средний; НУО – низкий.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Госкорпорация «Росатом»	13B/16C	B+/B+	B/A		отозван		181,9 тыс. усл. руб./усл.т (1 место)/- энергетика		37,5 (НУО-2 место)/*
ПАО «РусГидро»	-	A/A	B/A	Лучшее раскрытие информации о корпоративном управлении (2 место 2024)	ESG-AA- /ESG-AA-		1,0 тыс. усл. руб./усл.т (6 место)/ 0,97 (6 место) энергетика		
ПАО «ЭЛС-Энерго»	-						1,9 тыс. усл. руб./усл.т (5 место)/ 1,05 (5 место) энергетика		
ПАО «ИНТЕР ПАО ЕЭС»	-	A/A	C/A	Лучшее раскрытие информации о корпоративном управлении (2 место 2025)		87,8 (высший уровень)/ 89 (высший уровень)	6,4 тыс. усл. руб./усл.т (2 место)/ 5,54 (1 место) энергетика		
Металлургическая и горнодобывающая									
ПАО «ГМК «Норильский никель»»	1A/1A	A/A	A/A	Лучший отчет об устойчивом развитии (1 место 2024)	ESG-П(с)/ESG-A+		8,5 тыс. усл. руб./усл.т (5 место) / 11,8 (6 место) цветная металлургия	AA/AAA	41 (НУО-1 место)/*
ПАО «Северсталь»	7A/8B	A/A	A/A	Лучшее раскрытие ESG-информации (1 место 2024)/ Лучший отчет об устойчивом развитии (1 место 2025)			2,5 тыс. усл. руб./усл.т (3 место)/ 2,5 (4 место) черная металлургия	AA/AA	31,5 (НУО-4 место)/*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
МКПАО ОК «РУСАЛ»	17С/20С	А/А	В/А	Лучший отчет об устойчивом развитии (1 место 2025)	ESG- II(b)/ESG -II(b)	97,0 (высший уровень)/-	3,9 тыс. усл. руб./усл.г (7 место)/ 5,74 (8 место) цветная металлургия		28,5 (ВУО-10 место)/*
ПАО АК «АЛРОСА»	8В/11В	А/А	А/А				131,3 тыс. усл. руб./усл.г (1 место)/ 77,52 (2 место) цветная металлургия		28 (ВУО-11 место)/*
МКПАО «En+ Group»	-	А/А	С/А		ESG- II(b)/ESG -II(b)		4,0 тыс. усл. руб./усл.г (6 место)/ 5,0 (9 место) цветная металлургия		
Химическая									
ПАО «ФосАгро»	10В/14В	А/А	А/А	Лучший отчет об устойчивом развитии (1 место 2024)			22,4 тыс. усл. руб./усл.г (2 место) /18,62 (3 место) химия	AAA/AA А	29 (ВУО-8 место)/*
ПАО «СИБУР-Холдинг»	18С/15С	А/А	А/А	Лучший отчет об устойчивом развитии (3 место 2024)	ESG- II(b)/ESG -II(b)	99,4 (высший уровень)/ 103,8 (высший уровень)	20,4 тыс. усл. руб./усл.г (3 место)/ 22,96 (2 место) химия		
АО «МХК «ЕвроХим»»	20С/21С								1,5 (НУО-18 место)/*
ПАО «Акрон»	-					88,2 (высший уровень)/ 93,6 (высший уровень)	13,2 тыс. усл. руб./усл.г (4 место)/ 8,49 (4 место) химия		
АО «Пигмент»	-	А/А	А/А						

Рейтинг Арктика & КСО за 2025 г. еще не подвел итоги на момент публикации, поэтому результаты обозначены знаком «*».

Обсуждение полученных результатов

За основу возьмем Полярный индекс, так как оценивается деятельность российских арктических компаний, а индекс посвящен их устойчивому развитию и ведется ещё с 2018 г. 1-е место в рейтинге и за 2024 г. и за 2025 г. заняло ПАО «ГМК «Норильский никель». Оно также имеет высокие показатели по результатам других рейтингов, 1-е место по рейтингу Арктика & КСО за 2024 г., 1-е место в конкурсе в номинации «Лучший отчет об устойчивом развитии» за 2024 г. В то же время в 2025 г. компании не удалось получить места в номинациях «лучшее раскрытие ESG-информации», «лучший отчет об устойчивом развитии», «лучшее раскрытие информации о корпоративном управлении», хотя компания была номинирована²⁸. Компания улучшила свои результаты по рейтингу RAEX, однако спустилась на 6-е место с 5-го в рейтинге АК&М 2. В целом, ПАО является лидером рейтингов по КСЭО, что связано с активной публикацией сведений в Интернете.

С 2003 г. общество ежегодно публикует подробные отчеты об устойчивом развитии²⁹, с 2008 г. принимает локальные акты по КСЭО³⁰. В связи с этим компания имеет высокие показатели в рейтинге «Ответственность и открытость», так как данный индекс принимает во внимание именно раскрытие информации об устойчивом развитии в отчетности компаний. Компания проводит различные мероприятия по КСЭО, которые приносят видимые результаты. В сфере экологии реализуется Серная программа, результатом которой за 2024 г. стало снижение абсолютного уровня выбросов SO₂ на 20 %. Компания ежегодно увеличивает размер расходов в данной сфере, при этом снижаются выбросы парниковых газов, иных загрязняющих веществ. В социальной сфере ПАО реализует программы, направленные на улучшение условий работы и проживания работников и местных жителей (программа «Чистый Норильск» – вывезены более 80 тыс. тонн металлолома и 1 млн тонн мусора в 2023 г.), благотворительные программы («Мир новых возможностей», «Комбинат добра»), программы по охране труда³¹.

В области управления функционируют Комитет Совета директоров по устойчивому развитию и изменению климата, специализированные департаменты и службы³². Беря в расчет критерии Полярного индекса, становится понятным, почему компания занимает первые места из года в год. Большинство показателей компанией раскрыты и соблюдены. Сведения компании по УР являются открытыми и содержательными, Общество реализует большое количество программ разной

²⁸ Шорт-листы XXVIII ежегодного конкурса годовых отчетов. 2025 // Конкурс годовых отчетов МОЕХ: [сайт]. URL: <https://konkurs.moex.com/winners/short-list> (дата обращения: 18.12.2025).

²⁹ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

³⁰ Кодексы, политики, стандарты в области корпоративной ответственности // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/corporate-responsibility-areas/> (дата обращения: 18.12.2025).

³¹ Отчет об устойчивом развитии Группы компаний «Норильский никель» за 2024 год. Вклад в благополучие поколений // Норникель: [сайт]. URL: https://normik-upload.storage.yandexcloud.net/iblock/233/5dtjnamcisknb68djvofkaptetvk5o9a/nn_cso_2024_rus.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

³² Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2024. Стратегический подход. Управление устойчивым развитием. 2025 // Норникель: [сайт]. URL: <https://ar2024.nornickel.ru/sustainable-development/strategic-approach> (дата обращения: 18.12.2025).

направленности, результаты программ и мероприятий подтверждают лидирующие позиции компании по КСЭО.

2-е место в 2025 г. по ПИ заняло АО «Зарубежнефть» (5-е место в 2024 г.). Отмечен значительный рост индекса устойчивого развития по экологическому параметру³³. В других рейтингах компания не участвует, так как не каждый год входит в топ 100 компаний по выручке. 29.10.2025 рейтинговое агентство RAEX отозвало ранее присвоенный ESG-рейтинг А компании «Зарубежнефть» в связи с окончанием срока действия договора и отсутствием достаточной информации для применения действующей методологии³⁴.

По результатам рейтинга Арктика & КСО компания заняла 16-е место с низким уровнем ответственности. На сайте РСПП отсутствуют сведения о разработанных компанией кодексах по КСЭО³⁵. За 2024 г. компания не представила отчет РСПП³⁶. На сайте организации имеется вкладка про УР, представлены отчеты по УР с 2014 г. Последний отчет датирован 2019 г.³⁷ На сайте указаны мероприятия экологической («Бизнес и биоразнообразия») и социальной (NESTRO WELLNESS) направленности, но конкретные результаты по годам не приведены. Отсутствует информация по выбросам загрязняющих веществ, по уровню жизни и работы сотрудников. Данные по экономической составляющей практически не представлены. В Совете директоров не учрежден орган по УР³⁸. Общество имело в 2024 г. высокий уровень управления ESG-рисками в связи с тем, что заказала отчет об УР у организаций с условием его соответствия требованиям рейтинговой методологии RAEX³⁹. Вероятно, АО заняло 2-е место по ПИ благодаря экспертному мнению, так как ПИ оценка проводится в 2 этапа. На первом этапе информация берётся из публичной отчётности компаний. На втором этапе проводится экспертный опрос. Сведения о том, кто может являться экспертом, каковы критерии их привлечения на сайте не опубликованы. Проблемой выступает верификация экспертного мнения. В целом, публикация открытых данных в области КСЭО у компании невысокая, результаты мероприятий не демонстрируются.

По ПИ ПАО «НОВАТЭК» в 2025 г. улучшило свои позиции и заняло 4-е место с активной политикой в области устойчивого развития. Компания стала уделять большее внимание социальной и экологической составляющим. В социальной сфере в

³³ АО «Зарубежнефть» в рейтинге «Полярный индекс. Компании». 2025 // Полярный индекс: [сайт]. URL: <https://polarindex.ru/companies/zarubezhneft/> (дата обращения: 18.12.2025).

³⁴ ESG-рейтинги российских компаний (рейтинг-лист) // Рейтинговая группа RAEX: [сайт]. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/rating_list/2025/#%D0%97%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C (дата обращения: 18.12.2025).

³⁵ Кодексы, политики, стандарты в области корпоративной ответственности // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/corporate-responsibility-areas/> (дата обращения: 18.12.2025).

³⁶ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

³⁷ Отчеты // АО «Зарубежнефть»: [сайт]. URL: <https://www.nestro.ru/ru/ustoychivoe-razvitie/otchety/> (дата обращения: 18.12.2025).

³⁸ Устойчивое развитие // АО «Зарубежнефть»: [сайт]. URL: <https://www.nestro.ru/ru/ustoychivoe-razvitie/> (дата обращения: 18.12.2025).

³⁹ Разработка отчета об устойчивом развитии Группы компаний «Зарубежнефть» за 2024 г. на русском и английском языках в соответствии с требованиями GRI и рейтинговой методологии RAEX, включая дизайн и изготовление тиража // Закупки 360: [сайт]. URL: <https://zakupki360.ru/tender/86116460> (дата обращения: 12.03.2026).

2024 г. компания расширила социальную поддержку, увеличив расходы на социальные программы для работников и их семей на 20 %. Это позволило сохранить текучесть кадров на минимальном для отрасли уровне в 5 %. Обучение, тренинги и специализированные мероприятия ПАО по повышению эффективности управления системой охраны труда способствовали дальнейшему сокращению коэффициента частоты производственных травм с временной потерей трудоспособности в отчетном году на 7 %. Однако снизились на 17 % расходы на поддержку коренных народов Севера. Удельные выбросы парниковых газов сократились на 7 % по сравнению с 2023 г. Инвестиции в устойчивое развитие превысили 23 млрд руб., включая 3,6 млрд – в природоохранные мероприятия и 18,5 млрд – в поддержку регионов. В то же время снизился индикатор экономического параметра, что связано со снижением объема реализации природного газа, включая СПГ, в 2024 г. на 1,1 %. В компании создан подкомитет по климату и альтернативной энергетике⁴⁰. Компания публикует отчеты по УР с 2004 г.⁴¹ (!) ПАО «НОВАТЭК» также улучшило показатели в рейтинге АК&М 2. В целом, в политике компании по КСЭО прослеживаются тенденции, направленные на реализацию мероприятий в области устойчивого развития и снижение негативных показателей.

5-е место по ПИ заняло ПАО «НК «Роснефть»» (в 2024 г. – 3-е). По рейтингу «Ответственность и открытость» компания в 2025 г. имеет высокие показатели индекса и улучшило их по сравнению с 2024 г. (чуть выше средних), 5-е место по Арктика & КСО, в 2025 г. занимает 4-е место среди компаний нефтяной отрасли по АК&М 2, по RAEX имеет очень высокий уровень. Однако по индексу «Вектор устойчивого развития» организация в 2025 г. попала в число компаний с разнонаправленной динамикой в области УР. В другие рейтинги организация не попала, что связано, в том числе с заявительным характером участия. Таким образом, в 2025 г. компания ухудшила показатели по ПИ, но улучшило позиции в АК&М 2 и по индексу «Ответственность и открытость». Результаты рейтингов разнятся, что связано с различиями в критериях рейтингов (АК&М 2 рассматривает лишь социальную составляющую; «Ответственность и открытость» базируется на раскрытии информации об УР в отчетности компаний). Компания с 2006 г. публикует отчеты об УР⁴². Однако их содержательность уступает отчетам ПАО «ГМК «Норильский никель»». Информативность сайта также уступает сайту последнего⁴³, количество документов компании по КСЭО меньше⁴⁴. Компания заявляет о проведении мероприятий экологической направленности. Однако выбросы в атмосферу некоторых загрязняющих веществ не сокращаются, а растут; растет использование воды.

⁴⁰ Отчет об устойчивом развитии 2024 // НОВАТЭК: [сайт]. URL: https://www.novatek.ru/common/upload/doc/NOVATEK_SR_2024_RUS.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

⁴¹ Кодексы, политики, стандарты в области корпоративной ответственности // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/corporate-responsibility-areas/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴² Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴³ Устойчивое развитие // Роснефть: [сайт]. URL: <https://www.rosneft.ru/Development/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴⁴ Кодексы, политики, стандарты в области корпоративной ответственности // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/corporate-responsibility-areas/> (дата обращения: 18.12.2025).

В компании создан Комитет по стратегии и устойчивому развитию. Но ухудшились некоторые экономические показатели по сравнению с 2023 г.: чистая прибыль, относящаяся к акционерам «Роснефти», в 2024 снизилась на 14,4 %; капитальные затраты увеличились 11,2 %. В социальной сфере компания защищает интересы стейкхолдеров, что подтверждается результатами мероприятий, направленных на поддержку коренных народов Севера, собственных сотрудников и т. п.⁴⁵ Поэтому по рейтингу АК&М 2 компания улучшила свои показатели. В целом, многие показатели ПИ компанией раскрыты, результаты деятельности по КСЭО представлены, но они уступают результатам ПАО «ГМК «Норильский никель»» и ПАО «НОВАТЭК». Ухудшились результаты экологической и экономической составляющих, о чем также указано на сайте Полярного индекса⁴⁶.

6-е место по ПИ в 2025 г. заняло ПАО «Газпром», не изменив таким образом свои позиции с 2024 г. Однако ПИ демонстрирует ухудшение показателей по экономическому параметру⁴⁷. По большинству рейтингов компания имеет высокие показатели. По АК&М 2 в 2025 г. компания занимает 5-е место, улучшив свой результат (ПИ также показывает улучшения по социальной составляющей⁴⁸), по Арктика & КСО – 7-е место. Однако по индексу «Вектор устойчивого развития» компания ухудшила результаты в 2025 г., что связано со спадом по экономическим параметрам. Компания с 2010 г. занимается разработкой документов в области КСЭО⁴⁹, с 2008 г. публикует экологические отчеты⁵⁰. За 2024 г. опубликован Отчет о социальной деятельности⁵¹, в котором конкретно раскрыты результаты деятельности компании с цифрами. Поэтому по рейтингам «Ответственность и открытость» и АК&М 1 ПАО занимает высокие позиции. Компания реализует программы в области экологии, которые приносят результаты. Так, за 2024 г. наблюдалось сокращение массы образования отходов на 9,8 %. В 2024 г. компанией было введено в эксплуатацию 15 установок для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов мощностью 12,31 тыс. м³/ч. В социальной сфере компания создает рабочие места, действуют различные социальные программы (жилищные льготы), проводятся корпоративные мероприятия (IX корпоративный фестиваль «Факел»), происходит взаимодействие с местными сообществами в регионах присутствия и др. В части корпоративного управления действуют Комитет Совета директоров по УР, специализированные координационные комитеты, рабочие группы. Однако многие

⁴⁵ Устойчивое лидерство. Долгосрочный результат. Отчет об устойчивом развитии 2024 // Роснефть: [сайт]. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/17/02/Rosneft_SR2024_RUS.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

⁴⁶ ПАО «НК «Роснефть» в рейтинге «Полярный индекс. Компании». 2025 // Полярный индекс: [сайт]. URL: <https://polarindex.ru/companies/rosneft/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴⁷ ПАО «Газпром» в рейтинге «Полярный индекс. Компании». 2025 // Полярный индекс: [сайт]. URL: <https://polarindex.ru/companies/gazprom/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Кодексы, политики, стандарты в области корпоративной ответственности // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/corporate-responsibility-areas/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁰ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵¹ Отчет о социальной деятельности Группы Газпром 2024 // Газпром: [сайт]. URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/fileadmin/f/2024/gazprom-sustainability-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

экономические показатели «просели» в 2024 г., в том числе сказываются последствия санкций западных государств. Снизился фактический объем освоения инвестиционной программы в области устойчивого развития. Обозначен показатель выручки от продаж, который увеличился, но не указана чистая прибыль компании⁵². В целом, результаты мероприятий, прописанные в отчете, сопоставимы с результатами по ПИ.

Остальные компании по Полярному индексу не вошли в группу А компаний. Однако ПАО «Северсталь» в 2024 г. занимало 7-е место с активной политикой в области устойчивого развития (2025 г. – 8-е место). Компания ухудшила показатели по ПИ в рамках социальной и экономической составляющих, но наблюдается значительный рост по экологическому показателю⁵³. Так, снизились выбросы загрязняющих веществ на 46% (!), валовые выбросы парниковых газов области охвата 1 и 2 на 7,2%. Однако, чистая прибыль компании снизилась в 2024 г. на 40 млн. (на 22 %), уменьшился размер общего совокупного дохода и активов. В рамках социальной составляющей видятся противоречия. Так, увеличился средний размер оплаты труда, текучесть кадров осталась на прежнем уровне, увеличились социальные расходы на персонал. Увеличился объем социальных инвестиций⁵⁴. Но не раскрыты результаты некоторых показателей ПИ по социальному параметру (характеризующие бытовые условия работников, мотивацию и организацию труда, условия труда работников и др.). Арктика & КСО не учитывает эти показатели, поэтому ПАО заняло 4-е место в 2024 г., обогнав ПАО «Газпром».

6 компаний в ПИ не участвуют. Некоторые из них (ПАО «РусГидро», ПАО «ИНТЕР РАО ЕЭС», МКПАО «Еп+ Group», ПАО «Акрон», АО «Пигмент») занимают высокие показатели по другим индексам. Последнее место в выборке занимает АО «МХК «ЕвроХим»», которое не участвует в других рейтингах, кроме Арктика & КСО (18-е место). На сайте РСПП представлены 2 документа компании⁵⁵. Последний отчет компания опубликовала в 2021 г.⁵⁶ В годовом отчете за 2024 г. УР не упоминается⁵⁷. Сайт компании имеет вкладку про УР, но информация не отражает политику организации по КСО. Отсутствует информация про социальную политику, поддержку местных общин и сотрудников⁵⁸. Кроме, Vision Zero и Towards 2020, не указаны программы, которые реализуются АО. Экологии посвящено одно предложение⁵⁹.

⁵² Отчет о социальной деятельности Группы Газпром 2024 // Газпром: [сайт]. URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/fileadmin/f/2024/gazprom-sustainability-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵³ ПАО «Северсталь» в рейтинге «Полярный индекс. Компании». 2025 // Полярный индекс: [сайт]. URL: <https://polarindex.ru/companies/severstal/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁴ Новая стратегия для устойчивой металлургии будущего. Интегрированный отчет 2024 // Северсталь: [сайт]. URL: <https://severstal.com/rus/sustainable-development/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁵ Кодексы, политики, стандарты в области корпоративной ответственности // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/corporate-responsibility-areas/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁶ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁷ Квартальные отчеты. 2024 // Еврохим: [сайт]. URL: <https://mcc.eurochem.ru/ru/quarterly-reports/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁸ Устойчивое развитие. 2025 // Еврохим: [сайт]. URL: <https://www.eurochem.ru/sustainability/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵⁹ Промышленная безопасность, охрана труда и экология // Еврохим: [сайт]. URL: <https://www.eurochem.ru/sustainability/health-safety-environment/> (дата обращения: 18.12.2025).

Вся информация имеет абстрактный характер. В целом, логично и понятно, почему компания заняла последнее место по ПИ и не фигурирует в других рейтингах.

ПАО «СИБУР-Холдинг» ПИ присвоил 15-е место в 2025 г. с недостаточно активной политикой. Но в рейтингах РСПП компания вошла в группу А. ПАО заняла 1-е место с высшим уровнем раскрытия информации об УР в отчетах, занимает высокие позиции по другим рейтингам. Наблюдается противоречивая картина. ПИ занижил показатели, но по другим рейтингам компания является одним из лидеров. Связано это с тем, что в рейтингах «Ответственность и открытость», АК&М 1 и в конкурсе используются показатели раскрытия информации, а компания с 2016 г. публикует содержательные отчеты⁶⁰. Отчет за 2024 г. раскрывает подробную информацию по 3 составляющим КСЭО. Рассматривая результативность деятельности компании по КСЭО, следует отметить, что затраты на охрану окружающей среды в 2023 г. составили 11,6 млрд руб., что выше, чем у ПАО «Северсталь». Сократились прямые выбросы парниковых газов на 25 %; водопотребление на 1,4 млн м³, улучшились иные экологические показатели⁶¹.

Компания поддерживает проекты программы «Формула хороших дел». По социальному направлению компания реализует программы для снижения количества несчастных случаев. Проводится обучение по развитию лидерских и управленческих навыков среди персонала. Однако взаимодействие с местными сообществами находится на среднем уровне. Оно представлено волонтерскими программами; отсутствует поддержка коренных народов. На управленческом уровне создан Комитет по УР Совета Директоров⁶². Однако, если посмотреть на показатели ПИ и информацию, представленную в отчете за 2024 г. и на сайте, становится понятно, почему компания заняла 15 место. Не опубликованы многие экономические показатели (все, кроме выручки и чистой прибыли), сведения, характеризующие бытовые условия работников организации, условия труда работников организации (освещенность рабочих мест, напряженность, интенсивность труда и др.). Компания реализует активную политику по УР, поэтому по многим рейтингам она занимает верхние места, но в открытом доступе не представлена информация, используемая для рейтингования компаний по ПИ.

Таким образом, по итогам всех проанализированных рейтингов безоговорочно лидирует ПАО «ГМК «Норильский никель». Такой результат достигнут благодаря продуманной стратегии устойчивого развития, реализуемой компанией, и качественному и содержательному представлению нефинансовой информации.

При сопоставлении результатов рейтингов в некоторых случаях мы наблюдаем противоречивые выводы, например, как в случае с ПАО «СИБУР-Холдинг». Причинами таких противоречий в результатах рейтингов служат различия в методиках анализа и оценки показателей КСЭО арктических компаний: оцениваются различные показатели (особенно ярко это выражено при сопоставлении результатов по Полярному индексу, где оценивается результативность деятельности компании, и

⁶⁰ Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня // РСПП: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/> (дата обращения: 18.12.2025).

⁶¹ Интегрированный годовой отчет ПАО «СИБУР Холдинг» 2024 // Сибур: [сайт]. URL: <https://www.sibur.ru/upload/iblock/c8b/il3tc33vpyhp4zavw3isgrjv1mhrmt2z.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).

⁶² Там же.

рейтингам «Ответственность и открытость» и АК&М 1, в которых за основу берется лишь информативность отчетов), варьируются шкалы оценивания, критерии имеют разные веса и т. п. В распределении мест в некоторых рейтингах, кроме открытой информации, учитываются экспертная оценка (Полярный индекс), что влияет на баллы и позицию компаний в рейтинге (как с АО «Зарубежнефть»).

Для совершенствования методик рейтингов, оценивающих политику КСЭО компаний, осуществляющих деятельность в АЗ РФ, сформулируем ряд рекомендаций:

1. При составлении рейтинга все показатели уместно разделить на 3 группы:

1) экологические (выбросы в воздух, воду, почву; инвестирование природоохранных мероприятий (сумма, ее динамика); ресурсосберегающие технологии; отходы; климатическая политика; наличие токсичных и радиоактивных отходов, их хранение и переработка; аварии; сохранение биоразнообразия; помощь в устранении накопленного с СССР вреда и т. п.);

2) социальные (защита прав стейкхолдеров, условия жизни и труда сотрудников, квалификация работников и частота ее повышения, мотивация к труду, наличие стимулирующих выплат, компенсаций за труд в суровых условиях (денежных и нефинансовых); уровень доступности до рабочего места; привлечение местного населения и коренных народов к выполнению работ; благотворительная деятельность, волонтерство сотрудников; проведение социальных и корпоративных мероприятий; оказание помощи и поддержки коренным народам и т. п.),

3) экономические (наличие специализированного органа/должностного лица по УР; налоговые платежи в бюджеты; безопасность продукции; динамика выручки, чистой прибыли и иных ключевых финансовых показателей; рентабельность производства и т. п.).

2. В расчёт следует брать как раскрытие информации в отчётах и на сайте компании, так и результативность деятельности компаний.

3. Целесообразно, чтобы участие в рейтинге для компании носило заявительный характер вне зависимости от размера выручки и масштаба производства. В таком случае субъекты малого и среднего предпринимательства смогут принять участие в рейтинге.

4. Количественные показатели уместно анализировать в динамике по отношению к предыдущим трём отчётным периодам.

При включении данных рекомендаций в методику оценки политики КСЭО компаний, результаты рейтингов станут более информативными, возрастет уровень доверия к ним, снизится число несостыковок в результатах рейтингов при ранжировании компаний.

Вывод

В исследовании показана динамика, как из года в год меняются места компаний в рейтингах, что связано как с внутренними процессами в компании, так и с внешними колебаниями, связанными с политикой нашего государства и иных стран, с изменением экономической ситуации в мире и т. п.

Установлено, что применяемая методика, шкалы и показатели рейтингов влияют на итоговое расположение компаний по местам в рассмотренных рейтингах и являются причинами противоречий в результатах рейтингов. Характерный пример –

ПАО «СИБУР-Холдинг». Поэтому при разработке новых комплексных методик для оценки КСЭО арктических компаний и для совершенствования имеющихся следует чётко понимать, какие цели и задачи они преследуют. При этом в методике, оценивающей арктические компании, нужно учитывать специальные показатели, характерные для Арктической зоны РФ, например, проведение климатической политики; помощь в устранении накопленного с СССР вреда; наличие стимулирующих выплат, дополнительных компенсаций за труд в суровых условиях (денежных и нефинансовых); уровень доступности до рабочего места; привлечение местного населения, в том числе коренных народов, к выполнению работ; оказание помощи и поддержки коренным народам и т. п.

Автор предложил ряд рекомендаций для совершенствования методик рейтингов, оценивающих политику КСЭО арктических компаний. При следовании данным рекомендациям увеличится уровень доверия к рейтингам, а их результаты будут схожи.

В целом, не сложилась целостная картина ранжирования компаний по местам. Рейтинги, оценивающие КСЭО арктических компаний, берут в расчет разные критерии и не учитывают многие показатели, уникальные для АЗ РФ, и потому наблюдается противоречивость в оценках компаний. В этой связи полагаем, что разработка нового рейтинга российских арктических компаний на основе предложенных рекомендаций поможет решить сложившуюся проблему. Разработка такой методики и составление рейтинга крупных компаний, работающих в АЗ РФ, является перспективным направлением для нового научного исследования.

Результаты данного исследования могут представлять ценность для рейтинговых агентств и научных учреждений при совершенствовании ими методик оценки КСЭО арктических компаний. Кроме того, полученные сведения могут помочь компаниям оптимизировать свою политику в области КСЭО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Завьялова Е.Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Финансовый бизнес. 2018. № 2 (193). С. 26–31. EDN: YUSUNF.
2. Кенина Д.С., Грудина О.Н., Исаенко А.П. Эволюция подходов и современные теории корпоративной социальной ответственности // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2022. № 1 (61). С. 25–30. EDN: SRELHU.
3. Курганова М.В., Сапрыкина О.А. Корпоративная социальная ответственность: понятие, сущность, эволюция теорий // Сибирская финансовая школа. 2020. № 1 (137). С. 18–26. EDN: NVYJBI.
4. Сергунин А.А. Стратегия корпоративной социальной и экологической ответственности в российской Арктике: теоретические аспекты // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 732–735. EDN: MDGFBP.
5. D'Anselmi, P. Values and stakeholders in an era of social responsibility. N.Y.: Free Press, 2011. XVI, 252 p. <https://doi.org/10.1057/9780230319578>.
6. Carroll, A.B., Shabana, K.M. Business Case for Corporate Social Responsibility: A Review of Concepts, Research and Practice // International Journal of Management Reviews. Special Issue: Corporate Social Responsibility. 2010. Vol. 12. Iss. 1. P. 85–105. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2009.00275.x>.
7. Clapp, J., Rowlands, I.H. Corporate Social Responsibility // Essential Concepts of Global Environmental Governance / Edited by J.-F. Morin, A. Orsini. London: Routledge, 2014. P. 42–44.

<https://doi.org/10.4324/9780203553565>.

8. Farooq, O., Rupp, B.E., Farooq, M. The Multiple Pathways through Which Internal and External Corporate Social Responsibility Influence Organizational Identification and Multifoci Outcomes: The Moderating Role of Cultural and Social Orientations // *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 60. Iss. 3. P. 954–985. <https://doi.org/10.5465/amj.2014.0849>.
9. Дивина Т.В. Современные направления корпоративной социальной ответственности // *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. 2023. Т 4. № 3. С. 127–136. <https://doi.org/10.18334/social.4.3.120613>. EDN: CDDFYN.
10. Назарова Н.Н., Слепцов А.Н. Корпоративная социальная ответственность недропользователей как условие устойчивого развития Арктики // *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2022. № 4 (30). С. 5–13. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.15.65.001>. EDN: MZGDGX.
11. Степанова Е.Н. Горнопромышленное предприятие в Арктическом регионе: экологический аспект (на примере АО «Кольская ГМК» в Мурманской области) // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2019. № 4 (66). С. 145–159. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X-4-2019-66-145-159>. EDN: ZUJUIX.
12. Торопова А.Е., Харитоновна Н.А. Корпоративная социальная ответственность в компаниях Топливо-энергетического комплекса // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 8 (121). С. 1170–1175. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.121.8.233>. EDN: CGLUDJ.
13. Торопушина Е.Е. Корпоративная социальная ответственность во время кризиса: исторический аспект и российская арктическая практика в период пандемии COVID-19 // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2022. Т. 25. № 4 (78). С. 167–180. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.012>. EDN: IVGAGW.
14. Hitztaler, S., Tynkkyne, V.-P. Chapter 7. What Do ISO Indicators Tell Us about Corporate Social Responsibility and Sustainability in Cities of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia? // *Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities* / Edited by R.W. Orttung. New York/Oxford: Berghahn Books, 2020. P. 176–201. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1tbhq16.13>. EDN: XOYAIQ.

REFERENCES

1. Zavyalova, E.B. Corporate Social Responsibility: Evolution of Approaches and Ideas. *Financial business*. 2018. No. 2 (193). P. 26–31. (In Russian). EDN: YUSUNF.
2. Kenina, D.S., Grudina, O.N., Isaenko, A.P. Evolution of Approaches and Modern Theories of Corporate Social Responsibility. *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of Economics and Management of the National Economy)*. Economic sciences. 2022. No. 1 (61). P. 25–30. (In Russian). EDN: SRELHU.
3. Kurganova, M.V., Saprykina, O.A. Corporate Social Responsibility: Concept, Essence, Evolution of Theories. *Siberian Financial School*. 2020. No. 1 (137). P. 18–26. (In Russian). EDN: NVYJBI.
4. Sergunin, A.A. Strategiya korporativnoy sotsialnoy i ekologicheskoy otvetstvennosti v rossiyskoy Arktike: teoreticheskiye aspekty [Strategy of Corporate Social and Environmental Responsibility in the Russian Arctic: Theoretical Aspects]. *Bolshaya Yevraziya: Razvitiye, bezopasnost, sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. Yearbook. Iss. 1. Part 1. M.: INION RUS, 2021. P. 732–735. (In Russian). EDN: MDGFBB.
5. D'Anselmi, P. Values and Stakeholders in an era of Social Responsibility. N.Y.: Free Press, 2011. XVI, 252 p. <https://doi.org/10.1057/9780230319578>.
6. Carroll, A.B., Shabana, K.M. Business Case for Corporate Social Responsibility: A Review of Concepts, Research and Practice. *International Journal of Management Reviews. Special Issue: Corporate Social Responsibility*. 2010. Vol. 12. Iss. 1. P. 85–105. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2009.00275.x>.
7. Clapp, J., Rowlands, I.H. Corporate Social Responsibility. *Essential Concepts of Global Environmental Governance*. Edited by J.-F. Morin, A. Orsini. London: Routledge, 2014. P. 42–44. <https://doi.org/10.4324/9780203553565>.
8. Farooq, O., Rupp, B.E., Farooq, M. The Multiple Pathways through Which Internal and External Corporate Social Responsibility Influence Organizational Identification and Multifoci Outcomes: The

- Moderating Role of Cultural and Social Orientations. *Academy of Management Journal*. 2017. Vol. 60. Iss. 3. P. 954–985. <https://doi.org/10.5465/amj.2014.0849>.
9. Divina, T.V. Modern Trends of Corporate Social Responsibility. *Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility*. 2023. Vol. 4. No. 3. P. 127–136. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/social.4.3.120613>. EDN: CDDFYN.
10. Nazarova, N.N., Sleptsov, A.N. Corporate Social Responsibility of Subsoil Users as a Condition for Sustainable Development of the Arctic. *Arctic XXI Century. Humanitarian Sciences*. 2022. No. 4 (30). P. 5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.15.65.001>. EDN: MZGDEX.
11. Stepanova, E.N. Mining Enterprise in the Arctic Region: Environmental Aspect (Case Study of JSC «Kolskaya MMC» in the Murmansk Region). *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2019. No. 4 (66). P. 145–159. (In Russian). <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X-4-2019-66-145-159>. EDN: ZUJUIX.
12. Toropova, A.E., Kharitonova, N.A. Corporate Social Responsibility in Fuel and Energy Complex Companies. *Economy and Entrepreneurship*. 2020. No. 8 (121). P. 1170–1175. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.121.8.233>. EDN: CGLUDJ.
13. Toropushina, E.E. Corporate Social Responsibility During Crisis: Historical Aspect and Russian Arctic Practice During the COVID-19 Pandemic. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2022. Vol. 25. No. 4 (78). P. 167–180. (In Russian). <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.012>. EDN: IVGAGW.
14. Hitztaler, S., Tynkkynen, V.-P. Chapter 7. What Do ISO Indicators Tell Us about Corporate Social Responsibility and Sustainability in Cities of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia? *Urban Sustainability in the Arctic: Measuring Progress in Circumpolar Cities*. Edited by R.W. Orttung. New York/Oxford: Berghahn Books, 2020. P. 176–201. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1tbhq16.13>. EDN: XOYAI0.

Сведения об авторах / Information about authors

Веселова Дарья Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии, старший научный сотрудник факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет. Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета; Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС. Преподаватель факультета среднего профессионального образования; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Veselova Darya N. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Russian Politics of Faculty of Political Science, Senior Research of Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University. Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Faculty of Law; University under the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community. Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education; North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025.
Одобрена после рецензирования 08.12.2025.
Принята 08.12.2025.

Received 06.11.2025.
Approved after reviewing 08.12.2025.
Accepted 08.12.2025.

научная статья / research article

УДК: 329

EDN: [KQDFGC](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.3](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Взаимодействие эффекта ноцебо и финансовой уязвимости: теоретическая и эмпирическая переоценка трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики

Гок Омер

Университет Думлупинар, г. Кютахья, Турецкая Республика
 omer.gok1@ogr.dpu.edu.tr

Унал Сейфеттин

Университет Думлупинар, г. Кютахья, Турецкая Республика
seyfettin.unal@dpu.edu.tr

Аннотация

Введение. Исследование направлено на характеристику устойчивого общественного пессимизма и финансовой уязвимости, которые совместно ослабляют механизм трансмиссии денежно-кредитной политики в посткризисной макроэкономической среде, сложившейся после глобального финансового кризиса 2008 г. и пандемии COVID-19. Особое внимание уделяется так называемому ноцебо-эффекту, под которым понимается систематически пессимистичный взгляд экономических агентов на будущее. Он трактуется как ключевой поведенческий фактор, формирующий ожидания, доверие к институтам и восприятие рисков для экономической и финансовой безопасности. Путём сравнительного анализа четырёх стран – Японии, Финляндии, России и Турции – показывается, что взаимодействие ноцебо-эффекта с различными формами финансовой уязвимости (ловушка ликвидности, чрезмерная задолженность домашних хозяйств, валютная задолженность корпоративного сектора, дефицит доверия к Центральному банку) многомерно нарушает функционирование процентного, кредитного и валютного каналов трансмиссии.

Методы и материалы. В теоретическом плане работа объединяет ориентированную новую кейнсианскую модель денежно-кредитной политики с подходом stock–flow-consistent, что позволяет в единой рамке анализировать как канал ожиданий, так и балансовый канал. В этой конструкции ноцебо-эффект моделируется как систематическое отклонение оператора ожиданий, понижающее субъективные оценки будущих доходов, инфляции и финансовых условий. Показано, что при сочетании ноцебо-эффекта с высокой финансовой уязвимостью формируется своего рода «занавес ожиданий», ограничивающий влияние решений по процентной ставке и других инструментов денежно-кредитной политики на динамику реального выпуска и цен. Тем самым создаются дополнительные риски для макроэкономической и финансовой стабильности. На эмпирическом уровне для каждой страны строится текстовый индекс ноцебо, основанный на анализе тональности коммуникации Центрального банка, официальных отчётов и ключевых финансовых и экономических новостей. Эти страновые индексы общественного пессимизма, совместно с

показателями финансовой уязвимости, включаются в модели TVP-VAR (векторная авторегрессия с параметрами, меняющимися во времени) и в модели локальных проекций.

Результаты. Установлено, что в периоды, когда значения индекса ноцебо и показателей уязвимости одновременно высоки, воздействие шоков денежно-кредитной политики на выпуск и инфляцию значительно ослабевает и в отдельных эпизодах практически исчезает, что свидетельствует о систематических сбоях традиционного механизма трансмиссии.

Обсуждение и заключение. Исследование подчёркивает, что для обеспечения экономической и финансовой безопасности необходим совместный мониторинг индикаторов финансовой уязвимости и поведенческих показателей ожиданий, что должно учитываться при выборе параметров денежно-кредитной политики. Коммуникация Центрального банка в этой связи рассматривается как не менее значимый инструмент, чем собственно процентные решения и структура баланса Центрального банка, поскольку именно через неё возможно целенаправленно воздействовать на уровень общественного пессимизма и тем самым частично снимать «занавес ожиданий».

Ключевые слова: ноцебо-эффект; механизм трансмиссии денежно-кредитной политики; финансовая уязвимость; экономическая и финансовая безопасность; валютная задолженность; TVP-VAR; локальные проекции

Для цитирования: Гок О., Унал С. Взаимодействие эффекта ноцебо и финансовой уязвимости: теоретическая и эмпирическая переоценка трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 48–75. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.3>. EDN: KQDFGC.

© Гок О., Унал С. 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Interaction of the Nocebo Effect and Financial Vulnerability: A Theoretical and Empirical Reassessment of the Monetary Policy Transmission Mechanism

Omer Gok

Dumlupinar University, Kütahya, Republic of Türkiye
 omer.gok1@ogr.dpu.edu.tr

Seyfettin Unal

Dumlupinar University, Kütahya, Republic of Türkiye
seyfettin.unal@dpu.edu.tr

Abstract

Introduction. This study examines how persistent public pessimism (the nocebo effect) and financial vulnerability jointly weaken the monetary policy transmission mechanism in the post-crisis environment that emerged after the 2008 global financial crisis and the COVID-19 shock, using a comparative perspective for Japan, Finland, Russia, and Turkey. To address this question, we integrate an expectations-based New Keynesian framework with stock–flow-consistent (SFC) balance-sheet logic so that the expectations channel and the balance-sheet channel can be analyzed within a single framework. We model the nocebo effect as a time-varying pessimistic bias in expectations.

Methods and materials. Empirically, we construct a country-specific textual nocebo index based on central bank communications, official reports, and major economic and financial news, and we estimate its interaction with financial vulnerability indicators using TVP-VAR (time-varying parameter vector autoregression) models and local projections.

Results. The results show that when both the nocebo index and vulnerability indicators are simultaneously high, the responses of output and inflation to monetary policy shocks are substantially

dampened and, in some episodes, become statistically indistinguishable from zero, indicating systematic breakdowns in the standard interest-rate, credit, and exchange-rate channels of transmission.

Discussion and Conclusion. These findings imply that ensuring economic and financial security requires joint monitoring of financial vulnerability indicators and behavioral measures of expectations when setting monetary policy parameters. In this context, central bank communication should be treated as a policy instrument comparable to interest-rate decisions and balance-sheet policies, because it can reduce public pessimism and thereby partially lift the “curtain of expectations”.

Keywords: nocebo effect; monetary policy transmission mechanism; financial vulnerability; economic and financial security; foreign currency debt; TVP-VAR; local projections

For citation: Gok, O., Ünal, S. The Interaction of the Nocebo Effect and Financial Vulnerability: A Theoretical and Empirical Reassessment of the Monetary Policy Transmission Mechanism. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 48–75. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.3>. EDN: [KQDFGC](https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.3).

© Gok, O., Ünal, S. 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

1. Введение

Глобальный финансовый кризис 2008 и последовавшая пандемия COVID-19 радикально изменили контекст, в котором проводится денежно-кредитная политика. Период чрезвычайно низких процентных ставок, переход к нетрадиционным инструментам и масштабные программы количественного смягчения привели к тому, что ключевые решения Централных банков стали осуществляться в условиях одновременно нарастающей финансовой уязвимости и усиливающейся неопределённости. В такой среде особенно возрастает значение управления ожиданиями и поддержания доверия к экономической политике и институтам [1]. При этом именно качество ожиданий и степень общественного оптимизма или пессимизма всё более явно выступают в качестве факторов, определяющих пределы эффективности денежно-кредитной политики и её последствия для экономической и финансовой безопасности.

Опыт последнего десятилетия показал, что успех антикризисных и стабилизационных мер зависит не только от величины снижения процентной ставки или объёма вливаний ликвидности, но и от того, как домохозяйства, фирмы и финансовые институты воспринимают будущие доходы, инфляцию, риски и устойчивость финансовой системы. В ряде стран сформировался устойчивый общественный пессимизм, при котором экономические агенты склонны завышать вероятность неблагоприятных исходов и занижать ожидаемые выгоды от официальных мер поддержки. Такое состояние можно интерпретировать как ноцебо-эффект в экономике – систематически пессимистичный сдвиг в ожиданиях, подрывающий доверие и усиливающий склонность к защитному поведению. В сочетании с высокой финансовой уязвимостью этот эффект образует политико-экономический тупик, который напрямую затрагивает экономическую и финансовую безопасность.

В настоящей работе этот тупик рассматривается в сравнительной перспективе на примере четырёх стран – Японии, Финляндии, России и Турции, – каждая из которых иллюстрирует особую форму сочетания ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости.

Япония представляет собой пример хронической дефляции, длительного пребывания у нулевой нижней границы процентной ставки и ловушки ликвидности, где даже агрессивные меры денежно-кредитной политики лишь частично восстанавливают совокупный спрос и инфляционные ожидания [2; 3]. В Финляндии ключевым источником уязвимости стала чрезмерная задолженность домохозяйств и сильная зависимость от цен на недвижимость в условиях длительного периода низких ставок; это усиливает чувствительность экономики к ужесточению денежно-кредитной политики и внешним шокам [4; 5; 6].

В России денежно-кредитная политика проводится на фоне санкций, геополитической напряжённости и структурных ограничений, формирующих высокий премиальный риск и нестабильные инфляционные ожидания. Здесь ноцебо-эффект проявляется через дефицит доверия к институтам, повышенные инфляционные ожидания и склонность экономических агентов ожидать дальнейшего ухудшения условий, что ослабляет канал ожиданий и ограничивает эффект процентных решений [7; 8]. Турция, в свою очередь, характеризуется высокой и волатильной инфляцией, значительной валютной задолженностью корпоративного сектора и частыми эпизодами потерь доверия к национальной валюте и к денежно-кредитной политике. В таких условиях процентный, кредитный и валютный каналы трансмиссии работают нестабильно и часто искажаются, а решения по ставке не всегда приводят к ожидаемым изменениям в поведении домохозяйств и фирм [9].

Существующая литература, как правило, анализирует перечисленные проблемы раздельно: либо в фокусе оказывается ловушка ликвидности и ограничения нулевой нижней границы [2; 3], либо финансовая уязвимость и циклы долговой перегрузки в духе финансовой нестабильности Мински [10; 11], либо влияние балансовых ограничений и валютной задолженности на эффективность политики [12]. Отдельно развивается литература по управлению ожиданиями и «нарративной экономике», подчёркивающая роль коллективных историй и доминирующих нарративов в формировании экономического поведения [13; 14]. Наконец, в медико-психологической литературе активно изучается ноцебо-эффект как пессимистичный настрой, снижающий результативность терапии [15; 16], но его потенциал для объяснения макроэкономических явлений пока используется эпизодически [17, с. 2–3].

Настоящая статья предлагает объединяющую рамку, в которой взаимодействие ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости рассматривается как единый механизм, систематически ослабляющий действие денежно-кредитной политики. Центральная идея состоит в том, что устойчивый общественный пессимизм, проявляющийся в заниженных ожиданиях будущего роста, доходов и инфляции, накладывается на уже существующие балансовые и институциональные слабости – высокую задолженность домохозяйств, валютную задолженность корпоративного сектора, уязвимость финансовых посредников и дефицит доверия к Центральному банку. В результате формируется «занавес ожиданий», который ограничивает прохождение импульсов денежно-кредитной политики по традиционным каналам и усиливает риски для экономической и финансовой безопасности.

С концептуальной точки зрения предлагаемый подход продолжает линию «нарративной экономики» и поведенческих исследований, подчёркивающих, что решения о потреблении, инвестировании, заимствовании и сбережении зависят не только

от текущих доходов и ставок, но и от доминирующих нарративов и эмоциональных ожиданий [18; 19]. Вводя ноцебо-эффект как систематическую пессимистичную поправку к оператору ожиданий, статья соединяет ожидательно ориентированную новую кейнсианскую модель денежно-кредитной политики с подходом Stock–Flow–Consistent (SFC), в котором во главу угла поставлены взаимодействие потоков и запасов и балансы ключевых секторов экономики [10; 12].

Основной тезис работы можно сформулировать следующим образом: сочетание ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости создаёт специфический режим, в котором даже формально «правильные» решения по процентной ставке и объёму ликвидности приводят к значительно более слабому воздействию на реальный выпуск и инфляцию, чем предполагают стандартные модели. В такой среде денежно-кредитная политика сталкивается с «потерей рычага», а устойчивость экономической и финансовой системы оказывается в большей степени зависимой от поведенческих и институциональных факторов, чем от традиционных инструментов.

Структурно статья организована следующим образом. Сначала формулируется цель исследования и обсуждается место работы в существующей литературе с акцентом на пробелы, связанные с интеграцией поведенческих и финансовых аспектов. Затем излагается теоретическая рамка, в которой ноцебо-эффект трактуется как отклонение оператора ожиданий, и описывается интеграция новой кейнсианской рамки DSGE (Dynamic Stochastic General Equilibrium, или динамическая стохастическая модель общего равновесия) и модель IS–LM (Investment–Saving / Liquidity Preference–Money Supply), описывающей канал ожиданий, роль процентной ставки и феномен ловушки ликвидности ZLB (Zero Lower Bound – нулевая нижняя граница) -модели с SFC-подходом. После этого представлены данные, методология и процедуры построения страновых индексов ноцебо и показателей финансовой уязвимости. Далее анализируются результаты оценивания моделей TVP-VAR (Time-Varying Parameter Vector Autoregression; векторная авторегрессия с параметрами, меняющимися во времени), используемых для оценки динамики реакции макроэкономических показателей на шоки, когда предполагается, что сила и направление взаимосвязей между переменными не являются постоянными, а эволюционируют во времени. В отличие от стандартных VAR-моделей с фиксированными коэффициентами, TVP-VAR позволяет выявлять структурные сдвиги и изменение чувствительности выпуска и инфляции к монетарным импульсам в различных режимах (например, в периоды кризисов, нестабильности или изменения доверия к институтам). В контексте данного исследования TVP-VAR даёт возможность проследить, как трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики ослабевает или усиливается в зависимости от сочетания общественного пессимизма (ноцебо-эффекта) и индикаторов финансовой уязвимости, фиксируя временную неоднородность и режимную зависимость оценок, а также локальных проекций для четырёх стран. В заключительных разделах обсуждаются их интерпретация, последствия для экономической и финансовой безопасности и выводы для денежно-кредитной политики.

2. Цель исследования и научная проблема (степень изученности)

Основная цель исследования заключается в теоретическом и эмпирическом переосмыслении эффективности денежно-кредитной политики через призму

взаимодействия устойчивого общественного пессимизма и финансовой уязвимости. Эти два явления рассматриваются как взаимосвязанные факторы, формирующие границы политики и создающие дополнительные угрозы для экономической и финансовой безопасности. В частности, показывается, что ноцебо-эффект – устойчивый пессимистичный настрой экономических агентов – способен существенно изменять реакцию домохозяйств, фирм и финансовых посредников на денежно-кредитные импульсы, тогда как различные формы финансовой уязвимости усиливают эту реакцию или, напротив, блокируют её.

В классическом описании механизма трансмиссии изменение ключевой ставки влияет на потребление, инвестиции и инфляцию посредством процентного, кредитного, валютного и других каналов. При этом предполагается, что если ставки, доступ к кредиту и ожидания инфляции реагируют «как положено», то денежно-кредитная политика способна стабилизировать выпуск и цены. Однако опыт последних лет показывает, что эти технические каналы оказываются недостаточными, если не учитывать устойчивые сдвиги в ожиданиях и состоянии балансов домашних хозяйств, фирм и финансовых институтов. Высокий уровень задолженности, валютные несоответствия, слабый банковский сектор и дефицит доверия к Центральному банку могут в буквальном смысле «перечеркнуть» стандартные предсказания моделей, даже при формально правильных решениях по ставке.

В соответствии с поставленной целью работа вносит вклад в экономику, политику и социологию в трёх основных, взаимосвязанных направлениях. Каждое из них отвечает определённому блоку теоретических и эмпирических исследований и вместе они формируют единые подходы анализа взаимодействия ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости.

Во-первых, статья объединяет две крупные теоретические линии, которые, как правило, отдельно анализируют канал ожиданий и балансовый канал. Новая кейнсианская DSGE-литература, опираясь на рациональные ожидания, исследует вперёд-смотрящие связи между разрывом выпуска, инфляцией и процентной ставкой и особое внимание уделяет проблеме нулевой нижней границы и режимам низких ставок [20; 21; 22]. Подход Мински и SFC-модели подчёркивают роль задолженности и структуры балансов в формировании финансовой нестабильности, описывая потоки и запасы в единой бухгалтерской матрице [10; 11; 12;]. В данной работе предлагается интегрированная модельная рамка, сочетающая новый кейнсианский блок ожиданий с SFC-подходом, что позволяет рассматривать ожидания, балансовые ограничения и риски для финансовой безопасности в составе одного семейства моделей.

Во-вторых, заполняется пробел в формализации систематических отклонений ожиданий. Начиная с «революции рациональных ожиданий», стандартные макроэкономические модели исходят из того, что в среднем агенты знают истинную структуру экономики и не совершают устойчивых ошибок – ни чрезмерного оптимизма, ни чрезмерного пессимизма [20; 21]. Отсюда следует классический вывод о слабых реальных эффектах предсказуемой политики. Между тем японский опыт показывает, что долгосрочные дефляционные ожидания могут сохраняться, несмотря на максимально низкие ставки и масштабные программы стимулирования [23], тогда как российский пример демонстрирует, что доверие к Центральному банку и восприятие его независимости критически важны для эффективности политики [7; 8].

Переноса понятие ноцебо-эффекта из медицины [24] в макрофинансовый контекст, статья определяет устойчивый пессимизм как явное отклонение оператора ожиданий, обозначаемое $\psi(t)$, и непосредственно внедряет его в новое кейнсианское IS-уравнение и динамику инфляции. Тем самым влияние экономических нарративов и «историй», на котором акцентирует внимание Shiller, формализуется в виде корректировки ожиданий, а не остаётся лишь качественным объяснением.

В-третьих, формулируется чёткий поведенческий канал, объясняющий ослабление трансмиссии. В существующей литературе слабость денежно-кредитной политики чаще связывают с ужесточением финансовых условий, ростом рискованных премий или ловушкой ликвидности; микрофундаментальные механизмы перестройки структуры расходов остаются на втором плане. Предлагаемая публикация выдвигает гипотезу «гедонистического ухода», согласно которой при сочетании негативного аффекта и долгового давления экономические агенты уходят от процентно чувствительных расходов на жильё и долговечные товары и смещают спрос в сторону опытных и цифровых форм потребления с низкой чувствительностью к ставке [18; 25]. Этот механизм позволяет связать ноцебо-эффект с изменением структуры спроса и показать, каким образом даже значительное снижение ставки может сопровождаться лишь ограниченным ростом совокупного спроса.

В совокупности эти три вклада нацелены на заполнение теоретического и эмпирического разрыва. На теоретическом уровне создаётся интегрированная конструкция, объединяющая канал ожиданий и балансовый канал вокруг ноцебо-эффекта и чётко описывающая поведенческий механизм «гедонистического ухода». На эмпирическом уровне для Японии, Финляндии, России и Турции строятся текстовые индексы $\psi(t)$ и показатели финансовой уязвимости, что позволяет сопоставить, как меняется влияние денежно-кредитных шоков на выпуск и инфляцию в различных режимах. Это, в свою очередь, даёт возможность количественно оценить, насколько сочетание ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости ограничивает традиционный механизм трансмиссии и усиливает риски для экономической и финансовой безопасности.

3. Теоретическая основа и интеграция моделей

Интеграция четырёх страновых примеров в единую объяснительную конструкцию опирается на три взаимодополняющих теоретических блока:

- новая кейнсианская рамка DSGE и IS–LM (Investment–Saving / Liquidity Preference–Money Supply), описывающая канал ожиданий, роль процентной ставки и феномен ловушки ликвидности ZLB (Zero Lower Bound);
- подход Stock–Flow–Consistent (SFC), позволяющий отслеживать балансовую уязвимость и накопление долга между секторами экономики;
- поведенческая гипотеза гедонистического ухода, объясняющая конкретный микромеханизм сбоя трансмиссии денежно-кредитной политики.

В совокупности эти элементы формируют структуру, позволяющую анализировать влияние ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости на эффективность денежно-кредитной политики одновременно через канал ожиданий и через балансовые ограничения. Теоретическая рамка специально построена так, чтобы её можно было применить к разным институциональным контекстам – хронической

дефляции и ZLB в Японии, долговой нагрузке домашних хозяйств в Финляндии, валютной уязвимости корпоративного сектора в Турции и дефициту доверия к Центральному банку в России.

3.1. Интеграция моделей

Ключевое для работы понятие «ноцебо-эффект» заимствовано из клинической медицины и психологии, где оно обозначает ситуацию, когда негативные ожидания пациента сами по себе вызывают неблагоприятные субъективные ощущения и даже физиологические изменения [24]. В отличие от плацебо, где позитивные ожидания усиливают действие терапии, ноцебо фиксирует систематический пессимистичный сдвиг в восприятии рисков и будущих исходов.

При переносе этого понятия в макроэкономику опорой служит подход Shiller'a к «нарративной экономике», согласно которому массовые экономические нарративы – истории о кризисах, дефляции, инфляции, валютных обесценениях – формируют устойчивые схемы интерпретации событий и определяют, как домохозяйства и фирмы воспринимают новости, решения Центрального банка и сигналы с финансовых рынков [26]. В условиях устойчивого негативного нарратива даже формально благоприятные сообщения (например, снижение ставки или запуск программы поддержки) могут быть переработаны в пессимистическом ключе – как признак нарастающих проблем, а не как сигнал укрепления доверия.

Для формализации этого механизма вводится переменная $\psi(t)$, обозначающая кумулятивный общественный пессимизм, возникающий через медиадискурс, коммуникацию Центрального банка и доминирующие экономические нарративы. Показатель $\psi(t)$ можно рассматривать как агрегированный индекс тональности, получаемый в результате текстового анализа коммуникации Центрального банка, ключевых финансовых новостей и макроэкономических комментариев. Высокие значения $\psi(t)$ означают, что общество склонно интерпретировать новую информацию – даже формально позитивную – в негативной рамке, завышая вероятность неблагоприятных сценариев и занижая ожидаемые выгоды от политики.

Такое понимание близко к переменным, измеряющим доверие к Центральному банку, ожидания инфляции и воспринимаемый риск, которые анализируются в литературе по коммуникации Централных банков [27; 28]. Высокое $\psi(t)$ в этом смысле отражает низкий уровень доверия, повышенную неопределённость и ощущение, что экономическая и финансовая среда остаётся нестабильной и рискованной для финансовой безопасности домохозяйств и фирм.

В настоящей работе эта концептуальная рамка служит основанием для интеграции DSGE- и SFC-блоков: $\psi(t)$ трактуется как переменная, одновременно влияющая на ожидания (через изменение восприятия будущих доходов, инфляции и рисков) и на балансовое поведение (через решения о потреблении, сбережении, заимствовании и обслуживании долга).

3.2. Модель 1: разрыв канала ожиданий (DSGE) – японский и российский случаи

Классический результат Sargent ve Wallace о «политике без влияния» формулируется в условиях рациональных ожиданий, когда агенты в среднем не совершают систематических ошибок и не допускают устойчивого чрезмерного

оптимизма или пессимизма. При выполнении условий Бланшара–Кана равновесие определяется политикой Центрального банка, и структура экономики считается известной [20]. В такой рамке предсказуемые изменения политики имеют ограниченные реальные эффекты.

В настоящей работе это допущение смягчается: предполагается, что структура экономики по-прежнему известна, но в операторе ожиданий $E(t)$ появляется систематически пессимистичная поправка $\psi(t)$. Иначе говоря, агенты понимают модель, но устойчиво занижают ожидаемый выпуск, доходы и эффективность политики. Такая ситуация выглядит реалистично в условиях японской долговременной дефляции и ZLB [3; 23; 29;] и в условиях российского дефицита доверия к Центральному банку и повышенного геополитического риска [7; 8].

Теоретическая основа канала ожиданий опирается на стандартную двухуровневую систему новой кейнсианской литературы:

IS-уравнение, связывающее выпуск $Y(t)$ с ожидаемым будущим выпуском $E(t)[Y(t+1)]$, реальной процентной ставкой $i(t) - E(t)[\pi(t+1)]$ и шоком совокупного спроса $u(t)$;

Новая кейнсианская кривая Филлипса, описывающая зависимость инфляции от ожидаемой будущей инфляции и разрыва выпуска [30].

С учётом $\psi(t)$ IS-уравнение записывается следующим образом:

$$Y(t) = (E(t)[Y(t+1)] - \psi(t)) - \sigma \cdot (i(t) - E(t)[\pi(t+1)]) + u(t),$$

где $\psi(t)$ интерпретируется как автономный сжимающий фактор, уменьшающий ожидаемый будущий выпуск независимо от текущей ставки и шока спроса. Даже при неизменной реальной ставке и отсутствии новых шоков совокупный спрос сокращается именно из-за пессимистичного смещения ожиданий. В японском случае, когда номинальная ставка практически достигла нуля, высокое $\psi_{JP}(t)$ закрепляет дефляционные ожидания и делает реальные ставки положительными, даже при околонулевой номинальной ставке. Это означает, что даже агрессивная экспансия (QE, длительное удержание ставки на нуле) лишь частично восстанавливает совокупный спрос и инфляционные ожидания [3]. Другими словами, ZLB и ноцебо-эффект действуют совместно, ограничивая стимулирующую силу политики.

В российском случае высокое $\psi_{RU}(t)$ отражает низкий уровень доверия к институтам и высокий субъективный риск. В такой среде ужесточение политики (повышение ставки для борьбы с инфляцией) воспринимается не столько как сигнал о будущей стабилизации, сколько как подтверждение глубины проблем. В результате повышение $i(t)$ снижает $Y(t)$ значительно сильнее, чем предполагает стандартная модель, тогда как влияние на ожидаемую инфляцию оказывается ослабленным [7; 8].

Совместное рассмотрение уравнений для $Y(t)$ и $\pi(t)$ даёт двухмерную линейную систему с вперёдсмотрящими ожиданиями. В традиционном подходе условия детерминированности (Blanchard–Kahn) накладывают ограничения на параметры правила денежно-кредитной политики (реакция ставки на инфляцию и разрыв выпуска). В настоящей рамке добавляется ещё одно измерение: уровень $\psi(t)$. При высоких значениях $\psi(t)$ область параметров, обеспечивающих устойчивое и

единственное равновесие, сужается, а вероятность того, что политика окажется в зоне «слабого рычага», возрастает. Таким образом, ноцебо-эффект прямо ограничивает эффективность денежно-кредитной политики через канал ожиданий.

3.3. Модель 2: разрыв балансового канала (SFC) – финский и турецкий случаи

Хотя новый кейнсианский каркас наглядно показывает роль ожиданий, сам по себе он недостаточен для объяснения того, почему в условиях высокой долговой нагрузки и валютной уязвимости реакция экономических агентов на процентный сигнал радикально отличается от стандартных предсказаний. В Финляндии уязвимость связана прежде всего с высокой задолженностью домашних хозяйств и зависимостью от динамики цен на недвижимость, тогда как в Турции ключевую роль играет валютная задолженность корпоративного сектора и внешняя уязвимость банковской системы.

Для анализа этих аспектов используется подход stock–flow-consistent (SFC), в котором во взаимосвязанной бухгалтерской матрице прослеживаются потоки доходов, расходов, заимствований и накопленные запасы активов и пассивов по секторам [10; 11; 12]. Такой подход особенно удобен для анализа того, как долговые ограничения и требования к финансовой устойчивости ограничивают реакцию домохозяйств и фирм на изменения процентной ставки. В работе для Финляндии и Турции предполагается упрощённая, но информативная структура экономики, включающая домохозяйства, фирмы, банковский сектор, государственный сектор и внешний мир, а также различие между долгом в национальной и иностранной валюте. Домохозяйства держат портфель активов (депозиты, наличные, недвижимость), фирмы финансируют инвестиции за счёт заёмных средств и собственных фондов, банки управляют соотношением кредитов и обязательств перед внешним миром, а государство определяет фискальные параметры и участвует в формировании совокупного спроса.

В этой структуре $\psi(t)$ влияет не только на ожидания будущих доходов, но и на решения о распределении дохода между потреблением, сбережением и погашением долга. При росте $\psi(t)$ домохозяйства становятся более осторожными, увеличивают сбережения в ликвидной форме и стремятся сократить долговую нагрузку; фирмы откладывают инвестиционные проекты; банки ужесточают условия кредитования, реагируя как на ухудшение макроэкономического фона, так и на ухудшение балансов клиентов.

В SFC-рамке ноцебо-эффект воздействует одновременно на потоки (сокращение расходов, перенос потребления, рост сбережений) и на запасы (замедление накопления долга, иногда – форсированная де-левериджация). При этом любое смягчение денежно-кредитной политики – снижение ставки, улучшение условий фондирования – используется в первую очередь для восстановления балансов и укрепления финансовой позиции, а не для расширения реального спроса. Это особенно заметно в странах, где структура долгов и валютные несоответствия делают сектора экономики чувствительными к колебаниям курсов и процентных ставок [5; 6; 9].

Таким образом, совместный анализ разрыва канала ожиданий и балансового канала показывает, что сочетание высокого $\psi(t)$ и высокой финансовой уязвимости формирует специфический режим, в котором традиционные мультипликаторы

денежно-кредитной политики становятся малыми и нестабильными, а попытки стимулирования неизбежно сталкиваются с приоритетом восстановления балансов и снижением долговой нагрузки. Это непосредственно затрудняет обеспечение экономической и финансовой безопасности.

3.4. Поведенческий механизм: сбой трансмиссии и гедонистический уход

В режимах, где одновременно высоки $\psi(t)$ и показатели уязвимости, домохозяйства и фирмы стремятся минимизировать долговые обязательства и избегать решений, требующих крупных, необратимых инвестиций, особенно если они финансируются за счёт кредита. Процентно чувствительные расходы – инвестиции в жильё, покупка долговечных товаров, расширение производственных мощностей – оказываются под наибольшим давлением.

При устойчивом пессимизме и долговом стрессе картина меняется следующим образом. Во-первых, домохозяйства и фирмы пессимистично смотрят в будущее (ноцебо / низкое доверие); во-вторых, они находятся под заметным стрессом из-за уже существующих долговых обязательств (уязвимость / ограниченные ликвидные буферы или, в условиях ZLB, отсутствие пространства для реакции через дальнейшее снижение ставки).

Когда эти две характеристики совпадают, крупные, необратимые и кредитоёмкие решения – покупка жилья, запуск нового инвестиционного проекта, расширение производства – воспринимаются как чрезмерно рискованные и либо откладываются на неопределённый срок, либо вовсе отменяются. Любое смягчение финансовых условий – снижение ставки, улучшение доступа к кредиту – используется не для наращивания новых обязательств, а прежде всего для реструктуризации существующего долга, продления сроков, накопления «подушки безопасности». Структура баланса смещается в сторону большей устойчивости и ликвидности, а не в сторону расширения риска.

Литература по гедонистическому потреблению показывает, что в условиях стресса и негативного аффекта люди склонны использовать потребление как средство эмоциональной регуляции, отдавая предпочтение символическому и опытному потреблению (развлечения, медиа, цифровые сервисы), дающему немедленный психологический эффект [18; 25]. Эти виды потребления в гораздо меньшей степени зависят от ставок по кредитам и долгосрочных ожиданий дохода, чем крупные покупки и инвестиции.

В совокупности ноцебо-эффект и финансовая уязвимость ведут к структурному смещению спроса: от процентно чувствительных, ориентированных на будущее расходов – к гедонистическому и опытному потреблению, относительно нечувствительному к процентной ставке. Именно это смещение объясняет, почему снижение ставки и формальное улучшение финансовых условий в режиме высокого $\psi(t)$ и высокой уязвимости приводят к ограниченному росту совокупного спроса и практически не запускают традиционные каналы трансмиссии.

Гедонистический уход в таком понимании можно рассматривать как микрофундаментальный механизм сбоев трансмиссии: он связывает устойчивый пессимизм, долговую нагрузку и структуру спроса и тем самым имеет прямое

значение для анализа рисков и разработки политики, направленной на обеспечение устойчивого роста и финансовой безопасности

4. Методы и материалы: эмпирическая методология и данные

Гипотезы, выдвинутые в теоретическом разделе, а именно о том, что взаимодействие шоко-эффекта и финансовой уязвимости систематически ослабляет влияние денежно-кредитной политики на выпуск и инфляцию, проверяются с помощью эмпирической стратегии, специально ориентированной на сравнительный анализ четырёх стран – Японии, Финляндии, России и Турции. В этих экономиках сочетаются различные формы уязвимости – ловушка ликвидности при нулевой ставке, высокая долговая нагрузка домашних хозяйств, валютная задолженность корпоративного сектора, санкционные и структурные шоки, дефицит доверия к Центральному банку – и тем самым формируются разные конфигурации рисков для экономической и финансовой безопасности.

Эмпирическая стратегия включает два ключевых шага. На первом этапе строятся текстовые индексы общественного пессимизма $\psi(t)$ для каждой страны, а также набор количественных индикаторов финансовой уязвимости, отражающих долговую нагрузку, валютные несоответствия и внешнюю уязвимость. Полученные индексы трактуются как прокси-переменные для шоко-эффекта и используются совместно с традиционными макроэкономическими показателями (выпуск, инфляция, ключевая ставка, кредитные агрегаты, индикаторы внешней среды). На втором этапе эти ряды включаются в модели TVP-VAR (Time-Varying Parameter Vector Autoregression – векторная авторегрессия с параметрами, меняющимися во времени) и в спецификации локальных проекций, позволяющие проследить, как меняется реакция выпуска и инфляции на денежно-кредитные шоки во времени и в различных режимах $\psi(t)$ и финансовой уязвимости.

Таким образом, раздел «Методы и материалы» объединяет: (i) описание набора данных, критерии выбора стран и используемые переменные; (ii) процедуру построения текстовых индексов шоко; (iii) эконометрические инструменты, применяемые для идентификации шоков денежно-кредитной политики и оценки асимметричных откликов.

4.1. Набор данных, выбор стран и переменные

Анализ базируется на данных по четырём экономикам – Турции, Японии, Финляндии и России, – которые представляют разные типы сочетания шоко-эффекта и финансовой уязвимости и, соответственно, разные конфигурации рисков для экономической и финансовой безопасности. В Японии центральной проблемой остаются затяжная дефляция и ловушка ликвидности при нулевой ставке, что делает экономику особенно чувствительной к изменениям ожиданий и к формированию устойчивого общественного пессимизма [2; 23]. В Финляндии ключевую роль играет высокая долговая нагрузка домашних хозяйств в условиях длительного периода низких ставок, что усиливает зависимость внутреннего спроса от динамики цен на недвижимость и взаимосвязь между денежно-кредитной политикой и банковской устойчивостью [4; 5; 6; 14].

В России на первый план выходят санкции и структурные шоки, влияющие на внешние условия, курс национальной валюты, инфляционные ожидания и доверие к

институтам. Это формирует особый профиль уязвимости, в котором взаимодействуют внешнеполитические риски, валютная и банковская уязвимость и дефицит доверия к денежно-кредитной политике [3; 7; 8]. В Турции главными факторами выступают высокая и волатильная инфляция, значительная валютная задолженность корпоративного сектора и внешняя уязвимость финансовой системы, что делает экономику чувствительной к изменениям глобальной ликвидности и к колебаниям доверия к национальной валюте [9].

Используются квартальные данные за период с первого квартала 2000 года по последний доступный квартал 2024 года (в зависимости от доступности для конкретных показателей и стран). В базовый набор макроэкономических переменных для каждой экономики входят:

- реальный выпуск (реальный ВВП или индекс промышленного производства);
- инфляция (индекс потребительских цен или дефлятор ВВП);
- ключевая (политическая) процентная ставка Центрального банка;
- кредитные агрегаты (объём кредитов частному сектору, кредитование домашних хозяйств и нефинансовых корпораций);
- индикаторы внешней среды (курс национальной валюты, условия внешней торговли, показатели глобальной неопределённости, где это возможно).

Для измерения финансовой уязвимости используются показатели, отражающие:

- долговую нагрузку домашних хозяйств (отношение долга к располагаемому доходу, доля обслуживания долга в доходе);
- валютную задолженность корпоративного сектора и банков (доля обязательств в иностранной валюте, показатели валютных несоответствий в балансах);
- внешнюю уязвимость (краткосрочный внешний долг, отношение резервов к краткосрочным обязательствам, индикаторы зависимости от внешнего финансирования);
- показатели доверия к денежно-кредитной политике и к финансовым институтам (если доступны соответствующие опросные или рыночные данные).

Эти переменные объединяются в единую базу, позволяющую сопоставлять динамику $\psi(t)$, финансовой уязвимости и реакцию ключевых макроэкономических показателей на денежно-кредитные шоки, а также делать выводы о рисках для экономической и финансовой безопасности в разных институциональных контекстах.

4.2. Построение индекса ноцебо

Измерение уровня $\psi(t)$ осуществляется с помощью текстовых индексов, основанных на методах обработки естественного языка и анализа тональности, широко применяемых в финансовой литературе и исследованиях по коммуникации Центральных банков. Цель состояла в том, чтобы получить для каждой страны временной ряд, отражающий кумулятивный уровень общественного пессимизма и негативных ожиданий, связанных с экономической и финансовой ситуацией.

Первый шаг заключается в формировании корпуса текстов. Для каждой страны отбираются:

- официальные заявления и пресс-релизы Центрального банка, стенограммы пресс-конференций и отчёты о денежно-кредитной политике;
- ключевые макроэкономические и финансовые отчёты государственных

органов (министерств финансов, статистических ведомств, органов финансового надзора);

– материалы ведущих деловых и финансовых СМИ, отражающие медийные нарративы о рисках, уязвимости, кризисах, инфляции, дефляции, валютных колебаниях.

Корпус формируется таким образом, чтобы для каждого квартала t иметь репрезентативный набор текстов, позволяющий оценить доминирующий тон и преобладающие нарративы.

Второй шаг состоит в идентификации лексики, связанной с пессимизмом и рисками. На основе существующих словарей тональности и тематических словарей по экономике и финансам формируются списки слов и устойчивых выражений, ассоциированных с:

– негативной оценкой текущей и будущей экономической ситуации (кризис, спад, дефляция, нестабильность);

– финансовыми и валютными рисками (невозврат, дефолт, обесценение, валютный риск, отток капитала, банковский кризис);

– сомнениями и недоверием к политике и институтам (неуверенность, недоверие, сомнение, политическая нестабильность).

При необходимости словари адаптируются к языковым особенностям каждой страны (японский, финский, русский, турецкий), а также дополняются синонимами и контекстно-специфическими выражениями, выявленными в корпусе. Для повышения устойчивости результатов используются как общие лексические индикаторы тональности, так и специально настроенные словари, ориентированные на фиксацию ноцебо-эффекта и связанных с ним рисков.

Третий шаг – расчёт индекса. Для каждой страны и каждого квартала t вычисляется взвешенная доля негативных и пессимистичных выражений в общем объёме текстов с учётом их контекста и источника (официальные сообщения, аналитические отчёты, медийные материалы). Полученные величины нормируются (например, с использованием z -оценок или мин–макс-преобразования) и сглаживаются для снижения влияния разовых медийных «всплесков». В результате строятся четыре временных ряда $\psi_{JP}(t)$, $\psi_{FI}(t)$, $\psi_{RU}(t)$ и $\psi_{TR}(t)$, характеризующие уровень общественного пессимизма в Японии, Финляндии, России и Турции соответственно.

Полученные индексы интерпретируются как прокси-переменные общественного ноцебо-эффекта и служат входами в дальнейший анализ. На предварительном этапе проводится проверка их статистических свойств (стационарность, автокорреляция, связь с макропеременными) и сопоставление с известными эпизодами кризисов и периодами усиления неопределённости, что позволяет оценить пригодность индексов для включения в макроэкономические модели.

4.3. Эконометрический метод

Для оценки последствий $\psi(t)$ и проверки гипотезы о том, что взаимодействие ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости ослабляет влияние денежно-кредитных шоков, используются два взаимодополняющих подхода:

– TVP-VAR – векторная авторегрессия с параметрами, меняющимися во времени;

– локальные проекции (Local Projections, LP) – метод прямого моделирования импульсных откликов с учётом режимной асимметрии.

TVP-VAR позволяет отслеживать плавные изменения коэффициентов и ковариационной структуры шоков во времени, а значит – фиксировать эволюцию влияния денежно-кредитной политики в разных исторических эпизодах и в условиях меняющейся уязвимости. Локальные проекции, в свою очередь, дают возможность непосредственно оценивать импульсные отклики на разных горизонтах и явно учитывать различие между режимами «высокий ноцебо / высокая уязвимость» и «остаточные» периоды. Совместное применение этих двух методов обеспечивает как динамическую, так и режимную перспективу анализа.

4.3.1. TVP-VAR: параметры, меняющиеся во времени

Классическая VAR-модель [32] описывает динамику нескольких взаимосвязанных временных рядов как линейную функцию их собственных лагов и лагов других переменных при постоянных коэффициентах и ковариационной матрице ошибок. Такой подход хорошо подходит для стационарных режимов, но плохо отражает ситуации, когда структура экономики и поведение агентов существенно меняются во времени, а риски для финансовой безопасности носят ярко выраженный режимный характер.

Поэтому используется TVP-VAR-спецификация в духе Primiceri, где коэффициенты при лаговых переменных и элементы ковариационной матрицы шоков считаются стохастически изменяющимися во времени. Вектор переменных включает, в зависимости от страны: выпуск, инфляцию, ключевую ставку, кредитные агрегаты, показатели внешней среды и индекс $\psi(t)$. Изменение $\psi(t)$ и индикаторов уязвимости отражается в динамике коэффициентов, что позволяет проследить, как меняется сила и форма реакции выпуска и инфляции на денежно-кредитные шоки по мере перехода экономики из «нормальных» периодов в режимы высокой уязвимости и повышенного общественного пессимизма.

Идентификация шоков денежно-кредитной политики осуществляется с использованием структурных ограничений (например, рекурсивного порядка Чолески или ограничений знаков), согласованных с теоретическими моделями из раздела 3. Для оценки TVP-VAR применяется байесовская процедура с использованием алгоритмов MCMC, что позволяет получать апостериорные распределения коэффициентов и импульсных откликов, а также строить доверительные интервалы для оценки значимости изменений во времени.

4.3.2. Локальные проекции (LP) и асимметрия режимов

Для проверки устойчивости результатов и прямого тестирования асимметрии режимов используется метод локальных проекций Jordà. Для каждого горизонта h оценивается регрессия вида:

$$Y_{t+h} = \alpha(h) + \beta(h) \text{MPShock}_t + \gamma(h) Z_{t+et+h} + \varepsilon_{t+h},$$

где Y_{t+h} – выпуск или инфляция на горизонте h , MPShock_t – идентифицированный шок денежно-кредитной политики в момент t , Z_t – набор контролируемых переменных (лаговые значения

зависимых переменных, индикаторы внешней среды, фиксированные эффекты, при необходимости), ε_{t+h} – случайный остаток.

Ключевой элемент – введение режимной переменной $Rej_{im}(t)$, отражающей совместное состояние $\psi(t)$ и финансовой уязвимости:

– режим $(t) = 1$ – периоды «высокого ноцебо / высокой уязвимости», когда индекс $\psi(t)$ и соответствующий индикатор уязвимости (например, долговая нагрузка, валютная задолженность, показатель внешней уязвимости) превышают заданные пороги;

– режим $(t) = 0$ – все остальные периоды.

В регрессии учитываются взаимодействия $MPS_{shock} \cdot Rej_{im}(t)$, что позволяет получить отдельные оценки импульсных откликов в «стрессовых» режимах и в «нормальных» условиях, а также непосредственно сравнить их между собой. Для корректного учёта автокорреляции и гетероскедастичности ошибок используются HAC-оценки дисперсий [33].

Совместное использование TVP-VAR и LP позволяет ответить на три ключевых вопроса:

1. Ослабевает ли влияние денежно-кредитных шоков на выпуск и инфляцию во времени и как это связано с динамикой $\psi(t)$ и финансовой уязвимости?

2. Более ли выражено это ослабление именно в периоды высокого $\psi(t)$ и высокой уязвимости, когда риски для экономической и финансовой безопасности максимальны?

3. Производит ли взаимодействие «ноцебо–уязвимость» схожий эффект в странах с различной структурой финансовых рисков (дефляция и ZLB в Японии, задолженность домашних хозяйств в Финляндии, санкции и доверие в России, валютная уязвимость в Турции) или же наблюдаются принципиальные различия по странам?

5. Результаты и их интерпретация

Теоретические гипотезы, сформулированные в разделе 3, проверяются для четырёх стран – Японии, Финляндии, России и Турции – с использованием описанной в разделе 4 эмпирической стратегии. Сочетание текстовых индексов ноцебо $\psi(t)$, показателей финансовой уязвимости и макроэкономических переменных позволяет оценить, уменьшает ли взаимодействие общественного пессимизма и уязвимости силу воздействия денежно-кредитных шоков на выпуск и инфляцию.

– В этом разделе последовательно представлены результаты:

– предварительный описательный анализ свойств индексов $\psi_{JP}(t)$, $\psi_{FI}(t)$, $\psi_{RU}(t)$ и $\psi_{TR}(t)$;

– выводы из TVP-VAR-моделей с параметрами, меняющимися во времени;

– результаты локальных проекций, учитывающих режимы «высокий ноцебо–высокая уязвимость»;

– проверка поведенческого механизма гедонистического ухода.

Полученные результаты свидетельствуют, что во всех четырёх экономиках, хотя и с разной структурой уязвимости, наблюдаются систематические сбои трансмиссии в режимах высоких значений $\psi(t)$ и финансовой уязвимости.

5.1. Основные свойства ноцебо-индексов (предварительный анализ)

На первом этапе анализируются свойства $\psi_{JP}(t)$, $\psi_{FI}(t)$, $\psi_{RU}(t)$ и $\psi_{TR}(t)$, построенных по методике раздела 4.2. Для каждой страны рассматривается динамика индекса, его связь с известными эпизодами кризисов и периодами усиления неопределённости, а также взаимосвязь с показателями финансовой уязвимости и макроэкономической нестабильности. Выясняется, что во всех четырёх случаях $\psi(t)$ фиксирует ключевые поворотные моменты экономической истории и отражает усиление угроз для экономической и финансовой безопасности.

$JP(t)$ (Япония). Индекс заметно повышается в конце 1990-х годов и в начале 2000-х, когда дефляция и стагнация закрепляются как «новая норма» японской экономики. Высокие значения $\psi_{JP}(t)$ наблюдаются в годы глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., а также после землетрясения и аварии на Фукусиме в 2011 г. В эти периоды усиливаются нарративы о хронической слабости внутреннего спроса, долговом бремени и ограниченной эффективности денежно-кредитной политики при ZLB [3; 23].

$FI(t)$ (Финляндия). Индекс повышается в 2008 г., во время мирового финансового кризиса, и остаётся на относительно высоком уровне в период европейского долгового кризиса и второй рецессии в еврозоне. Дополнительные всплески наблюдаются в эпизоды резкой коррекции на жилищном рынке, когда усиливаются опасения по поводу чрезмерной задолженности домашних хозяйств и устойчивости банковского сектора. Нарративы о «уязвимости через долг» и о рисках для финансовой стабильности находят отражение и в исследовательской, и в официальной риторике [4; 5; 6; 14].

$RU(t)$ (Россия). Индекс резко возрастает после 2014 г. (события в Крыму и введение санкций), а затем вновь достигает пика после 2022 г. Периоды высоких значений $\psi_{RU}(t)$ совпадают с усилением геополитической напряжённости, волатильностью курса рубля, эпизодами ускорения инфляции и обсуждениями жёстких санкций, что сопровождается ростом неопределённости и снижением доверия к экономической политике [7; 8; 31].

$TR(t)$ (Турция). Индекс достигает высоких значений в периоды эпизодических валютных и инфляционных всплесков: кризис 2001 г., глобальный кризис 2008–2009 гг., валютные эпизоды 2013–2014 гг., 2018 г. и последующие волны девальвации и ускорения инфляции в 2021–2022 гг. В эти периоды медийные и профессиональные дискуссии концентрируются вокруг устойчивости лиры, внешней уязвимости и рисков для экономической и финансовой безопасности [9].

Для всех стран индекс $\psi(t)$ демонстрирует тесную и статистически значимую корреляцию с индикаторами финансовой уязвимости (долговая нагрузка, валютные несоответствия, внешняя уязвимость), а также с показателями макроэкономической неопределённости. Это подтверждает, что $\psi(t)$ адекватно отражает не только уровень общих негативных настроений, но и восприятие рисков, связанных с финансовой стабильностью, и может рассматриваться как прокси-переменная ноцебо-эффекта.

5.2. Результаты TVP-VAR: сравнительная динамика и изменяющаяся эффективность политики

На втором этапе, в рамках TVP-VAR-моделей Primiceri, анализируются динамические эффекты денежно-кредитных шоков и ноцебо-шоков на выпуск и

инфляцию, а также вклад $\psi(t)$ и уязвимости в изменение структуры взаимосвязей между переменными во времени. Вектор переменных включает выпуск, инфляцию, ключевую ставку, кредитные агрегаты, индикаторы внешней среды и индекс $\psi(t)$ для каждой страны.

Полученные результаты можно суммировать в двух ключевых пунктах.

1. Независимый эффект шоко-шоков. Во всех четырёх странах $\psi(t)$ ведёт себя как самостоятельный макрошок: положительный шоко-шок (рост пессимизма и негативных нарративов) сопровождается статистически значимым снижением выпуска и, как правило, повышением премий за риск и усилением финансовой волатильности. Реакция инфляции в этом случае неоднозначна: в Японии и частично в Финляндии преобладает дефляционное давление, тогда как в России и Турции, напротив, рост $\psi(t)$ чаще сочетается с ускорением инфляции через канал обесценения валюты и инфляционных ожиданий. Таким образом, $\psi(t)$ проявляет себя как автономный сжимающий фактор в канале ожиданий, усиливающий риски для экономической и финансовой безопасности.

2. Изменяющаяся эффективность политики. Коэффициенты TVP-VAR показывают, что мультипликатор денежно-кредитной политики во времени неоднороден и существенно зависит от уровня $\psi(t)$ и финансовой уязвимости. В периоды низкого $\psi(t)$ и умеренной уязвимости реакция выпуска и инфляции на шоки ставки и другие инструменты денежно-кредитной политики в целом соответствует ожиданиям стандартных моделей: смягчение политики стимулирует выпуск и (с задержкой) повышает инфляцию, ужесточение – напротив, охлаждает экономику.

В Японии после закрепления ZLB и периода масштабных программ количественного смягчения реакция выпуска на отрицательные шоки ставки и расширение баланса Центрального банка становится слабой и краткосрочной, тогда как в «ранние» периоды до ZLB эффект был более выражен и устойчив. При высоких значениях $\psi_{JP}(t)$ и устойчивых дефляционных ожиданиях влияние денежно-кредитных шоков на инфляцию практически исчезает: инфляционные отклики оказываются статистически неотличимыми от нуля или крайне малыми [23; 29]. Это согласуется с идеей о том, что сочетание ZLB и шоко-эффекта создаёт состояние, в котором традиционные инструменты политики теряют значительную часть своей силы.

В Финляндии после глобального кризиса и европейского долгового кризиса, на фоне роста задолженности домашних хозяйств и уязвимости банковского сектора, мультипликатор денежно-кредитной политики также снижается. В периоды, когда индикаторы долговой нагрузки домохозяйств и $\psi_{FI}(t)$ одновременно высоки, снижение ставки оказывает меньший эффект на потребление и инвестиции, чем в более «спокойные» годы. Реакция усиливается по линии перераспределения потоков: домохозяйства и фирмы используют улучшение условий кредитования скорее для реструктуризации долгов и укрепления балансов, чем для наращивания новых обязательств. На передний план выходит балансовый канал ограничений, описанный в SFC-традиции.

В России и Турции периоды высоких $\psi_{RU}(t)$ и $\psi_{TR}(t)$, усиленные санкционными и внешними шоками, характеризуются резким сокращением откликов выпуска и инфляции на денежно-кредитные шоки. В ряде эпизодов ужесточение политики (повышение ставки) приводит к заметному сокращению выпуска и

кредитной активности, но почти не оказывает ожидаемого сдерживающего влияния на инфляцию из-за доминирования валютного канала и инфляционных ожиданий. В другие периоды ослабление политики (снижение ставки) сопровождается лишь ограниченным восстановлением внутреннего спроса, так как высокое $\psi(t)$ и уязвимость побуждают экономических агентов к предосторожительным сбережениям и сокращению долгов, а не к расширению инвестиций [9; 31].

Совокупно результаты TVP-VAR подтверждают, что взаимодействие шоко-эффекта и финансовой уязвимости приводит к систематическому ослаблению традиционного действия денежно-кредитной политики: в режимах высоких $\psi(t)$ и уязвимости мультипликаторы сокращаются, а часть эффектов политики «рассеивается» через каналы риска и доверия.

5.3. Результаты локальных проекций: влияние режимов «высокий шоко–высокая уязвимость»

Для проверки устойчивости выводов и более наглядного сопоставления режимов используется метод локальных проекций [34]. Для каждого горизонта h оцениваются уравнения, в которых выпуск и инфляция зависят от идентифицированного денежно-кредитного шока в момент t , набора контролируемых переменных и режимной переменной $Rej_{im}(t)$, отражающей состояние $\psi(t)$ и уязвимости.

Режим определяется следующим образом:

- низкая уязвимость / умеренный шоко – значения $\psi(t)$ и соответствующего индикатора уязвимости ниже заданных порогов;
- высокая уязвимость / высокий шоко – значения $\psi(t)$ и показателей уязвимости выше порогов.

Результаты показывают, что:

- в режимах низкой уязвимости и умеренного $\psi(t)$ импульсные отклики на денежно-кредитные шоки имеют ожидаемую форму: смягчение политики приводит к положительному и статистически значимому отклику выпуска и инфляции на нескольких горизонтах, ужесточение – к отрицательному;
- в режимах высокой $\psi(t)$ и уязвимости отклики существенно ослаблены и в ряде случаев становятся статистически неотличимыми от нуля. В некоторых эпизодах знаки откликов становятся неоднозначными, а доверительные интервалы включают широкий диапазон значений, что указывает на нестабильность и фрагментацию механизма трансмиссии.

Этот паттерн наблюдается во всех четырех странах, хотя конфигурация каналов различается: в Японии ключевую роль играет дефляционный канал и реальная процентная ставка; в Финляндии – долговая нагрузка домовладельцев и связь с жилищным рынком; в России и Турции – валютный канал, премии за риск и доверие к политике. Тем не менее, общая картина одинакова: в «стрессовых» режимах сочетание высокого $\psi(t)$ и сильной уязвимости систематически уменьшает чувствительность выпуска и цен к денежно-кредитным импульсам, что подтверждает универсальность механизма «шоко–уязвимость».

Таким образом, результаты локальных проекций показывают, что эффективность денежно-кредитной политики существенно зависит от режима, в котором находится экономика: в периоды высокой уязвимости и пессимизма даже значительные

изменения процентной ставки и другие меры политики имеют более слабый эффект, чем в «нормальных» условиях.

5.4. Тестирование механизма: проверка гипотезы гедонистического ухода

На заключительном этапе анализируется роль поведенческого механизма «гедонистического ухода», предложенного в теоретическом разделе. Для этого конструируются показатели:

– расходов на долговечные товары и жилищные инвестиции (процентно-чувствительные статьи, требующие крупных и часто кредитно финансируемых решений);

– расходов на услуги, цифровые развлечения и другие опытные виды потребления с низкой чувствительностью к ставке и более тесной связью с эмоциональным состоянием и стрессом.

Далее исследуется связь между динамикой этих статей, $\psi(t)$, показателями уязвимости и денежно-кредитными шоками.

Результаты показывают, что в периоды, когда $\psi(t)$ и уязвимость одновременно высоки, реакция расходов на долговечные товары и жилищные инвестиции на смягчение денежно-кредитной политики существенно слабее, чем в «нормальные» периоды. В ряде эпизодов, особенно в Финляндии и Турции, эти расходы вообще не демонстрируют заметного роста после снижения ставки: домохозяйства и фирмы используют улучшение финансовых условий прежде всего для погашения долга, продления сроков и формирования «подушки безопасности», а не для наращивания новых обязательств. Это согласуется с идеей о приоритете восстановления балансов над расширением рискованных инвестиций. В то же время расходы на услуги и цифровые/гедонистические товары оказываются более устойчивыми и в некоторых случаях даже увеличиваются на фоне высокого $\psi(t)$. Это особенно заметно в сегментах, связанных с развлечениями, медиапотреблением и цифровыми сервисами, которые в литературе рассматриваются как формы «эмоционального бегства» от стресса и выгорания [18; 25; 35]. Их чувствительность к ставке невелика; главное значение имеют психологические и поведенческие факторы.

Этот анализ эмпирически поддерживает гипотезу о том, что структура спроса в режимах высокого $\psi(t)$ и уязвимости смещается от процентно-чувствительных, ориентированных на будущее и капиталоемких статей (жильё, долговечные товары, инвестиции) в сторону гедонистического и опытного потребления, относительно нечувствительного к изменению процентной ставки. Именно это структурное смещение и есть операциональный механизм, через который взаимодействие $\psi(t)$ и уязвимости ослабляет традиционные каналы трансмиссии денежно-кредитной политики.

5.5. Интерпретация результатов

Обобщая, результаты подтверждают, что разработанная в разделе 3 интегрированная теоретическая рамка, объединяющая канал ожиданий, балансовый канал и поведенческий механизм гедонистического ухода, адекватно описывает наблюдаемые закономерности в четырёх странах.

Во всех кейсах, несмотря на различия в структуре уязвимости (дефляция и ZLB в Японии, долг домашних хозяйств в Финляндии, санкции и доверие в России, валютная

задолженность и внешняя уязвимость в Турции), сочетание высокого $\psi(t)$ и неблагоприятного профиля уязвимости ведёт к схожему результату: интервенции денежно-кредитной политики оказывают существенно меньший эффект на выпуск и инфляцию, чем в «спокойных» периодах.

Это означает, что границы эффективности денежно-кредитной политики определяются не только техническими параметрами (уровень ставки, набор инструментов, масштаб программ), но и состоянием ожиданий и баланс-листов ключевых секторов. В режимах «высокий ноцебо–высокая уязвимость» политика сталкивается с «занавесом ожиданий» и с балансовыми ограничениями, что повышает риски для экономической и финансовой безопасности и требует переосмысления роли денежно-кредитной политики в посткризисной эпохе.

6. Обсуждение и заключение

В настоящей работе была поставлена цель теоретически и эмпирически переосмыслить эффективность денежно-кредитной политики через призму взаимодействия устойчивого общественного пессимизма и финансовой уязвимости. Для этого был заимствован из медицины и психологии концепт ноцебо-эффекта и интерпретирован как кумулятивный показатель общественного пессимизма $\psi(t)$, влияющий на ожидания, доверие и восприятие рисков для экономической и финансовой безопасности. На этой основе была предложена интегрированная рамка, сочетающая новый кейнсианский DSGE-блок (канал ожиданий), SFC-блок (балансовый канал) и поведенческий механизм гедонистического ухода, и проведён сравнительный анализ четырёх экономик – Японии, Финляндии, России и Турции – представляющих различные типы уязвимости. Обсуждение полученных результатов и их последствий для политики можно структурировать по трём основным направлениям: (i) теоретическое значение и вклад в литературу, (ii) импликации для денежно-кредитной и макропруденциальной политики, (iii) ограничения исследования и возможные направления дальнейших работ.

6.1. Теоретические выводы

Во-первых, результаты подтверждают, что канал ожиданий и баланс-лист нельзя рассматривать изолированно. В традиционной новой кейнсианской парадигме основное внимание уделяется рациональным ожиданиям и правилам реакции Центрального банка, тогда как долговые ограничения и структура балансов остаются на периферии анализа. Напротив, SFC-подход и традиция Мински сосредоточены на долговой динамике и финансовой нестабильности, но в явном виде не моделируют систематические отклонения ожиданий.

Предложенная интеграция показывает, что устойчивый общественный пессимизм, формализованный через $\psi(t)$, одновременно:

- сдвигает оператор ожиданий (через IS-уравнение и кривую Филлипса), ослабляя прямое влияние процентной ставки на выпуск и инфляцию;
- усиливает значение балансовых ограничений, поскольку при высоком $\psi(t)$ и высокой долговой нагрузке сниженный дисконтный фактор побуждает экономических агентов отдавать приоритет сокращению долга и укреплению балансов перед расширением расходов.

Таким образом, теоретический вывод заключается в том, что ноцебо-эффект не является «психологическим шумом» вокруг базовой модели, а представляет собой структурный фактор, сужающий область параметров, при которых денежно-кредитная политика остаётся эффективной и детерминирующей динамику выпуска и цен.

Во-вторых, результаты по четырём странам показывают, что универсальный механизм «ноцебо–уязвимость» может реализовываться через разные наборы каналов:

– в Японии – через дефляционные ожидания, ZLB и хроническую ловушку ликвидности;

– в Финляндии – через высокую задолженность домашних хозяйств и связь потребления с рынком жилья;

– в России – через доверие к Центральному банку, санкционные шоки и валютную волатильность;

– в Турции – через валютную задолженность корпоративного сектора, внешнюю уязвимость и инфляционные ожидания.

Несмотря на различия, общий вывод одинаков: в режимах высокого $\psi(t)$ и уязвимости политические мультипликаторы систематически снижаются, а эффективность прогнозируемой денежно-кредитной политики ослабевает. Это позволяет трактовать ноцебо-эффект как важный элемент макроэкономической динамики, сопоставимый по значимости с традиционными шоками спроса, предложения и финансовых условий. В-третьих, гипотеза гедонистического ухода, введённая в теоретической части, находит эмпирическое подтверждение. Структура расходов смещается от процентно чувствительных, капиталоемких и ориентированных на будущее статей (жильё, долговечные товары, инвестиции) к опытным и цифровым видам потребления, менее чувствительным к процентной ставке, но более тесно связанным с эмоциональным состоянием и стрессом. Это даёт микрофундаментальное объяснение того, почему снижение ставки в режимах высокого $\psi(t)$ и уязвимости не приводит к ожидаемому росту совокупного спроса, а значительная часть воздействия политики «теряется» в перестройке структуры расходов.

6.2. Импликации для денежно-кредитной и макропруденциальной политики

С практической точки зрения результаты исследования имеют несколько важных последствий для формирования денежно-кредитной политики и обеспечения экономической и финансовой безопасности. Во-первых, мониторинг индексов типа $\psi(t)$ должен стать регулярной частью аналитического инструментария Центральных банков и органов, отвечающих за финансовую стабильность. Текстовые индексы ноцебо, строящиеся на основе коммуникации Центрального банка, медийных нарративов и аналитических отчётов, позволяют количественно оценивать уровень общественного пессимизма и вовремя фиксировать переход экономики в режим, где эффективность политики снижается.

Во-вторых, в режимах высоких $\psi(t)$ и уязвимости традиционная реакция через процентную ставку может оказаться явно недостаточной. В таких ситуациях требуется:

– более тесная координация денежно-кредитной и макропруденциальной политики (ограничения по LTV/LTI, контрциклические буферы, меры по управлению валютной задолженностью);

– использование целенаправленных инструментов баланс-листовой поддержки, позволяющих уменьшить долговое давление и ускорить восстановление балансов без стимулирования чрезмерного риска;

– особый акцент на коммуникационной политике, направленной на снижение $\psi(t)$ через прозрачное объяснение целей, инструментов и ограничений политики, а также через повышение доверия к институциональной рамке.

В-третьих, результаты указывают, что в условиях хронической дефляции (как в Японии) или высокой инфляционной и валютной волатильности (как в Турции и частично в России) простое продолжение существующей политики (дальнейшее снижение ставки, механическое расширение программ покупки активов) может приводить к убывающей отдаче. При высоком $\psi(t)$ и уязвимости дополнительные меры без изменения нарратива и без адресной работы с балансовыми ограничениями лишь частично стабилизируют финансовую систему, но не восстанавливают устойчивый рост и не снижают риски для экономической и финансовой безопасности. Наконец, для малых открытых экономик с высокой внешней уязвимостью особое значение приобретает доверие к национальной валюте и к институциональной рамке денежно-кредитной политики. Переключение $\psi(t)$ в более благоприятный режим требует не только успешного проведения политики в узком техническом смысле, но и долгосрочной работы по укреплению институциональной репутации Центрального банка, предсказуемости правил и снижению воспринимаемой политической и геополитической неопределённости.

6.3. Ограничения исследования и направления дальнейших работ

Как и любое эмпирическое исследование, данная работа имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов и которые открывают пространство для дальнейших исследований. Во-первых, измерение $\psi(t)$ с помощью текстовых индексов неизбежно зависит от качества корпуса, выбора словарей и методологии анализа тональности. Даже при тщательной адаптации словарей к национальному контексту существует риск недоучёта некоторых аспектов нарратива или, напротив, избыточной чувствительности к отдельным медийным «шумам». В дальнейшем возможно использование более продвинутых методов машинного обучения, контекстуальных языковых моделей и мультифакторных индексов, различающих, например, пессимизм, связанный с внутренними и внешними факторами, или краткосрочную нервозность и долгосрочный ноцебо-компонент.

Во-вторых, агрегация на макроуровне скрывает важные распределительные эффекты. Ноцебо-эффект и уязвимость могут существенно различаться по группам домохозяйств (по доходу, возрасту, доступу к кредиту), по типам фирм (экспортёры / ориентированные на внутренний рынок, крупные / малые, с различной структурой долга) и по регионам внутри стран. В дальнейшем целесообразно комбинировать макроуровневый подход с микроданными опросов, панельных выборок домохозяйств и предприятий, что позволит более точно идентифицировать, какие группы вносят наибольший вклад в $\psi(t)$ и как они по-разному реагируют на денежно-кредитные шоки. В-третьих, анализ ограничен четырьмя странами, выбранными как контрастные примеры. Расширение выборки за счёт других экономик – как развитых, так и развивающихся, – позволило бы проверить, насколько универсален выявленный

механизм «ноцебо–уязвимость» и существуют ли типы уязвимости, в которых влияние $\psi(t)$ на эффективность политики менее выражено или, напротив, ещё более резко проявляется.

Наконец, в данной работе коммуникация Центрального банка рассматривается преимущественно как источник данных для построения $\psi(t)$ и как важный, но в целом внешний по отношению к моделям фактор. Отдельным направлением дальнейших исследований может стать явное включение коммуникации в модельный блок – например, через эндогенную реакцию $\psi(t)$ на различающиеся по содержанию и структуре коммуникационные стратегии, или через моделирование «оптимальной» коммуникации, минимизирующей вероятность попадания экономики в режим высокого $\psi(t)$ и уязвимости.

6.4. Заключение

Подводя итог, можно сказать, что взаимодействие ноцебо-эффекта и финансовой уязвимости формирует специфический режим, в котором традиционные инструменты денежно-кредитной политики сталкиваются с жёсткими ограничениями, а риски для экономической и финансовой безопасности возрастают. Предложенная в статье интеграция ожиданий, балансовых ограничений и поведенческих механизмов показывает, что устойчивый общественный пессимизм $\psi(t)$ и профиль уязвимости экономики необходимо рассматривать как столь же важные элементы анализа, как инфляция, разрыв выпуска или динамика кредитных агрегатов.

Для успешного проведения политики в посткризисной макроэкономической среде недостаточно лишь корректировать процентную ставку и масштаб программ. Необходимо одновременно управлять ожиданиями, укреплять баланс-листы ключевых секторов и снижать $\psi(t)$ через продуманную коммуникацию и институциональное укрепление. Только в этом случае денежно-кредитная политика способна восстановить свою роль центрального инструмента обеспечения устойчивого роста и финансовой безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blinder, A.S. Through a Crystal Ball Darkly: The Future of Monetary Policy // AEA Papers and Proceedings. 2018. Vol. 108. P. 567–571. <https://doi.org/10.1257/pandp.20181080>.
2. Svensson, L.E.O. Escaping from a Liquidity Trap and Deflation: The Foolproof Way and Others // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17. No. 4. P. 145–166. <https://doi.org/10.1257/089533003772034934>.
3. Iwamura, M., Kudo, T., Watanabe, T. Monetary and Fiscal Policy in a Liquidity Trap: The Japanese Experience 1999–2004 // Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI). Discussion Paper Series 05-E-009. 2005. [эл. доступ]. URL: <https://ideas.repec.org/p/eti/dpaper/05009.html> (дата обращения: 10.07.2025).
4. Salo, J. The Impact of Euribor Interest Rates on Finnish Residential Housing Market. Analysing the Correlation Between Long-Term Euribor Rates and Finnish Apartment Price Dynamics. Bachelor's thesis. Espoo: Aalto University, 2024. 30 p.
5. Kärkkäinen, S., Silvo, A. Household Debt, Liquidity Constraints and the Interest Rate Elasticity of Private Consumption // Bank of Finland (BoF) Economics Review. 2/2023. [эл. доступ]. URL: https://publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/52736/BoFER_2_2023.pdf (дата обращения: 12.07.2025).
6. Nakamura, F. Household Debt and Borrower-Based Measures in Finland: Insights from a Heterogeneous Agent Model // International Monetary Fund (IMF) Working Paper. 2023. Vol. 2023. Iss. 262. 22 p. <https://doi.org/10.5089/9798400263132.001>.
7. Matevosova, A.M. Modelling Trust in the Central Bank Using Sentiment Analysis // Russian

Journal of Money and Finance. 2025. Vol. 84. No. 1. P. 3–25. EDN: [UDFBSG](#).

8. Полехина А.А., Гусева А.Д. Как Банк России воспринимают в Telegram-каналах: построение индекса с использованием методов машинного обучения // Деньги и кредит. 2025. Т. 84. № 3. С. 28–62. EDN: [KURLWW](#).
9. Soylu, Ö.B. Türkiye Ekonomisi için Stok Akım Tutarlılığı Modellemesi, Hacettepe University, Sosyal Bilimler Enstitüsü, İktisat A.B.D., 2017. 218 p.
10. Minsky, H.P. Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, CT: Yale University Press, 1986. XXXV, 384 p.
11. Bezemer, D.J. Understanding Financial Crisis Through Accounting Models // Accounting, Organizations and Society. 2010. Vol. 35. Iss. 7. P. 676–688. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2010.07.002>.
12. Godley, W., Lavoie, M. Monetary Economics: An Integrated Approach to Credit, Money, Income, Production and Wealth. London: Palgrave Macmillan, 2007. XLIII, 530 p. <https://doi.org/10.1057/9780230626546>.
13. Shiller, R.J. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton University Press. 2019. 400 p.
14. Guerrieri, V., Lorenzoni, G., Straub, L., Werning, I. Monetary Policy in Times of Structural Reallocation // Working Paper No. 2021–111. University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper 2021. 28 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3924566>.
15. Colloca, L., Grillon, C. Understanding Placebo and Nocebo Responses for Pain Management // Current Pain and Headache Report. 2014. Vol. 18. Iss. 6. Article number 419. <https://doi.org/10.1007/s11916-014-0419-2>.
16. Barsky, A.J., Saintfort, R., Rogers, M.P., Borus, J.F. Nonspecific Medication Side Effects and the Nocebo Phenomenon // The Journal of the American Medical Association (JAMA). 2002. Vol. 287. No. 5. P. 622–627. <https://doi.org/10.1001/jama.287.5.622>.
17. Meijers, H., Muysken, J., Piccillo, G. Expectations and the Stability of Stock-Flow Consistent Models // CESifo Working Papers. 2023. No. 10696. [эл. доступ]. URL: <https://www.ifo.de/en/cesifo/publications/2023/working-paper/expectations-and-stability-stock-flow-consistent-models> (дата обращения: 14.07.2025).
18. Hirschman, E.C., Holbrook, M.B. Hedonic Consumption: Emerging Concepts, Methods and Propositions // Journal of Marketing. 1982. Vol. 46. Iss. 3. P. 92–101. <https://doi.org/10.1177/002224298204600314>.
19. Holbrook, M.B. A Subjective Personal Introspective Essay on the Evolution of Business Schools, the Fate of Marketing Education, and Aspirations toward a Great Society // Australasian Marketing Journal. 2018. Vol. 26. Iss. 2. P. 70–78. <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2018.05.010>.
20. Lucas, R.E. Econometric Policy Evaluation: A Critique // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1976. Vol. 1. P. 19–46. [https://doi.org/10.1016/S0167-2231\(76\)80003-6](https://doi.org/10.1016/S0167-2231(76)80003-6).
21. Sargent, T.J., Wallace, N. “Rational” Expectations, the Optimal Monetary Instrument, and the Optimal Money Supply Rule // Journal of Political Economy. 1975. Vol. 83. No. 2. P. 241–254.
22. García-Schmidt, M., Woodford, M. Are Low Interest Rates Deflationary? A Paradox of Perfect-Foresight Analysis // American Economic Review. 2019. Vol. 109. No. 1. P. 86–120. <https://doi.org/10.1257/aer.20170110>.
23. Krugman, P.R. It’s Baack: Japan’s Slump and the Return of the Liquidity Trap // Brookings Papers on Economic Activity. 1998. No. 1. P. 137–205. <https://doi.org/10.2307/2534694>.
24. Colloca, L., Barsky, A.J. Placebo and Nocebo Effects // The New England Journal of Medicine. 2020. Vol. 382. No. 6. P. 554–561. <https://doi.org/10.1056/NEJMra1907805>.
25. Reinecke, L. The Use of Video and Computer Games to Recuperate from Stress and Strain // Journal of Media Psychology. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 126–142. <https://doi.org/10.1027/1864-1105.21.3.126>.
26. Shiller, R.J. Narrative Economics // American Economic Review. 2017. Vol. 107. No. 4. P. 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>.
27. Gürkaynaka, R.S., Sack, B., Swanson, E.T. Do Actions Speak Louder Than Words? The Response of Asset Prices to Monetary Policy Actions and Statements // International Journal of Central Banking (IJCB). 2005. Vol. 1. Iss. 1. P. 55–93.
28. Schmeling, M., Wagner, Ch. Does Central Bank Tone Move Asset Prices? // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 2025. Vol. 60. Iss. 1. P. 36–67. <https://doi.org/10.1017/S0022109024000073>.
29. Svensson, L.E.O. Monetary Policy and Japan's Liquidity Trap // Centre for European Policy

Studies (CEPS). Working Paper No. 126. 2006. [эл. доступ]. URL: <https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2017/01/126svensson.pdf> (дата обращения: 19.06.2025).

30. Woodford, M. *Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 808 p.

31. Asriyev, M., Miroshnichenko, D. *Monetary Policy and Financial Stability*. Research Paper. The Central Bank of the Russian Federation. Moscow: Bank of Russia, 2023. 61 p. [эл. доступ]. URL: https://www.cbr.ru/statichitml/file/149677/eng_research_policy_notes_b_5_1.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

32. Sims, C.A. *Macroeconomics and Reality* // *Econometrica*. 1980. Vol. 48. No. 1. P. 1–48. <https://doi.org/10.2307/1912017>.

33. Newey, W.K., West, K.D. *A Simple, Positive Semi-Definite, Heteroskedasticity and Autocorrelation Consistent Covariance Matrix* // *Econometrica*. 1987. Vol. 55. No. 3. P. 703–708. <https://doi.org/10.2307/1913610>.

34. Jordà, Ò. *Estimation and Inference of Impulse Responses by Local Projections* // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 1. P.161–182. <https://doi.org/10.1257/0002828053828518>.

35. Aydın, S. Hedonik alışverişin cinsiyet, gelir ve yerleşim büyüklüğüne göre farklılaşması üzerine bir araştırma // *Süleyman Demirel Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*. 2010. Cilt 15. Sayı 3. S. 435–452. <https://izlik.org/JA97FN22XX>.

REFERENCES

1. Blinder, A.S. *Through a Crystal Ball Darkly: The Future of Monetary Policy*. *AEA Papers and Proceedings*. 2018. Vol. 108. P. 567–571. <https://doi.org/10.1257/pandp.20181080>.

2. Svensson, L.E.O. *Escaping from a Liquidity Trap and Deflation: The Foolproof Way and Others*. *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 4. P. 145–166. <https://doi.org/10.1257/089533003772034934>.

3. Iwamura, M., Kudo, T., Watanabe, T. *Monetary and Fiscal Policy in a Liquidity Trap: The Japanese Experience 1999–2004*. *Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI). Discussion Paper Series 05-E-009*. 2005. Available at <https://ideas.repec.org/p/eti/dpaper/05009.html> (accessed: 10.07.2025).

4. Salo, J. *The Impact of Euribor Interest Rates on Finnish Residential Housing Market. Analysing the Correlation Between Long-Term Euribor Rates and Finnish Apartment Price Dynamics*. Bachelor's thesis. Espoo: Aalto University, 2024. 30 p.

5. Kärkkäinen, S., Silvo, A. *Household Debt, Liquidity Constraints and the Interest Rate Elasticity of Private Consumption*. *Bank of Finland (BoF) Economics Review*. 2/2023. Available at https://publications.bof.fi/bitstream/handle/10024/52736/BoFER_2_2023.pdf (accessed: 12.07.2025).

6. Nakamura, F. *Household Debt and Borrower-Based Measures in Finland: Insights from a Heterogeneous Agent Model*. *International Monetary Fund (IMF) Working Paper*. 2023. Vol. 2023. Iss. 262. 22 p. <https://doi.org/10.5089/9798400263132.001>.

7. Matevosova, A.M. *Modelling Trust in the Central Bank Using Sentiment Analysis*. *Russian Journal of Money and Finance*. 2025. Vol. 84. No. 1. P. 3–25. EDN: UDFBSG.

8. Polekhina, A.A., Guseva, A.D. *How the Bank of Russia Is Perceived on Telegram Channels: Building an Index Using Machine Learning Methods*. *Russian Journal of Money and Finance*. 2025. Vol. 84. No. 3. P. 28–62. (In Russian). EDN: KURLWW.

9. Soylu, Ö.B. *Türkiye Ekonomisi için Stok Akım Tutarlılığı Modellemesi [Stock Flow Consistent Modelling for Turkish Economy]*. Doctoral Dissertation. Hacettepe University, Institute of Social Sciences, Department of Economics, 2017. 218 p. (In Turkish).

10. Minsky, H.P. *Stabilizing an Unstable Economy*. New Haven, CT: Yale University Press, 1986. XXXV, 384 p.

11. Bezemer, D.J. *Understanding Financial Crisis Through Accounting Models*. *Accounting, Organizations and Society*. 2010. Vol. 35. Iss. 7. P. 676–688. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2010.07.002>.

12. Godley, W., Lavoie, M. *Monetary Economics: An Integrated Approach to Credit, Money, Income, Production and Wealth*. London: Palgrave Macmillan, 2007. XLIII, 530 p. <https://doi.org/10.1057/9780230626546>.

13. Shiller, R.J. *Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events*. Princeton University Press. 2019. 400 p.
14. Guerrieri, V., Lorenzoni, G., Straub, L., Werning, I. Monetary Policy in Times of Structural Reallocation. *Working Paper No. 2021–111*. University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper 2021. 28 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3924566>.
15. Colloca, L., Grillon, C. Understanding Placebo and Nocebo Responses for Pain Management. *Current Pain and Headache Report*. 2014. Vol. 18. Iss. 6. Article number 419. <https://doi.org/10.1007/s11916-014-0419-2>.
16. Barsky, A.J., Saintfort, R., Rogers, M.P., Borus, J.F. Nonspecific Medication Side Effects and the Nocebo Phenomenon. *The Journal of the American Medical Association (JAMA)*. 2002. Vol. 287. No. 5. P. 622–627. <https://doi.org/10.1001/jama.287.5.622>.
17. Meijers, H., Muysken, J., Piccillo, G. Expectations and the Stability of Stock-Flow Consistent Models. *CESifo Working Papers*. 2023. No. 10696. Available at <https://www.ifo.de/en/cesifo/publications/2023/working-paper/expectations-and-stability-stock-flow-consistent-models> (accessed: 14.07.2025).
18. Hirschman, E.C., Holbrook, M.B. Hedonic Consumption: Emerging Concepts, Methods and Propositions. *Journal of Marketing*. 1982. Vol. 46. Iss. 3. P. 92–101. <https://doi.org/10.1177/002224298204600314>.
19. Holbrook, M.B. A Subjective Personal Introspective Essay on the Evolution of Business Schools, the Fate of Marketing Education, and Aspirations toward a Great Society. *Australasian Marketing Journal*. 2018. Vol. 26. Iss. 2. P. 70–78. <https://doi.org/10.1016/j.ausmj.2018.05.010>.
20. Lucas, R.E. Econometric Policy Evaluation: A Critique. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1976. Vol. 1. P. 19–46. [https://doi.org/10.1016/S0167-2231\(76\)80003-6](https://doi.org/10.1016/S0167-2231(76)80003-6).
21. Sargent, T.J., Wallace, N. “Rational” Expectations, the Optimal Monetary Instrument, and the Optimal Money Supply Rule. *Journal of Political Economy*. 1975. Vol. 83. No. 2. P. 241–254.
22. García-Schmidt, M., Woodford, M. Are Low Interest Rates Deflationary? A Paradox of Perfect-Foresight Analysis. *American Economic Review*. 2019. Vol. 109. No. 1. P. 86–120. <https://doi.org/10.1257/aer.20170110>.
23. Krugman, P.R. It’s Baaack: Japan’s Slump and the Return of the Liquidity Trap. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1998. No. 1. P. 137–205. <https://doi.org/10.2307/2534694>.
24. Colloca, L., Barsky, A.J. Placebo and Nocebo Effects. *The New England Journal of Medicine*. 2020. Vol. 382. No. 6. P. 554–561. <https://doi.org/10.1056/NEJMra1907805>.
25. Reinecke, L. The Use of Video and Computer Games to Recuperate from Stress and Strain. *Journal of Media Psychology*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 126–142. <https://doi.org/10.1027/1864-1105.21.3.126>.
26. Shiller, R.J. Narrative Economics. *American Economic Review*. 2017. Vol. 107. No. 4. P. 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>.
27. Gürkaynak, R.S., Sack, B., Swanson, E.T. Do Actions Speak Louder Than Words? The Response of Asset Prices to Monetary Policy Actions and Statements. *International Journal of Central Banking (IJCB)*. 2005. Vol. 1. Iss. 1. P. 55–93.
28. Schmeling, M., Wagner, Ch. Does Central Bank Tone Move Asset Prices? *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 2025. Vol. 60. Iss. 1. P. 36–67. <https://doi.org/10.1017/S0022109024000073>.
29. Svensson, L.E.O. Monetary Policy and Japan's Liquidity Trap. *Centre for European Policy Studies (CEPS)*. Working Paper No. 126. 2006. Available at <https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2017/01/126svensson.pdf> (accessed: 19.06.2025).
30. Woodford, M. *Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 808 p.
31. Asriyev, M., Miroshnichenko, D. Monetary Policy and Financial Stability. Research Paper. *The Central Bank of the Russian Federation*. Moscow: Bank of Russia, 2023. 61 p. Available at URL: https://www.cbr.ru/statichitml/file/149677/eng_research_policy_notes_b_5_1.pdf (accessed: 14.01.2026).
32. Sims, C.A. Macroeconomics and Reality. *Econometrica*. 1980. Vol. 48. No. 1. P. 1–48. <https://doi.org/10.2307/1912017>.

33. Newey, W.K., West, K.D. A Simple, Positive Semi-Definite, Heteroskedasticity and Autocorrelation Consistent Covariance Matrix. *Econometrica*. 1987. Vol. 55. No. 3. P. 703–708. <https://doi.org/10.2307/1913610>.
34. Jordà, Ò. Estimation and Inference of Impulse Responses by Local Projections. *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 1. P.161–182. <https://doi.org/10.1257/0002828053828518>.
35. Aydın, S. A Study on Differentiation of Hedonic Shopping in Respect of Gender, Income and Size of Settlement. *Suleyman Demirel University The Journal of Faculty of Economics and Administrative Sciences*. 2010. Vol. 15. No. 3. P. 435–452. (In Turkish). <https://izlik.org/JA97FN22XX>.

Сведения об авторах / Information about authors

Гок Омер – аспирант института бакалаврского образования кафедры делового администрирования; Университет Думлупинар.

E-mail: omer.gok1@ogr.dpu.edu.tr

ORCID: 0000-0003-1135-7470

Унал Сейфеттин – доктор наук, профессор факультета делового администрирования; Университет Думлупинар.

E-mail: seyfettin.unal@dpu.edu.tr

ORCID: 0000-0002-6248-4317

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Gok Omer – PhD student, Undergraduate education institute, Department of Business Administration; Dumlupinar University.

E-mail: omer.gok1@ogr.dpu.edu.tr

ORCID: 0000-0003-1135-7470

Unal Seyfettin – Doctor of Science, Professor, Department of Business Administration; Dumlupinar University.

E-mail: seyfettin.unal@dpu.edu.tr

ORCID: 0000-0002-6248-4317

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025.

Одобрена после рецензирования 28.12.2025.

Принята 04.01.2026.

Received 01.12.2025.

Approved after reviewing 28.12.2025.

Accepted 04.01.2026.

научная статья / research article

УДК: 328.18

EDN: [GKWHYV](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.4](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Влияние цифровых платформ на уровень гражданской активности: кейс Decide Madrid

Вовенда Алексей Викторович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 vovenda_av@spbstu.ru

Чернов Виталий Олегович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
chernov.vo@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. В статье дана характеристика цифровой платформы Decide Madrid как инструмента реализации принципов партисипативной и цифровой демократии на муниципальном уровне. Цель исследования – определить роль платформы в развитии гражданского участия и в формировании механизмов взаимодействия между населением и органами местной власти. Рассматриваются особенности цифровых форм вовлечения граждан в процессы принятия решений, а также барьеры, связанные с цифровым неравенством и уровнем доверия к электронным инструментам демократии.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования включает нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность Decide Madrid и открытые данные платформы. Методологическая основа включает системный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать платформу как элемент политической системы муниципального управления. Для анализа использовались методы статистической обработки данных о пользовательской активности.

Результаты. Проведенное исследование позволило выявить специфику и функциональные возможности платформы Decide Madrid в контексте выдвижения гражданских инициатив, проведения общественных консультаций и инициативного бюджетирования. Сделан вывод о двойственной роли платформы Decide Madrid в развитии гражданской активности. С одной стороны, её внедрение стало прямым ответом на требование общества обеспечить прозрачность и инклюзивность управления. Платформа институционализовала новые цифровые каналы взаимодействия между гражданами и муниципальной властью, предоставив инструменты для прямого участия в законодательных консультациях, предложении проектов и инициативном бюджетировании. С другой стороны, эффективность платформы Decide Madrid как инструмента партисипативной демократии остается ограниченной. На основе статистической обработки данных о пользовательской активности платформы был установлен стабильно низкий, но устойчивый уровень участия –

около 2–3 % взрослого населения города. Выявлены ключевые проблемы: высокий порог поддержки инициатив, длительность их реализации, отсутствие обратной связи авторам и низкая вовлеченность молодежи и лиц старше 65 лет.

Заключение. Платформа Decide Madrid сыграла значительную роль в институционализации новых форм взаимодействия власти и общества и способствовала общему росту гражданской активности в Мадриде. Публикация представляет интерес для экспертов и молодых учёных, изучающих принципы партициптивной и цифровой демократии, а также исследующих специфику современных процессов цифровизации и эффективного муниципального управления. Полученные данные позволяют выработать рекомендации по принятию цифровых решений для гражданского участия и развитию эффективных механизмов взаимодействия между населением и органами власти на федеральном и региональном уровнях в России. А также выявить перспективы внедрения подобных цифровых платформ для вовлечения граждан в процессы принятия решений на муниципальном уровне в регионах России в контексте современных трендов цифровизации.

Ключевые слова: цифровая демократия; партициптивная демократия; гражданское участие; цифровые платформы; муниципальное управление; партиципаторное бюджетирование; Decide Madrid

Для цитирования: Вовенда А.В., Чернов В.О. Влияние цифровых платформ на уровень гражданской активности: кейс Decide Madrid // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 76–89. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.4>. EDN: GKWHYV.

© Вовенда А.В., Чернов В.О., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Impact of Digital Platforms on Civic Engagement: The Case of Decide Madrid

Aleksei V. Vovenda

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 vovenda_av@spbstu.ru

Vitalii O. Chernov

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
chernov.vo@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. The article characterizes the Decide Madrid digital platform as a tool for implementing the principles of participatory and digital democracy at the municipal level. The purpose of the study is to determine the role of the platform in the development of civic participation and in the formation of mechanisms of interaction between the population and local authorities. The article examines the features of digital forms of citizen involvement in decision-making processes, as well as barriers related to digital inequality and the level of trust in electronic tools of democracy.

Materials and methods. The empirical base of the study includes legal acts regulating the activities of Decide Madrid and open data platforms. The methodological framework includes systemic and institutional approaches that make it possible to consider the platform as an element of the political system of municipal government. Methods of statistical processing of user activity data were used for the analysis.

Results. The conducted research allowed to identify the specifics and functionality of the Decide Madrid platform in promoting civic initiatives, public consultations and initiative budgeting. It was concluded that the Decide Madrid platform has a dual role in the development of civic activity. On the one hand, its implementation was a direct response to the demand of the society to ensure transparency and inclusivity of governance. The platform institutionalized new digital channels of

interaction between citizens and municipal authorities, providing tools for direct participation in legislative consultations, project proposals and initiative budgeting. On the other hand, the effectiveness of the Decide Madrid platform as a tool for participatory democracy remains limited. Based on statistical analysis of user activity on the platform, a consistently low but stable level of participation has been noted, amounting to approximately 2–3% of the adult population of the city. The following key problems have been identified: a high threshold for supporting initiatives, the duration of their implementation, the lack of feedback from authors, and the low involvement of young people and people over 65.

Conclusion. The article concludes that the Decide Madrid has played a significant role in the institutionalization of new forms of interaction between government and society and has contributed to the overall growth of civic engagement in Madrid. The publication is of interest to experts and young scientists studying the principles of participatory and digital democracy, as well as the specifics of modern digitalization processes and effective municipal management. The data obtained allow to develop recommendations for digital decision-making for civic participation and introducing effective mechanisms for interaction between the public and government bodies at the federal and regional levels in Russia. The findings also help to identify prospects for implementing similar digital platforms to engage citizens in decision making processes at the municipal level in the regions of Russian in the context of current digitalization trends.

Keywords: digital democracy; participatory democracy; civic engagement; digital platforms; municipal governance; participatory budgeting; Decide Madrid

For citation: Vovenda, A.V., Chernov, V.O. The Impact of Digital Platforms on Civic Engagement: The Case of Decide Madrid. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 76–89. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.4>. EDN: GKWHYV.

© Vovenda, A.V., Chernov, V.O., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В современную эпоху, характеризующуюся стремительной цифровизацией общества, традиционные модели взаимодействия между гражданами и государственными институтами претерпевают фундаментальные изменения. На фоне растущих требований к прозрачности функционирования структур местного управления, а также инклюзивности политических процессов, концепции гражданской вовлеченности и цифрового участия выходят на передний план политической и социальной повестки. Цифровые технологии предоставляют возможность преодолеть ограничения традиционных форм политического участия граждан, обеспечивая более прямую и постоянную коммуникацию между институтами власти и обществом. Тем не менее, их внедрение сопряжено с вызовами, такими как цифровое неравенство и недоверие граждан в вопросах эффективности платформ прямого участия и их реального влияния гражданских инициатив на принятие решений.

Одной из наиболее масштабных попыток практической реализации идеи цифрового участия стала платформа Decide Madrid (исп. Решай Мадрид), запущенная администрацией города Мадрид в 2015 г. Данная платформа представляет собой многофункциональный инструмент для прямого вовлечения горожан в процессы управления. К ее ключевым функциям относятся: предоставление жителям возможности вносить законодательные и прочие инициативы, организация обсуждений планируемых городских проектов, проведение общественных консультаций по вопросам новых законопроектов, публикация общественных

проектов по благоустройству города, а также предоставление возможности участвовать в формировании части городского бюджета, выделенного на реализацию гражданских проектов.

Платформа Decide Madrid широко признаётся в исследовательском и экспертном сообществе в качестве одного из наиболее показательных примеров концепции «демократии (участия) 2.0»¹. Её модель, основанная на использовании цифровых инструментов для расширения возможностей гражданского участия, делает данный кейс особенно релевантным для анализа процессов цифровой трансформации механизмов участия граждан в процессе принятия политических решений.

Целью предлагаемого исследования является комплексная оценка роли и значения платформы Decide Madrid как инструмента прямой демократии во взаимодействии между гражданским обществом и государственными структурами. Для достижения поставленной цели должны быть решены следующие задачи: анализ исторических и социально-политических предпосылок появления платформы Decide Madrid, характеристика функциональных возможностей платформы и механизмов её работы, оценка влияния внедрения Decide Madrid на уровень гражданской и политической активности жителей, выявление основных вызовов цифрового участия и рекомендаций по адаптации платформы и возможных направлений её дальнейшего развития. Вместе с тем отмечается и тот факт, что подобные платформы находятся только в процессе развития и становления, поэтому в настоящий момент не могут в полной мере реализовать свой потенциал [1;2].

В исследованиях, посвящённых платформе Decide Madrid, отмечается её роль в развитии партисипативных практик не только в г.Мадриде, но и в других городах Испании и странах Европы [3]. Несмотря на то, что некоторые жители испанской столицы ставят под сомнение эффективность Decide Madrid, в целом граждане и сотрудники администрации города, называют платформу необходимой, так как она способствует высокому уровню политического участия [4]. Другие авторы, включая Серхио Бачильер Рубиа, исследуют конкретные инструменты платформы и их развитие [5], что не учитывает значение системы для развития цифровой партисипативной демократии, однако делает акцент на её важности в политических процессах в органах государственной власти Мадрида.

Вместе с тем, научные работы обращают внимание на вызовы цифровой демократии включая проблему цифрового разрыва, а также упоминают риск превращения института «электронной демократии» в институт «цифрового авторитаризма», если интересы государства и общества не будут гармонизированы [6].

Таким образом, несмотря на значительное количество исследований, посвящённых вопросам цифровой демократии, практические аспекты функционирования конкретных платформ, таких как Decide Madrid, требуют более глубокого комплексного анализа. Научная новизна предлагаемого исследования заключается в попытке системного рассмотрения влияния Decide Madrid на уровень гражданской вовлечённости, а также в выявлении факторов, способствующих или

¹ Razaityte, V. Cyber democracy in Madrid: Participation moves online? 03.12.2015 // Cafébabel: [сайт]. URL: <https://cafebabel.com/en/article/cyber-democracy-in-madrid-participation-moves-online-5ae00a69f723b35a145e6497/index.html> (дата обращения: 07.11.2025).

препятствующих развитию цифровых форм участия. Результаты исследования могут способствовать более полному пониманию процессов цифровой трансформации политического участия и служить основой для разработки эффективных моделей взаимодействия граждан и органов власти в условиях цифрового общества.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база исследования включает научные публикации российских и зарубежных авторов о цифровой демократии и о Decide Madrid; нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность платформы, её открытые данные (информация о выполненных проектах и о других сервисах платформы): Органический закон от 28.12.2004 г.², Закон 57/2003 о мерах по модернизации местного самоуправления от 16.12.2003 г.³, Закон 40/2015 о правовом режиме государственного сектора от 01.10.2015 г.⁴ и др.

Методологическую базу составляют принципы системного и институционального подходов, позволившие рассматривать данную цифровую платформу как элемент политической системы, влияющий на динамику взаимодействия гражданского общества и органов власти. В исследовании применяется статистический анализ данных о количестве пользователей и посещениях сайта и предлагаемых инициативах, что позволяет сделать вывод о динамике гражданской активности и уровне вовлеченности.

Результаты и обсуждение

В Королевстве Испания возможность прямого участия граждан в государственных делах и подачи индивидуальных или коллективных петиций закреплена в Конституции 1978 г. (статьи 23 и 29)⁵. Закон 57/2003 о мерах по модернизации местного самоуправления от 16 декабря 2003 года ввел специальные процедуры, использующие информационные технологии, для содействия эффективному гражданскому участию в решении вопросов местной общественной жизни⁶.

В г. Мадриде эта сфера регулируется Органическим законом, утвержденным в 2004 г. с последующими изменениями и дополнениями. Этот документ устанавливает

² Reglamento Orgánico del Gobierno y de la Administración del Ayuntamiento de Madrid, de 31 de mayo de 2004. // Sede electrónica del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://sede.madrid.es/portal/site/tramites/menuitem.5dd4485239c96e10f7a72106a8a409a0/?vgnextoid=c d217b3cb0e4f010VgnVCM1000009b25680aRCRD&vgnextfnt=default&vgnnextchannel=6b3d814231ed e410VgnVCM1000000b205a0aRCRD> (дата обращения: 07.11.2025).

³ Ley 57/2003, de 16 de diciembre, de medidas para la modernización del gobierno local // «BOE» núm. 301, de 17/12/2003: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2003-23103> (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ Ley 40/2015, de 1 de octubre, de Régimen Jurídico del Sector Público // «BOE» núm. 236, de 02/10/2015: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-10566> (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ Constitución Española // «BOE» núm. 311, de 29 de diciembre de 1978, páginas 29313 a 29424 (112 págs.): [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1978-31229> (дата обращения: 07.11.2025).

⁶ Ley 57/2003, de 16 de diciembre, de medidas para la modernización del gobierno local // «BOE» núm. 301, de 17/12/2003: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2003-23103> (дата обращения: 07.11.2025).

право граждан, организаций и коллективов на участие в местном самоуправлении. В отношении отдельных граждан это право включает в себя возможность получать и распространять информацию, связанную с деятельностью местных органов власти, посещать общественные консультации и публичные слушания, участвовать в разработке государственной политики, а также подавать петиции и предложения. Однако в законе не упоминается использование цифровых технологий⁷.

Закон 40/2015 о правовом режиме государственного сектора от 1 октября 2015 г. ввел требование к органам местного самоуправления проводить онлайн-консультации с общественностью.⁸ Использование гражданами Мадрида информационно-коммуникационных технологий превышает средний показатель по стране. Данные за 2017 г. показывают, что 91,7% домохозяйств города имеют широкополосное подключение к Интернету. Мадрид также имеет многолетний опыт создания местных ассоциаций, которые сотрудничают с муниципалитетом в совместном предоставлении государственных услуг [7]. Всё это сделало возможным учреждение цифровой системы для организации взаимодействия граждан с органами местного самоуправления.

На создание платформы Decide Madrid оказало влияние целый ряд факторов. Так, последствия мирового финансового кризиса 2008 г. и случаи коррупции в политических кругах снизили доверие граждан к власти на всех уровнях. Это привело к протестам, наиболее ярким примером из которых является движение «15-М», возникшее в 2011 г. Специалисты отмечают, что протесты проводились в первую очередь против сокращений и мер жесткой экономии, предпринимаемых государством, а также против неспособности политической системы справиться с проблемой растущего неравенства.⁹ Движение было организовано преимущественно в цифровой среде с использованием социальных сетей и сайта «Democracia Real Ya!» (исп. Настоящая демократия сейчас!). Более 200 организаций оказали поддержку «15-М» [4]. Одним из требований движения было совершенствование демократических процедур. Под его влиянием появились новые политические партии, самой популярной из которых стала «Podemos» (исп. Можем) [8].

Вследствие мер, предпринятых государственными структурами после протестов «15-М», была создана платформа Decide Madrid, которая позволила сделать административные процессы прозрачнее и доступнее для жителей, что удовлетворяло требованиям протестующих и способствовало решению кризисной ситуации, с которой столкнулось испанское общество.

Ограничения, вызванные эпидемией COVID-19, продемонстрировали значимость и необходимость цифровых каналов связи между гражданами и органами

⁷ Reglamento Orgánico del Gobierno y de la Administración del Ayuntamiento de Madrid, de 31 de mayo de 2004. // Sede electrónica del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://sede.madrid.es/portal/site/tramites/menuitem.5dd4485239c96e10f7a72106a8a409a0/?vgnextoid=c2d17b3cb0e4f010VgnVCM1000009b25680aRCRD&vgnextfmt=default&vgnnextchannel=6b3d814231ed410VgnVCM1000000b205a0aRCRD> (дата обращения: 07.11.2025).

⁸ Ley 40/2015, de 1 de octubre, de Régimen Jurídico del Sector Público // «BOE» núm. 236, de 02/10/2015: [сайт]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-10566> (дата обращения: 07.11.2025).

⁹ 15-M: how Spain's 'outraged' movement spawned political change // El País: [сайт]. URL: <https://english.elpais.com/society/2022-05-02/15-m-how-spains-outraged-movement-spawned-political-change.html> (дата обращения: 07.11.2025).

местного самоуправления, что в очередной раз подтвердило важность функционирования платформы Decide Madrid. Значительное число активных граждан используют цифровые сервисы наряду с инструментами оффлайн-коммуникации на постоянной основе, участвуя в политической жизни города и страны.

Decide Madrid была запущена в сентябре 2015 г. Её цель – «поощрять участие граждан в управлении городом, вовлекая их в разработку инновационных и жизнеспособных идей и предложений, направленных на улучшение качества жизни... создать прямые каналы связи с муниципальными властями, способствуя принятию оптимальных решений в интересах общества»¹⁰.

Платформа функционирует только в пределах города Мадрид и содержит 4 раздела:

1. Гражданские предложения и обсуждения. В этом разделе жители города могут предлагать проекты по благоустройству города, которые доступны для изучения всем посетителям сайта. Если проект набирает достаточное количество положительных оценок (1% жителей Мадрида старше 16 лет, т.е. 28413 голосов), он выносится на голосование, по результатам которого предложение либо будет изучено представителями администрации города, либо отклонено. Каждое предложение помимо секции с комментариями имеет кнопки «выражаю согласие с идеей» и «выражаю несогласие с идеей» [9].

2. Общественные консультации. Администрация Мадрида периодически организует общественные консультации по вопросам принятия нового законодательства или внесения поправок в уже существующие нормативно-правовые акты города. Все зарегистрированные пользователи могут получить информацию о предстоящих консультациях и посетить их в онлайн-формате посредством Decide Madrid.

3. Инициативное бюджетирование. Этот раздел посвящен одобренным проектам, предложенным в первом разделе. На странице посетители сайта могут ознакомиться со списком общественных инициатив, которые будут реализованы, а также информацию о выделенном на них бюджете и количестве голосов за и против их реализации.

4. Инновационные инициативы. Это новостной раздел, на котором размещается информация о новых программах, в которых могут участвовать жители Мадрида.

Сайт открыт для всех пользователей без необходимости регистрации. Неавторизованные пользователи имеют доступ к просмотру информации во всех разделах платформы. Расширенный функционал сайта, включающий возможность выдвигать предложения, участвовать в обсуждениях и оставлять комментарии, предоставляется исключительно зарегистрированным пользователям. Регистрацию могут пройти физические и юридические лица, а также общественные объединения при условии подтверждения учётной записи. Подтвердить свою учётную запись могут жители Мадрида старше 16 лет, имеющие доступ к интернету, адрес электронной почты и номер телефона. Кроме того, проживающие в Мадриде пользователи могут воспользоваться всеми формами взаимодействия с платформой лично в одном из 26 офисов обслуживания горожан при содействии обученного персонала¹¹.

¹⁰ Condiciones de uso // Decide Madrid: portal de participación ciudadana del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/condiciones-de-uso> (дата обращения: 07.11.2025).

¹¹ Centro de ayuda de Decide Madrid // Decide Madrid: portal de participación ciudadana del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/mas-informacion> (дата обращения: 07.11.2025).

Функционирование платформы осуществляется при поддержке высших должностных лиц мэрии Мадрида. Так, в продвижении Decide Madrid участвуют сотрудники отдела коммуникаций департамента гражданского участия, а стабильность её работы обеспечивается постоянным совершенствованием программного обеспечения Consul, на базе которого она построена. Помимо этого, платформа финансируется из бюджета городского совета, что обеспечивает её финансовую стабильность.

Для привлечения жителей Мадрида к участию в деятельности платформы, администрация сайта раскрывает подробную статистику по каждому проведённому мероприятию, включая данные о количестве голосов и обобщённую характеристику голосовавших, а также сведения об этапах реализации всех одобренных проектов. Кроме того, муниципальные власти ведут внутреннюю статистику об активности на сайте, чтобы принимать соответствующие шаги по дальнейшему развитию платформы [9]. Так, основная стратегия вовлечения граждан состоит в обеспечении прозрачности деятельности Decide Madrid и внедрении механизмов партисипативной демократии на платформе.

После рассмотрения функционала Decide Madrid и особенностей участия граждан представляется важным проанализировать её влияние на уровень гражданской активности. Для начала рассмотрим динамику участия граждан в работе платформы. На основе информации, предоставленной порталом данных мэрии Мадрида¹², был составлен следующий график:

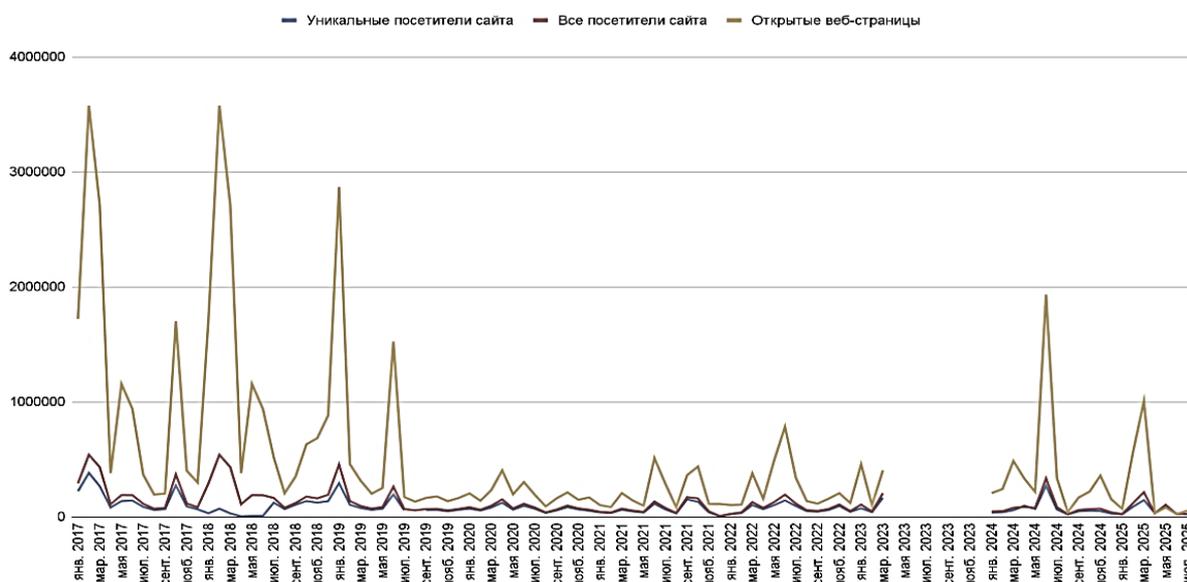

Рис. 1. Взаимодействие с сайтом decide.madrid.es. Составлено авторами по: [Decide Madrid: сайт]. URL: <https://decide.madrid.es> (дата обращения: 07.11.2025)].

Fig. 1. Interaction with the decide.madrid.es website. Compiled by authors at: [Decide Madrid: website]. URL: <https://decide.madrid.es> (date of request: 07.11.2025)].

¹² Datos de uso de portales madrid.es // Portal de datos abiertos del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://datos.madrid.es/portal/site/egob/menuitem.c05c1f754a33a9fbe4b2e4b284f1a5a0/?vgnextoid=a6b68d4432e9e510VgnVCM1000001d4a900aRCRD&vgnextchannel=374512b9ace9f310VgnVCM100000171f5a0aRCRD&vgnextfmt=default> (дата обращения: 07.11.2025).

Несмотря на то, что отсутствуют данные в период с апреля по декабрь 2023 года, когда проводились технические работы на платформе, общий тренд прослеживается: начиная с августа 2019 года, посещаемость сайта стабильно низкая, за исключением нескольких всплесков открытия сайта, связанных, вероятно со стартом первичного голосования за гражданские проекты в июне 2024 г. и началом итого решения о выполнении этих инициатив в марте 2025 г. В то же время, среднее количество пользователей остаётся стабильным и составляет около 2–3% жителей Мадрида старше 16 лет в месяц.

Стоит также обратить внимание на общее количество зарегистрированных пользователей с учетной записью – порядка 7% жителей города [10]. Можно сделать вывод, что платформа не пользуется популярностью у граждан, однако некоторая часть населения активно участвует в формировании инициативного бюджета.

Функциональные разделы платформы Decide Madrid можно обобщить в три ключевых направления работы, отражающие основные формы гражданского участия: общественные консультации, выдвижение инициатив и инициативное бюджетирование.

Во-первых, правительство Мадрида проводит длительные общественные консультации по вопросам изменения действующего законодательства города. За первое полугодие 2025 года было организовано 3 консультации по поводу следующих инициатив: введение нового указа о сосуществовании в городе Мадрид (03.02.2025 – 04.03.2025 г.), внедрение Службы регулируемой парковки в районе Софио округа Усера (03.03.2025 – 17.03.2025 г.) и такой же проект в районе Вальдесарса округа Монклоа-Аравака (12.05.2025 – 03.06.2025 г.).

По результатам каждой консультации правительство готовит подробный отчёт, содержащий данные о проекте, принимающих участие в опросе горожанам и результатах мероприятия. Так, первое голосование проводилось среди населения всего города, и 6301 человек проголосовал в опросе, что составляет 0,2% населения и 2,68% пользователей Decide Madrid с подтверждённой учётной записью. Это значение, однако, на 256,59% превысило количество голосующих по сравнению с предыдущим подобным проектом¹³. Что касается двух других консультаций, количество принимающих в них участие жителей и их доля от общего количества пользователей, которым было доступно голосование, составило 1483 человека, 14,86% пользователей¹⁴ и 799 человек, 7,69% пользователей¹⁵, соответственно. Тем не менее,

¹³ Informe de participación del proceso “Nueva ordenanza de Convivencia de la ciudad de Madrid” // Dirección General de Participación Ciudadana: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/system/documents/attachments/000/017/560/original/3779c5bafc46109e4b9f57fbeeef680b5224c302.pdf?1743073935> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁴ Informe de participación del proceso “Audiencia Pública Simplificada sobre la implementación del Servicio de Estacionamiento Regulado (SER) en el barrio de Zofio del Distrito de Usera” // Dirección General de Participación Ciudadana: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/system/documents/attachments/000/017/568/original/3779c5bafc46109e4b9f57fbeeef680b5224c302.pdf?1743596349> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁵ Informe de participación del proceso “Audiencia Pública Simplificada sobre la implementación del Servicio de Estacionamiento Regulado (SER) en el barrio de Valdezarza del Distrito de Moncloa-Aravaca” // Dirección General de Participación Ciudadana: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/system/documents/attachments/000/017/971/original/3779c5bafc46109e4b9f57fbeeef680b5224c302.pdf?1749466264> (дата обращения: 07.11.2025).

после проведения трёх консультаций и получения одобрения общественности, правительство Мадрида установило зоны Службы регулируемой парковки и продолжило разработку нового указа о сосуществовании.

Во-вторых, горожане предлагают проекты по благоустройству города на платформе Decide Madrid. За первое полугодие 2025 г. на сайте было создано 768 предложения. Из общего количества проектов меньше 5% из них получают больше 10 голосов¹⁶, но некоторые общественные инициативы всё же получают требуемую поддержку и выносятся на всеобщее голосование.

В-третьих, на сайте Decide Madrid жители Мадрида участвуют в инициативном бюджетировании. В 2024–2025 годах сумма, выделенная на все проекты, составила 50 млн евро, распределённые между 123 прошедшими этап голосования предложениями: 15 млн евро предназначены для общегородских инициатив (23 проекта) и ещё 35 млн евро – для инициатив по округам города (100 проектов). Самыми дорогими предложениями стали проект по организации детских зон с качелями в каждом округе (3 млн евро), инициатива по улучшению спортивного комплекса Полид Паломерас в округе Пуэнте-де-Вальекас (2,45 млн евро) и предложение принять меры по поддержанию города в чистоте (2,2 млн евро). Примечательно, что в этих опросах уровень вовлечённости приблизительно такой же, как во всех формах взаимодействия с платформой Decide Madrid, перечисленных выше. Так, за или против выполнения перечисленных проектов отдали свой голос 707, 719 и 1292 человек, соответственно, а самый популярный проект получил 2479 оценок¹⁷. Необходимо принимать во внимание, что некоторые узконаправленные проекты не пользуются широкой поддержкой: проект по озеленению всего города имеет отношение ко всем жителям, в то время как перестройка спортивного центра интересует более узкую аудиторию.

В совокупности представленные данные демонстрируют определённую устойчивость уровня участия граждан в политических процессах Мадрида, но в то же время видна ограниченность масштабов вовлечения горожан в механизмы партисипативной демократии.

Несмотря на заметные успехи в развитии гражданского участия, работа платформы Decide Madrid остаётся сопряжённой с рядом проблем и ограничений. Важным вызовом является снижение заинтересованности в создании проектов на платформе. Это может быть связано с порогом необходимых голосов участников. Люди могут отказаться предлагать свои инициативы, если считают, что порог поддержки слишком высок для достижения.

Длительный процесс рассмотрения проектов также негативно сказывается на мотивации жителей выдвигать свои проекты: как было упомянуто выше, проекты, победившие в марте 2025 г., были опубликованы в феврале 2024 г., а их реализация потребует ещё некоторое время. Сложности связаны и с отсутствием обратной связи. Так как представителям городских органов управления запрещено комментировать предложения, авторы некоторых проектов не могут быть уведомлены, что их инициативы невозможно реализовать по тем или иным причинам: например, они

¹⁶ Propuestas e iniciativas ciudadanas // Decide Madrid: portal de participación ciudadana del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/proposals> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁷ Presupuestos participativos // Decide Madrid: portal de participación ciudadana del Ayuntamiento de Madrid: [сайт]. URL: <https://decide.madrid.es/presupuestos> (дата обращения: 07.11.2025).

находятся за пределами юрисдикции города или дублируют уже существующие предложения¹⁸.

Ещё одна проблема – низкая активность на платформе среди молодёжи и пользователей старше 65 лет. В рамках исследования под молодёжью понимаются лица в возрасте до 30 лет, что соответствует возрастной классификации, используемой в ряде исследований по цифровому участию. Лица старше 65 лет выделяются в отдельную возрастную категорию в соответствии с общеевропейской практикой демографического анализа. С одной стороны, среди зарегистрированных пользователей менее 1% сообщают, что им меньше 19 лет, и менее 6% – что им меньше 30 лет.

Одной из возможных причин низкого уровня участия молодёжи является то, что стратегии коммуникации и информирования города не были сосредоточены на создании языка и способов общения, ориентированных на детей и подростков. Молодые люди могут воспринимать платформу как чрезмерно бюрократическую. Другая возможная причина – молодёжь может быть не осведомлена, как пользоваться сервисами платформы, из-за чего возникает ощущение сложности и необходимости вкладывать значительные временные ресурсы. В результате молодые люди могут не знать о возможности участвовать в процессах Decide Madrid или не иметь желания делать это.

С другой стороны, примерно 18% зарегистрированных пользователей сообщают, что они старше 65 лет. Среди пользователей, подавших предложения, только 12,2% находятся в этой возрастной группе. Одна из ключевых причин этому заключается в «цифровом неравенстве» (отсутствии у пожилых людей цифровых навыков или доступа к технологиям, необходимых для онлайн-активности), а также отсутствие мотивации к участию в процессах, предполагающих активные действия [11].

Учитывая перечисленные вызовы, можно сказать, что эффективность платформы Decide Madrid во многом определяется не только её функционалом, но и тем, насколько успешно преодолеваются барьеры, ограничивающие вовлечение различных групп граждан. Решение этих проблем требует не столько технического совершенствования платформы, сколько формирования устойчивых практик взаимодействия между гражданами и органами власти, обеспечивающих доверие к цифровым инструментам участия.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить специфику и функциональные возможности платформы Decide Madrid в контексте выдвижения гражданских инициатив, проведения общественных консультаций и инициативного бюджетирования.

Комплексная оценка роли и значения платформы Decide Madrid как инструмента прямой демократии во взаимодействии между гражданским обществом и государственными структурами в рамках данного исследования выявила ее двойственный характер. С одной стороны, её внедрение стало прямым ответом на требование общества обеспечить прозрачность и инклюзивность управления и решения

¹⁸ Decide Madrid: Madrid's Direct Democracy Experiment // The GovLab: [сайт]. URL: <https://congress.crowd.law/case-decide-madrid.html> (дата обращения: 07.11.2025).

важнейших вопросов на муниципальном уровне. Так платформа институционализировала новые цифровые каналы взаимодействия между гражданами и муниципальной властью, предоставив инструменты для прямого участия в законодательных консультациях, предложении проектов и инициативном бюджетировании. Это способствовало формированию более открытой системы управления и стало одним из факторов роста общего уровня гражданского участия в Мадриде.

С другой стороны, характеристика функциональных возможностей платформы Decide Madrid позволила сделать вывод, что ее эффективность как инструмента партисипативной демократии остается ограниченной. Эмпирические данные свидетельствуют о низких показателях вовлеченности: только 7% жителей города зарегистрированы на платформе, а в конкретных голосованиях и консультациях участвуют доли процента от общего населения.

Платформа столкнулась с рядом системных вызовов цифрового участия, включая высокий порог поддержки для гражданских инициатив, длительные сроки реализации проектов, отсутствие оперативной обратной связи авторам предложений, а также низкую вовлеченность некоторых демографических групп, что усугубляется проблемой цифрового неравенства и снижает эффективность влияния платформы Decide Madrid на уровень гражданской и политической активности жителей,

Таким образом, в качестве рекомендаций по адаптации платформы и возможным направлениям её развития, представляется актуальной трансформация Decide Madrid из статичной платформы для голосования в динамичную экосистему со-управления, которая учитывает разные уровни вовлеченности, возрастные особенности и предоставляет непрерывную обратную связь на всех этапах. Такой подход способен не только повысить вовлечённость отдельных групп пользователей, но и укрепить общий уровень гражданской активности, демонстрируя, каким образом цифровые платформы могут реально способствовать развитию партисипативной демократии в городе.

Будущее платформы и подобных ей инструментов видится не в технических усовершенствованиях, а в преодолении существующих барьеров через адаптацию коммуникационных стратегий для разных возрастов, повышение прозрачности и скорости обратной связи, а также выстраивании устойчивых практик доверия между гражданами и властью.

Опыт внедрения и развития Decide Madrid позволяет разработать рекомендации по принятию цифровых решений для гражданского участия и развитию эффективных механизмов взаимодействия между населением и органами власти на муниципальном уровне в других странах. Для России внедрение подобных цифровых платформ для вовлечения граждан в процессы принятия решений на муниципальном уровне в регионах страны представляется особенно актуальным в контексте современных трендов цифровизации [12], т.к. существующие цифровые проекты успешно развиваются преимущественно на федеральном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стародубова О.Е. Роль цифровых платформ в государственном управлении // Юридические исследования. 2024. № 12. С. 13–27. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.12.72604>. EDN: VDHCRH.
2. Гаврилова Ю.В., Ильин Н.С. К вопросу о важности цифровизации демократии: анализ зарубежного опыта // Образование и право. 2021. № 12. С. 97–101. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-12-97-101>. EDN: GIHWTP.

3. Черкасов А.И. Цифровая платформа Decide Madrid как средство прямой и партисипативной демократии // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 6. С. 44–48. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-6-44-48>. EDN: **VBJZND**.
4. Pina, V., Torres, L., Royo, S., Garcia-Rayado, J. Decide Madrid: A Case Study on E-Participation // XX Congreso Internacional AECA, 2019. 24 p. [эл. доступ]. URL: <https://xxcongreso.aeca.es/wp-content/uploads/2019/09/30f.pdf> (дата обращения: 07.11.2025).
5. Bachiller Rubia, S. Análisis y Estudio de la Participación Ciudadana en la Plataforma Decide Madrid. Trabajo fin de máster en Investigación e Innovación en Inteligencia Computacional y Sistemas Interactivos. Universidad Autónoma de Madrid, 2020. 53 p.
6. Власова О.Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // Studia Humanitatis. 2020. № 3. 24 с. <https://doi.org/10.24411/2308-8079-2020-00012>. EDN: **PAIANQ**.
7. Royo, S., Pina, V., Garcia-Rayado, J. Decide Madrid: A Critical Analysis of an Award-Winning E-Participation Initiative // Sustainability. 2020. Vol. 12. No. 4. Art. 1674. <https://doi.org/10.3390/su12041674>. EDN: **CHKGSW**.
8. Pina, V., Torres, L., Royo, S., Garcia-Rayado, J. Decide Madrid: A Spanish Best Practice on E-Participation // Engaging Citizens in Policy Making. 2022. P. 152–165. <https://doi.org/10.4337/9781800374362.00018>.
9. Royo, S., Bellò, B., Torres, L., Downe, J. The Success of E-Participation. Learning Lessons from Decide Madrid and We Asked, you Said, We did in Scotland // Policy & Internet. 2024. Vol. 16. Iss. 1. P. 65–82. <https://doi.org/10.1002/poi3.363>. EDN: **WKPMGD**.
10. Saulière, S., Díez Escudero, R., Abellán, A. Análisis digital de Decide Madrid: Usuarios, temáticas y estrategias para el fortalecimiento de comunidades y de propuestas. Madrid: MediaLab-Matadero, 2017. 45 p.
11. Noveck, B.S., Gambrell, D., Gomez Palacios, V., Ibru, A. Expanding and Strengthening Engagement on Decide Madrid: A Data-Driven Evaluation. The GovLab, 2022. 67 p. [эл. доступ]. URL: <https://files.thegovlab.org/madrid-report-english.pdf> (дата обращения: 07.11.2025).
12. Болгов Р.В., Чугунов А.В., Филатова О.Г. Цифровое государство в глобальной перспективе: новые возможности и тенденции изучения // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 199–206. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.3.12>. EDN: **GNDWEU**.

REFERENCES

1. Starodubova, O.E. The Role of Digital Platforms in Public Administration. *Legal Studies*. 2024. No. 12. P. 13–27. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.12.72604>. EDN: **VDHCRH**.
2. Gavrilova, Yu.V., Il'in, N.S. On the Issue of the Importance of Democracy Digitalisation: Analysis of Foreign Experience. *Education and Law*. 2021. No. 12. P. 97–101. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-12-97-101>. EDN: **GIHWTP**.
3. Cherkasov, A.I. The Decide Madrid Digital Platform as a Means of Direct and Participatory Democracy. *State Power and Local Self-Government*. 2025. No. 06. P. 44–48. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-6-44-48>. EDN: **VBJZND**.
4. Pina, V., Torres, L., Royo, S., Garcia-Rayado, J. Decide Madrid: A Case Study on E-Participation. *XX Congreso Internacional AECA*, 2019. 24 p. Available at <https://xxcongreso.aeca.es/wp-content/uploads/2019/09/30f.pdf>. (accessed: 07.11.2025).
5. Bachiller Rubia, S. Análisis y Estudio de la Participación Ciudadana en la Plataforma Decide Madrid [Analysis and Study of Citizen Participation in the Decide Madrid Platform]. Master's thesis in Research and Innovation in Computational Intelligence and Interactive Systems. Autonomous University of Madrid, 2020. 53 p. (In Spanish).
6. Vlasova, O.Yu. Digital Authoritarianism and E-Democracy: Content and Limitations of Concepts. *Studia Humanitatis*. 2020. No. 3. 24 p. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2308-8079-2020-00012>. EDN: **PAIANQ**.
7. Royo, S., Pina, V., Garcia-Rayado, J. Decide Madrid: A Critical Analysis of an Award-Winning E-Participation Initiative. *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 4. Art. 1674. <https://doi.org/10.3390/su12041674>. EDN: **CHKGSW**.

8. Pina, V., Torres, L., Royo, S., Garcia-Rayado, J. Decide Madrid: A Spanish Best Practice on E-Participation. *Engaging Citizens in Policy Making*. 2022. P. 152–165. <https://doi.org/10.4337/9781800374362.00018>.
9. Royo, S., Bellò, B., Torres, L., Downe, J. The Success of E-Participation. Learning Lessons from Decide Madrid and We Asked, you Said, We did in Scotland. *Policy & Internet*. 2024. Vol. 16. Iss. 1. P. 65–82. <https://doi.org/10.1002/poi3.363>. EDN: **WKPMGD**.
10. Saulière, S., Díez Escudero, R., Abellán, A. Análisis digital de Decide Madrid: Usuarios, temáticas y estrategias para el fortalecimiento de comunidades y de propuestas [Digital Analysis of Decide Madrid: Users, Themes and Strategies for Strengthening Communities and Proposals]. Madrid: MediaLab-Matadero, 2017. 45 p. (In Spanish).
11. Noveck, B.S., Gambrell, D., Gomez Palacios, V., Ibru, A. Expanding and Strengthening Engagement on Decide Madrid: A Data-Driven Evaluation. The GovLab, 2022. 67 p. Available at <https://files.thegovlab.org/madrid-report-english.pdf> (accessed: 07.11.2025).
12. Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Filatova, O.G. Digital State in a Global Perspective: New Opportunities and Trends of Research (Review of the Symposium, St. Petersburg, June 23–25, 2025). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 199–206. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.3.12>. EDN: **GNDWEU**.

Сведения об авторах / Information about authors

Вовенда Алексей Викторович – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: vovenda_av@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-9511-8655

Чернов Виталий Олегович – студент бакалавриата, Высшая школа международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: chernov.vo@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0008-5491-3557

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Vovenda Aleksei V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: vovenda_av@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-9511-8655

Chernov Vitalii O. – Bachelor Student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: chernov.vo@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0008-5491-3557

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025.

Одобрена после рецензирования 12.01.2026.

Принята 14.01.2026.

Received 09.12.2025.

Approved after reviewing 12.01.2026.

Accepted 14.01.2026.

научная статья / research article

УДК: 327+369.032

EDN: [MENGAO](#)

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.1.5

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

«Пиратские партии» как ответ на государственное регулирование в цифровом пространстве

Болдырева Елена Леонардовна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ boldyreva_el@spbstu.ru

Нельга Анна Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
nelga.aa@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. С началом 2010-х годов государственное управление стало претерпевать значительные трансформации, обусловленные внедрением и развитием цифровых технологий, а также активным распространением электронного правительства. Интернет стал неотъемлемой частью жизни миллионов людей, предоставляя гражданам уникальные возможности для участия в обсуждении общественно значимых вопросов, подачи петиций и получения государственных услуг онлайн. Актуальность темы определяется возрастающей ролью Интернета как средства двусторонней коммуникации граждан с государством, трансформацией традиционных политических институтов и появлением нового типа политических объединений – Интернет-партий. Цель исследования – выявить особенности функционирования и влияние Интернет-партий на политическую жизнь, а также их роль в формировании демократичного цифрового пространства.

Материалы и методы. В качестве информационной базы использованы научные публикации, законодательные документы, аналитические отчёты и примеры деятельности Интернет-партий, в частности «пиратских». Методологически исследование опирается на компаративный анализ, системный подход и дискурс-анализ, что позволяет изучить механизмы вовлечения граждан в цифровую политическую деятельность и оценить преимущества и вызовы новых политических форматов.

Результаты. В исследовании рассмотрены ключевые достоинства интернет-партий, включая их высокую доступность, удобство вовлечения в политический процесс, опции анонимного выражения взглядов, минимизацию государственного давления и обеспечение политической автономии. Особое внимание уделено «Пиратским партиям» как типичному примеру инновационных форматов политической мобилизации в цифровой среде. Выявлены фундаментальные факторы, определяющие динамику электоральной поддержки таких формирований. Полученные выводы свидетельствуют о том, что интернет-партии вводят новаторские механизмы гражданского участия в общественной политике, способствуя созданию более прозрачного и демократизированного цифрового публичного пространства.

Кроме того, проанализированы перспективы эволюции подобных партий и их потенциал в расширении гражданского участия и усилении подотчётности государственных институтов.

Заключение. Развитие Интернет-партий способствует трансформации традиционного политического ландшафта и созданию инновационных форм взаимодействия между гражданами и государством в цифровую эпоху, что, несомненно, важно и для современных российских реалий. Полученные данные могут быть полезны для политологов, специалистов в области цифровой политики и государственного управления.

Ключевые слова: «Пиратские партии»; государственное управление; Исландия; Чехия; Интернет

Для цитирования: Болдырева Е.Л., Нельга А.А. «Пиратские партии» как ответ на государственное регулирование в цифровом пространстве // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 90–101. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.5>. EDN: MENGAO.

© Болдырева Е.Л., Нельга А.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

“Pirate Parties” as a Response to State Regulation in the Digital Area

Elena L. Boldyreva

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 boldyreva_el@spbstu.ru

Anna A. Nelga
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
nelga.aa@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. Since the early 2010s, public administration has undergone significant transformations driven by the introduction and development of digital technologies and the rapid expansion of e-government. The internet has become an integral part of the lives of millions of people, providing citizens with unique opportunities to participate in discussions of public issues, submit petitions, and access government services online. The relevance of this topic is determined by the growing role of the internet as a means of two-way communication between citizens and the government, the transformation of traditional political institutions, and the emergence of a new type of political association – internet parties. The aim of this study is to identify the functioning and influence of internet parties on political life, as well as their role in shaping a democratic digital space.

Materials and Methods. The information base includes scientific publications, legislative documents, analytical reports, and examples of internet party activity, particularly “pirate” ones. Methodologically, the study relies on comparative analysis, a systems approach, and discourse analysis, enabling the study of mechanisms for citizen engagement in digital political activity and an assessment of the benefits and challenges of new political formats.

Results. The study examines the principal advantages of Internet parties, encompassing their high accessibility, ease of engagement in the political process, options for anonymous expression of opinions, reduction of state pressure, and assurance of political autonomy. Particular emphasis is placed on Pirate Parties as a paradigmatic example of innovative formats for political mobilization within the digital environment. Fundamental factors shaping the dynamics of electoral support for such entities have been identified. The findings indicate that Internet parties introduce pioneering mechanisms of civic engagement in public policy, thereby fostering a more transparent and democratized digital public sphere. Furthermore, the evolutionary prospects of these parties are explored, along with their potential to expand civic participation and enhance the accountability of state institutions.

Conclusion. The development of online parties is contributing to the transformation of the traditional political landscape and the creation of innovative forms of interaction between citizens and the

state in the digital age, which is undoubtedly important for contemporary Russian realities. The findings may be useful for political scientists, specialists in digital policy, and public administration.

Keywords: Pirate parties; public administration; Iceland; Czech Republic; Internet

For citation: Boldyreva, E.L., Nelga, A.A. "Pirate Parties" as a Response to State Regulation in the Digital Area. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 90–101. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.5>. EDN: MENGAO.

© Boldyreva, E.L., Nelga, A.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Политические трансформации в современных демократических системах требуют глубокого анализа динамики партийных систем и избирательных процессов. В последние годы особое внимание уделяется влиянию новых партий, таких как «Пиратские партии», на электоральные результаты и политическое поле в Европе.

В цифровую эпоху государственное управление все чаще подвергается различным модификациям, связанным с появлением цифровых технологий, электронного правительства. Благодаря появлению Интернета граждане имеют возможность взаимодействовать с государством в сети и быть вовлеченными в государственное управление. По мнению авторов, данная тема актуальна особенно для России, которая имеет одну из самых лучших и развитых систем e-government в мире.

Одна из отличительных черт новой эпохи – появление понятия «киберпространство», включающее в себя новые формы взаимодействия людей, возникновение новых социальных групп, виртуальных обществ. Перестройка социальной структуры общества, развитие технологий и процесс глобализации повлек за собой появление новых идеологий [1, с. 80]. Научная проблема, которой посвящено данное исследование – выявить закономерности и особенности развития политических партий в условиях современных выборов, посредством применения качественного анализа и казуальных методов исследования.

Изучение Пиратских партий приобретает особую значимость для российской политологии в контексте цифровизации общественных процессов и роста интернет-зависимой электоральности. Эти формирования, возникшие как реакция на ограничения традиционных институтов представительства, демонстрируют эффективность децентрализованных моделей политической мобилизации через цифровые платформы, что актуально для России с её высоким уровнем проникновения интернета (свыше 85% населения). Анализ их опыта позволяет выявить механизмы анонимного гражданского участия и снижения государственного давления на активистов, предлагая альтернативы текущим вызовам в области политической коммуникации и свободы слова.

Обзор литературы

Современные исследования подчеркивают важность гибридных методов анализа политических процессов, таких как смешение количественных и качественных подходов¹. Особое внимание уделяется связи между формой государственного

¹ Kemp, S. Digital 2023: Global Overview Report. 26.01.2023 // DataReportal: [сайт]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 08.09.2025).

устройства и типами партийных систем. В работе Жирковой С. [2; 20] рассматривается влияние новых политических движений на электоральное поведение молодежи. Анализ стратегии кампаний и взаимодействия с избирателями представлен в социологических исследованиях 2024–2025 годов [3]. Некоторые исследования акцентируют внимание на роли цифровых коммуникаций в формировании электорального выбора [4], а также разработаны инструменты для прогнозирования успеха новых партий [5].

Применительно к «Пиратским партиям» можно выделить работы, описывающие их рост и падение популярности в североевропейских странах [6]. Также описаны специфические стратегии политической коммуникации и адаптации к местному электорату [7]. В российском контексте вопрос практически не исследован.

Материалы и Методы

В исследовании применяется метод качественного анализа по Ю. Кабанову [4], который позволяет построить причинно-следственные связи и выявить ключевые факторы влияния на электоральные результаты. Этот метод предполагает сбор и систематизацию уникальных кейсов, анализ логических цепочек и проверку гипотез на основании данных избирательных кампаний и социологических опросов. Для дополнения качественного анализа используются: а) сбор и систематизация данных избирательных результатов последних парламентских выборов в Исландии (2024) и Чехии (2025), б) качественный контент-анализ программ и коммуникационных стратегий «Пиратских партий» на этих выборах, в) сравнительный анализ электоральной поддержки и факторов влияния.

Результаты

Возможность обмена файлами и перевод информации в цифровой формат вызвали существенные изменения в политической жизни многих государств. На 2023 год 64,4% всего населения мира использует Интернет². Появление глобальной сети, с помощью которой граждане могут взаимодействовать друг с другом, предопределило появление партий нового типа – Интернет партий. Среди преимуществ таких объединений следует выделить доступность; комфортность – члену партии не нужно выходить из дома, чтобы быть вовлеченным в деятельность организации; возможность высказываться анонимно; политическая независимость и слабый контроль со стороны государства [8, с. 178].

Одними из представителей Интернет-партий являются «Пиратские партии». «Пиратское» общественное движение зародилось как сопротивление в ответ на государственную политику по ужесточению защиты интеллектуальной собственности [8, с. 128]. Так, в 2006 г. в Швеции зародилась первая «Пиратская партия» как акция протеста против рейда шведской полиции на сайт для обмена торрент-файлами The Pirate Bay. Вскоре после этого «Пиратские партии» появились и других странах Европы: в Германии, Франции, Дании и Финляндии. Также был создан Пиратский Интернационал и Европейская пиратская партия. Целью «Пиратских партий» является сопротивление традиционному европейскому законодательству об общественном

² Kemp, S. Digital 2023: Global Overview Report. 26.01.2023 // DataReportal: [сайт]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 08.09.2025).

пространстве и авторском праве, поддержка свободного доступа к информации, а также защита прав человека в цифровую эпоху [9, p. 9].

В 2010 г. официально оформилась неправительственная организация «Интернационал пиратских партий» (Pirate Parties International, PPI). Организация поддерживает создание пиратских партий в разных государствах мира, проводит международные конференции, способствует развитию связей с другими неправительственными организациями, участвует в различных международных организациях в качестве наблюдателя. Для информирования пиратских партий о развитии движения на базе Пиратского Интернационала выпускается газета *Pirate Times*.

Также в 2010 г. была создана международная ассоциация «Пираты без границ» (Pirates Without Borders), которая сама по себе является партией, входящей в Пиратский Интернационал [10, с. 74]. Целью организации является укрепление трансграничного сотрудничества в целях продвижения основных принципов пиратских партий: свободы знаний, свободы программного обеспечения, цифровой устойчивости, построение общества с широкой свободой и демократией³.

Название «пиратские» отражает несогласие данных партий с ограничением обмена информацией в сети в некоммерческих целях. С точки зрения пиратов, информацию и новые технологии следует использовать для создания «прозрачного государства»: граждане могут свободно обмениваться ресурсами в сети. Однако, при этом должны соблюдаться права человека и право на неприкосновенность личных данных. Базовым принципом пиратов является право каждого гражданина на политические полномочия. Также к принципам «Пиратских партий» следует отнести неприкосновенность частной жизни, право на свободный обмен знаниями и идеями, равноправие, идеологическое и техническое разнообразие, сетевую экономику, а также качественное законодательство [10, с. 72–73].

«Пиратские партии» являются постматериалистическими, и вопрос об идеологическом спектре данных партий остается дискуссионным. «Пиратские партии» нельзя оценить с точки зрения дихотомии «правые-левые». Среди партий, придерживающихся постматериальных ценностей (помимо пиратов таковыми также являются «зелёные») прослеживается многовекторность идеологических взглядов. В российском пиратском движении выделяют левых пиратов, националистов, центристов, либертарианцев и др. С другой стороны, узкость постматериалистических идей заставляет пиратов выходить за рамки своих ценностей, так как в обществе сохраняется необходимость решения материалистических проблем [11, с. 22–23].

Идея о создании первой «Пиратской партии» возникла у шведского политика Рикарда Фальквинге. Шведская пиратская партия (швед. Piratpartiet) появилась 1 января 2006 г., и в этот же день был открыт сайт партии. Для участия в парламентских выборах партия должна была собрать 2 тысячи подписей, и они были собраны менее чем за сутки. Сразу после появления партия шведских пиратов привлекла широкое внимание общественности и СМИ. В первые два дня после создания сайта партии его посетило более 3 млн. человек [12, с. 93–94].

После поражения Шведской пиратской партии (шв. Piratpartiet) на парламентских выборах 2006 г. было создано молодежное движение «Молодые

³ Association – Pirates Without Borders: [сайт]. URL: <https://pirates-without-borders.ch/association/> (дата обращения: 08.11.2025).

пираты», целью которого является подготовка молодого поколения к деятельности в «Пиратской партии». В 2008 г. Piratpartiet внесла изменения в свою программу: было уделено внимание вопросу демократизации общества и формированию свободного рынка. Также партия активно поддерживала обвиняемых по делу The Pirate Bay. После решения суда число участников партии значительно увеличилось [12, с. 94–95].

Основной поддержкой шведской пиратской партии были пользователи Интернета. Число членов партии в середине 2009 г. составляло более 49 тысяч человек, и, таким образом, она была третьей по количеству членов партией в Швеции [12, с. 95].

В 2009 г. партия обрела неожиданный успех на выборах в Европейский парламент, набрав 7,1% голосов, что позволило ей бросить вызов парламенту Швеции. Однако, затем поддержка партии снизилась, и в выборах в шведский парламент 2010 г. она набрала лишь 0,65% голосов. Так, шведская пиратская партия является «флэш-партией», то есть имеющей недолгий успех [13, р. 121–123].

В период с 2009 по 2014 год партия шведских пиратов работала над развитием сетевого нейтралитета, защитой конфиденциальности и прекращением действия торгового соглашения о борьбе с контрафактной продукцией. В 2014–2019 годах партия активно занималась реформированием авторского права, поддержкой бесплатного программного обеспечения и защитой свободы слова в сети⁴.

На данный момент председателем шведской «Пиратской партии» является Катарина Стенссон. Партия стремится к свободному, открытому и демократическому обществу, в котором знания и информация являются всеобщим достоянием без препятствий, таких как патент и авторское право. По мнению шведских пиратов, цифровизация является способом улучшения качества услуг и вовлечения граждан в процессы управления и беспрепятственного культурного обмена. Также партия выступает за улучшение сферы здравоохранения и внедрение новых технологий в образовательной сфере. Шведская «Пиратская партия» проводит различные дискуссионные встречи, онлайн-собрания «Digital Piratfika» – «Цифровой пиратский кофе-брейк», в рамках которых пираты делятся своими мыслями и идеями. Также шведские пираты используют в своей работе новые технологии, так, 1 апреля 2023 г. на сайте партии была опубликована новость о том, что в качестве партийного секретаря будет назначен искусственный интеллект⁵.

Еще одной из наиболее успешных «Пиратских партий» считается Пиратская партия Исландии (исл. Píratar), созданная в 2012 г. представительницей международной некоммерческой организации WikiLeaks Биргиттой Йонсдоттир и анархистом Смари Маккарти. Так как партия отрицает власть и контроль, у исландских пиратов нет явного лидера, все члены партии равны [8, с. 180]. Председатель партии выбирается по жребию, однако это носит лишь формальный характер в силу правил парламента, и не влечет за собой каких-либо полномочий и обязанностей⁶.

Как и другие «Пиратские партии», исландские пираты выступали за свободу слова, соблюдение гражданских прав, реформирование авторского права и защиту

⁴ The Pirate Party: [сайт]. URL: <https://piratpartiet.se/> (дата обращения: 06.12.2025).

⁵ Piratpartiet rekryterar AI som partisekreterare. 01.04.2023 // The Pirate Party: [сайт]. URL: <https://piratpartiet.se/nyheter/piratpartiet-rekryterar-ai-som-partisekreterare/> (дата обращения: 06.12.2025).

⁶ PÍRATAR. Opinber vefsíða Pírataflokksins á Íslandi: [сайт]. URL: <https://piratar.is/> (дата обращения: 06.12.2025).

персональных данных. На выборах в исландский парламент 2013 г. партия получила 5% голосов и 3 места в парламенте из 63. Одной из ярких инициатив партии была идея о даровании гражданства Эдварду Сноудену, однако, предложение не было принято. Следующей, на этот раз успешной, инициативой партии была отмена закона о богохульстве, существовавшего в Исландии с 1940 г. Закон, согласно которому за оскорбление чувств верующих в Исландии можно было получить штраф или тюремное заключение, был отменен. По мнению исландских пиратов, религия не должна подавлять свободу слова [8, с. 180].

В 2016 г. партия получила 10 мест в парламенте⁷, а также была приглашена сформировать правительство Исландии после неудачных переговоров Партии независимости и Лево-зеленого движения. Однако в правительство партия все же не вошла. На выборах 2017 г. исландские пираты получили 6 мест в парламенте⁸.

На последних выборах в парламент Исландии 2021 г. Пиратская партия снова получила 6 мест. Национальная повестка дня Исландии 2021 г. включает в себя устойчивое развитие экономики, активную антикоррупционную политику, революционные изменения в рыболовной политике, радикальные изменения в сфере окружающей среды и климата – «зеленая трансформация». Исландские пираты выступают за сокращение выброса парниковых газов и переход к углеродной нейтральности к 2035 г. Также партия предлагает принять новую конституцию, которая устраним неопределенность в отношении пределов власти, укрепит права человека, демократию и прозрачное управление. Обсуждение новой конституции должно происходить в рамках открытого и инклюзивного диалога с обществом⁹.

Следующей успешной пиратской партией в Европе является Чешская пиратская партия (чеш. *Česká pirátská strana, Piráti*), созданная в 2009 г. В этом же году, собрав подписи, партия была зарегистрирована в Министерстве внутренних дел Чешской республики. В уставе партии содержались такие задачи, как защита свободы распространения информации в Интернете, продвижение свободы слова, борьба против подавления гражданских прав и усиления цензуры. В первые 8 лет своего существования партия не пользовалась широкой поддержкой электората. В 2009 г. Чешская пиратская партия получила 7,13% голосов на выборах в Европейский парламент. Однако на выборах в чешский парламент 2010 г. пираты получили лишь 0,8% голосов. Через 4 года чешские пираты получили уже 10,79% голосов и попали в парламент. Также в 2018 г. сторонник Чешской пиратской партии З. Гржиба был избран мэром г. Прага, а в 2020 г. попал в рейтинг наиболее влиятельных политиков Европы. Популярность чешских пиратов возросла к 2017 г., что связано с отказом пиратов от имиджа «партии одного требования» и расширением программы. Партия стала ориентироваться на более широкий круг избирателей, и программа была дополнена пунктами об образовании, науке, экономике и налогообложении. Помимо

⁷ Iceland's Pirate Party invited to form government. 02.12.2016 // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/02/iceland-pirate-party-invited-form-government-coalition> (дата обращения: 08.09.2025).

⁸ Болдырева Е.Л. Результаты парламентских выборов в Исландии 2021 года // Международные отношения в глобальном измерении: сборник научных трудов. Выпуск 1 / под ред. А. С. Матвеевской. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 219–232.

⁹ Kosningastefnunskrá Pírata fyrir Alþingiskosningar 2024 // PÍRATAR: [сайт]. URL: <https://x.piratar.is/polity/1/issue/504/> (дата обращения: 08.12.2025).

основных требований, связанных с свободным распространением информации и вопросами, связанными с авторским правом, партия стала рассматривать вопросы, касающиеся внешней политики, обороны и регионального развития [15, с. 80–81].

На выборах 2017 г. Чешская пиратская партия получила 10,79% голосов, обеспечив себе 22 места в нижней палате Чешского парламента. Так, чешские пираты приобрели статус третьей по популярности и силе партии Чехии. В январе 2021 г. перед парламентскими выборами в Чехии была сформирована коалиция «Пиратов» и «Старост и независимых» – PirSTAN. Альянс занял 3 место, получив 15,62% голосов, что обеспечило пиратам лишь 4 места в нижней палате парламента [16, с. 5–6]. 8 ноября 2021 г. председатели коалиций «Вместе» и PirSTAN подписали договор о формировании нового правительства Чешской Республики¹⁰.

На данный момент в Чешской пиратской партии насчитывается 1205 членов. Представители партии имеются на всех уровнях политики, а программа партии охватывает различные политические и социальные вопросы. Упор делается на прозрачности, обсуждении и принятии решений на основе точных данных. Пираты представляют граждан Чешской Республики на муниципальном уровне с 2014 г., а с 2016 г. – на региональном. С 2018 г. Чешская пиратская партия имеет места в Европейском парламенте.

Чешская пиратская партия выступает за развитие электронного правительства, так как это обеспечивает экономию средств и облегчение взаимодействия граждан и власти. Пираты также поддерживают идею о бесплатном программном обеспечении и развитии цифровой грамотности в учебных заведениях. В программе партии содержатся пункты о свободном распространении произведений культуры и отмене привилегий союза авторских прав. Также партия на своем официальном сайте высказывается о том, что Интернет в наши дни также важен, как электричество или вода, поэтому право на доступ в Интернет должно быть включено в число основных прав человека. При использовании Интернета должно сохраняться естественное право на конфиденциальность общения и анонимность. Личные данные могут быть запрошены лишь с согласия пользователя¹¹.

По итогам парламентских выборов в Исландии 2024 г. Пиратская партия набрала 3,02% голосов, не сумев преодолеть барьер для прохождения в парламент, потеряв 6 мандатов по сравнению с предыдущим периодом. В то же время победу одержал Социал-демократический альянс с 20,75% голосов [18; 20].

На выборах в Чехии 2025 г. Пиратская партия получила 8,7–8,9% голосов, заняв место на третьем месте по поддержке, однако уступая более сильным политическим блокам, таким как партия ANO (около 34,7%). Этот результат говорит о сохранении значимой электоральной базы, несмотря на более широкие политические сдвиги и усиление евроскептических сил.

Анализ по методу Ю. Кабанова позволил выявить ключевые причины изменений электоральной поддержки Пиратских партий. В Исландии снижение популярности связано с растущей конкуренцией и изменением приоритетов избирателей, а также недостаточной адаптацией партийной стратегии. В Чехии, несмотря на сохранение

¹⁰ «Вместе», «пираты» и «старосты» подписали коалиционный договор о формировании правительства Чехии. 08.11.2021 // Radio Prague International: [сайт]. URL: <https://ruski.radio.cz/vmeste-piraty-i-starosty-podpisali-koalicionnyu-dogovor-o-formirovanii-8733433> (дата обращения: 09.12.2025).

¹¹ Česká pirátská strana: [сайт]. URL: <https://nalodeni.pirati.cz/> (дата обращения: 09.04.2025).

значительной части электората, сложилась политическая ситуация, в которой антисистемные и евроскептические силы усилили свои позиции, значительно влияя на традиционные либеральные партии.

Полученные результаты согласуются с последними исследованиями политического поля, подтверждая важность адаптивности политических движений и стратегий коммуникации в современных выборах. Качественный анализ выявил причинно-следственные связи между стратегиями партий и их электоральным успехом.

Заключение

Данное исследование подтвердило важность применения качественного метода по Кабанову Ю.А. [4] для анализа современных политических процессов и электоральных результатов. Пиратские партии на последних выборах в Исландии и Чехии показали различные динамики, отражающие специфику национальных политических систем, что повлияло и как на изменение политического контекста, так и стратегии партий, что должно учитываться в дальнейшем научном анализе и практике.

«Пиратские партии» являются политическим феноменом, возникшим во время цифровой эпохи: появления Интернета и «киберпространства», что сделало взаимодействие граждан с правительством, а также между собой с целью обмена мнениями более доступным. Государственное управление с развитием цифровых технологий приняло новый формат.

«Пиратские партии» возникли как сопротивление новым ограничениям со стороны государства в сфере обмена файлами и информацией. Программа и принципы «Пиратских партий» являются довольно узконаправленными и включают в себя постматериальные ценности. Однако, с течением времени, данные партии стали включать в свои повестки дня более широкий спектр вопросов для привлечения электората.

Данные партии оказались довольно успешными во многих государствах, и смогли войти в национальные парламенты. Более того, пираты не раз получали места в Европейском парламенте, а Пиратский Интернационал поддерживает создание пиратских партий во всем мире.

С появления первой пиратской партии в 2006 г. пираты добились больших успехов. Пиратское движение активно использует цифровые технологии и Интернет в своей деятельности, и играют важную роль в общественной дискуссии о защите гражданских свобод и прав в Интернете и ограничений контроля над ним. Также пираты являются важным инструментом для привлечения внимания к проблемам защиты данных, сетевой безопасности и контроля за использованием Интернета в государственных структурах. Более того, пираты являются единственной политической силой, которая поднимает вопросы об авторском праве, свободе слова в сети. Количество пользователей Интернета с каждым годом возрастает, соответственно, у пиратских партий есть возможность привлечь новый электорат, в особенности представителей молодого поколения.

Анализ опыта «Пиратских партий» позволяет выявить механизмы анонимного гражданского участия и снижения государственного давления на активистов, предлагая альтернативы текущим вызовам в области политической коммуникации и свободы слова.

Кроме того, «Пиратские партии» иллюстрируют риски и возможности постматериалистических идеологий – защиты цифровых прав, открытого кода и

прозрачности данных – которые могут вдохновить новые формы оппозиционной агрегации в условиях регулируемого Рунета. Их стратегии адаптации к электоральным реалиям (как в Чехии или Исландии) предоставляют ценный материал для прогнозирования траекторий отечественных интернет-инициатив. Наконец, исследование способствует разработке политики по интеграции цифрового пространства в демократические институты, усиливая устойчивость политической системы Российской Федерации к технологическим трансформациям [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков И.А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79–98. EDN: [JUHONR](#).
2. Жиркова С.К. Политическая активность и электоральное поведение молодежи // Актуальные вопросы современной науки. Материалы XXI Международной научно-практической конференции / научн. ред. И. А. Рудакова. Таганрог: Перо. 2013. С. 207–209. EDN: [SIKNDR](#).
3. Anderson, N. Political pirates: A history of Sweden's Piratpartiet. 26.02.2009 // ArsTechnica: [сайт]. URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/> (дата обращения: 04.05.2025).
4. Кабанов Ю.А. Пиратские партии: мировые тенденции развития // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 2 (77). С. 128–142. EDN: [XRAJKZ](#).
5. Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Феномен пиратских партий в российском и мировом контексте // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университет им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 4 (45). С. 116–121. EDN: [PBCLHD](#).
6. Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias / Edited by P. Ludlow. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 485 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/2229.001.0001>.
7. Скворцов В.И. Интернет-пиратство и пиратские партии // Молодежь в фокусе научных перемен: идеи и открытия: электронный сборник статей по материалам II Национальной научно-практической конференции, г. Волжский, 17–19 апреля 2024 г. / под общ. ред. Р.Ю. Скокова. Волжский: Волжский институт экономики, педагогики и права, 2024. С. 72–76. EDN: [SKPTJT](#).
8. Бурдаков Д.В. Особенности функционирования партий нового типа в политической системе Исландии (на примере «Пиратской партии») // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 1–2 (123). С. 177–182. EDN: [XHKJR](#).
9. Jääsaari, J., Hildén, J. European Pirate Parties and the Politics of Communication. Research Report on the Project Communication Rights in the 2014 European Election Campaign. Helsinki: University of Helsinki, 2015. [эл. доступ]. URL: https://www.hssaatio.fi/wp-content/uploads/2015/10/European_Pirate_Parties_and_the_Politics_of_Communication.pdf (дата обращения: 18.05.2025).
10. Ровинская Т.Л. Политические амбиции европейских “пиратов” // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 72–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-7-72-84>. EDN: [UBEINN](#).
11. Мартьянов Д.С. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере «зеленых» и пиратов) // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 2 (22). С. 20–31. EDN: [QCEOKX](#).
12. Ровинская Т.Л. Пиратские партии: политический продукт информационного общества // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С. 93–104. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-12-93-104>. EDN: [PGGBAB](#).
13. Erlingsson, G.Ó., Persson, M. The Swedish Pirate Party and the 2009 European Parliament Election: Protest or Issue Voting? // Politics. 2011. Vol. 31. Iss. 3. P. 121–128. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9256.2011.01411.x>.
14. Ведерников М.В. Чехия в преддверии парламентских выборов: фактор Пиратской партии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 2 (20). С. 78–84. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220217884>. EDN: [QFOMDD](#).

15. Maškarinec, P., Naxera, V. The Pirates of Czechia: The Course of Preferential Vote // *Slovak Journal of Political Sciences*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 5–24. <https://doi.org/10.34135/sjps.220101>.
16. Болдырева Е.Л. Результаты парламентских выборов в Исландии 2021 года // *Международные отношения в глобальном измерении: сборник научных трудов*. Выпуск 1 / под ред. А. С. Матвеевской. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 219–232. EDN: **GLVPSS**.
17. Болдырева Е.Л., Гришина Н.Ю. Влияние интернета на трансформацию политической системы Исландии // *Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов*. Труды XX Международной объединенной научной конференции. СПб.: Университет ИТМО. 2017. С. 19–22. EDN: **XWGBSX**.
18. Болгов Р.В., Чугунов А.В., Филатова О.Г. Цифровое государство в глобальной перспективе: новые возможности и тенденции изучения // *Россия в глобальном мире*. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 199–206. <https://doi.org/10.48612/RG/RGW.28.3.12>. EDN: **GNDWEU**.

REFERENCE

1. Bykov, I.A. Cyberspace as a Factor in the Development of Political Ideologies. *Political science*. 2008. No. 2. P. 79–98. (In Russian). EDN: **JUHOHR**.
2. Zhirkova, S.K. Politicheskaya aktivnost' i elektoral'noe povedenie molodezhi [Political Activism and Electoral Behavior of Youth]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki [Current Issues of Modern Science]*. Materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii / nauchn. red. I. A. Rudakova. Taganrog: Pero, 2013. P. 207–209. EDN: (In Russian). EDN: **SIKNDR**.
3. Anderson, N. Political Pirates: A History of Sweden's Piratpartiet. 26.02.2009. *ArsTechnica*. Available at <https://arstechnica.com/tech-policy/2009/02/rick-falkvinge-is-the-face/> (accessed: 04.05.2025).
4. Kabanov, Yu.A. Pirate Parties: Development Trends Worldwide. *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast*. 2015. No. 2 (77). Pp. 128–142. (In Russian). EDN: **XRAJKZ**.
5. Martyanov, D.S., Martyanova, N.A. The Phenomenon of Pirate Parties in the Russian and Global Context. *Scientific notes of the Zabaikalsky State University of Humanities and Education by N. H. G. Chernyshevsky*. 2012. No. 4 (45). P. 116–121. (In Russian). EDN: **PBCLHD**.
6. *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias* / Edited by P. Ludlow. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 485 p. <https://doi.org/10.7551/mitpress/2229.001.0001>.
7. Skvortsov, V.I. Internet Piracy and Pirate Parties. *Young People in the Focus of Scientific Change: Ideas and Discoveries*. Electronic Collection of Articles on the Materials of the II National Scientific and Practical Conference, Volzhsky, 17–19 April 2024. Ed. by R. Yu. Skokov. Volzhsky: Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, 2024. P. 72–76. (In Russian). EDN: **SKPTJT**.
8. Burdakov, D.V. Osobennosti funktsionirovaniia partiy novogo tipa v politicheskoy sisteme Islandii (na primere “Piratskoy partii”) [Features of the Functioning of New-Type Parties in Iceland's Political System (The Case of the “Pirate Party”)]. *Novaya nauka: Opyt, traditsii, innovatsii [New Science: Experience, Tradition, Innovation]*. 2017. No. 1–2 (123). P. 177–182. (In Russian). EDN: **XIHKJR**.
9. Jääsaari, J., Hildén, J. European Pirate Parties and the Politics of Communication. Research Report on the Project Communication Rights in the 2014 European Election Campaign. Helsinki: University of Helsinki, 2015. Available at https://www.hssaatio.fi/wp-content/uploads/2015/10/European_Pirate_Parties_and_the_Politics_of_Communication.pdf (accessed: 18.05.2025).
10. Rovinskaya, T.L. Political Ambitions of European “Pirates”. *World Economy and International Relations*. 2015. No. 7. P. 72–84. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-7-72-84>. EDN: **UBEINN**.
11. Martyanov, D.S. Sravnitel'nyy analiz postmaterialisticheskikh partiy (na primere “zelenykh” i piratov) [Comparative Analysis of Postmaterialist Parties (The Case of “Greens” and Pirates)]. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2013. No. 2 (22). P. 20–31. (In Russian). EDN: **QCEOKX**.
12. Rovinskaya, T.L. Pirates' Parties: Political Product of Information Society. *World Economy and International Relations*. 2012. No. 12. P. 93–104. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-12-93-104>. EDN: **PGBBAB**.

13. Erlingsson, G.Ó., Persson, M. The Swedish Pirate Party and the 2009 European Parliament Election: Protest or Issue Voting? *Politics*. 2011. Vol. 31. Iss. 3. P. 121–128. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9256.2011.01411.x>.
14. Vedernikov, M.V. Czech Republic on the Threshold of Parliamentary Elections: Pirate Party Factor. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2021. No. 2 (20). P. 78–84. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran20217884>. EDN: QFOMDD.
15. Maškarinec, P., Naxera, V. The Pirates of Czechia: The Course of Preferential Vote. *Slovak Journal of Political Sciences*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 5–24. <https://doi.org/10.34135/sjps.220101>.
16. Boldyreva, E.L. Results of the 2021 Parliamentary Elections in Iceland. *Mezhdunarodnye otnosheniia v global'nom izmerenii [International Relations in the Global Dimension]*. Sbornik nauchnykh trudov. Vipusk 1. Pod. red. A.S. Matveevskoj. SPb.: POLYTECH-PRESS, 2021. P. 219–232. (In Russian). EDN: GLVPSS.
17. Boldyreva, E.L., Grishina, N.Yu. Political System transformation in Iceland Under the Internet Influence. *Internet and modern Society*. Collection of abstracts of the XX International Joint Scientific Conference papers; Sant-Petersburg: ITMO University. 2017. P. 19–22. (In Russian). EDN: XWGBSX.
18. Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Filatova, O.G. Digital State in a Global Perspective: New Opportunities and Trends of Research (Review of the Symposium, St. Petersburg, June 23–25, 2025). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 199–206. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/RG/RGW.28.3.12> EDN: GNDWEU.

Сведения об авторах / Information about authors

Болдырева Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: boldyreva_el@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-2977-7262

Нельга Анна Александровна – магистрант 2 курса Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: nelga.aa@edu.spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Boldyreva Elena L. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: boldyreva_el@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-2977-7262

Nelga Anna A. – Master degree student of Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: nelga.aa@edu.spbstu.ru

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025.

Одобрена после рецензирования 18.11.2025.

Принята 14.01.2025.

Received 21.10.2025.

Approved after reviewing 18.11.2025.

Accepted. 14.01.2025.

научная статья / research article

УДК: 327.8

EDN: [QJCMVB](#)

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.1.6

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Нс 4.0\)](#)

Центральноазиатский регион как объект цифровой колонизации

Уткин Дмитрий Витальевич

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызская Республика
 d.v.utkin@krsu.kg

Аннотация

Введение. Цифровая трансформация стала одним из ключевых факторов изменения мировой политики и международных отношений. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к формированию новых форм глобального влияния, в рамках которых контроль над цифровой инфраструктурой и данными приобретает стратегическое значение. В этих условиях усиливается зависимость развивающихся государств от внешних технологических акторов. Для стран Центральной Азии цифровизация одновременно выступает инструментом модернизации цифровой инфраструктуры и источником новых геополитических рисков, связанных с утратой элементов цифрового суверенитета.

Методы и материалы. В качестве теоретико-методологической основы использованы концептуальные положения теории постиндустриального общества, концепции «киберсилы» и сетевого общества по материалам трудов Э. Тоффлера, Дж. Ная, М. Кастельса. В исследовании используются общие научно-политические методы, включая системный и геополитический анализ для оценки материалов, позволяющих оценить роль государств и транснациональных технологических корпораций в цифровом преобразовании региона.

Результаты. Установлено, что цифровая инфраструктура стран Центральной Азии формируется при доминирующем участии зарубежных технологических корпораций, что ведёт к институциональной, политической зависимости в сфере цифрового управления и потере цифрового суверенитета.

Обсуждение и заключение. Цифровая зависимость Центральной Азии воспроизводит асимметричные модели влияния, характерные для новых форм геополитического доминирования, выражающегося в концепте цифрового колониализма. Без развития собственных технологических компетенций и согласованной региональной стратегии цифровизация усиливает уязвимость государств и снижает их стратегическую автономию на международной арене.

Ключевые слова: цифровой колониализм; цифровая трансформация; технологические корпорации; инфраструктура; цифровой суверенитет; негосударственные акторы; Центральная Азия

Для цитирования: Уткин Д.В. Центральноазиатский регион как объект цифровой колонизации // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 102–117. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.6>. EDN: [QJCMVB](#).

© Уткин Д.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Central Asian Region as an Object of Digital Colonization

Dmitriy V. Utkin

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyz Republic
✉ d.v.utkin@krsu.kg

Abstract

Introduction. Digital transformation has become one of the key factors reshaping global politics and international relations. The development of information and communication technologies has led to the emergence of new forms of global influence, within which control over digital infrastructure and data acquires strategic significance. Under these conditions, the dependence of developing states on external technological actors is increasing. For the countries of Central Asia, digitalization simultaneously serves as a tool for the modernization of national digital infrastructure and as a source of new geopolitical risks associated with the erosion of elements of digital sovereignty.

Methods and materials. The theoretical and methodological framework draws on conceptual principles of post-industrial society theory, the concept of "cyberpower," and the network society, based on the works of E. Toffler, J. Nye, and M. Castells. The study utilizes general scientific and political methods, including systems and geopolitical analysis, to evaluate materials that allow for an assessment of the role of states and transnational technology corporations in the region's digital transformation.

Results. It has been found that the digital infrastructure of Central Asian countries is being shaped with the dominant involvement of foreign technology corporations, which leads to institutional and political dependence in the sphere of digital governance and contributes to the erosion of digital sovereignty.

Conclusion. Digital dependence in Central Asia reproduces asymmetric patterns of influence characteristic of emerging forms of geopolitical dominance, conceptualized within the framework of digital colonialism. In the absence of the development of domestic technological capabilities and a coordinated regional strategy, digitalization increases state vulnerability and undermines strategic autonomy in the international arena.

Keywords: digital colonialism; digital transformation; technology corporations; digital infrastructure; digital sovereignty; non-state actors; Central Asia

For citation: Utkin, D.V. The Central Asian Region as an Object of Digital Colonization. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 102–117. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.6>. EDN: QJCMVB.

© Utkin, D.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Научно-технический прогресс в области цифровизации изменил облик современного общества. Информатизация существенным образом поменяла коммуникативную парадигму как на уровне общественных отношений, так и на уровне международного политического дискурса. Через стремительное развитие информационных технологий геополитическая борьба глобальных акторов нашла свое новое проявление. Цифровой ландшафт стал новым плацдармом для притязаний геополитических акторов в укоренении своего господства и реализации амбиций в перехвате первенства глобального влияния на региональном уровне. Если традиционные формы колониального контроля, основанные на прямом силовом принуждении, существенно трансформировались в условиях современного

международного порядка, то в рамках киберпространства данный тренд приобретает новые формы и инструменты реализации. В условиях трансформации механизмов глобального влияния анализ феномена киберколониализма (цифрового колониализма) представляет собой значимое направление для академических исследований в сфере международных и политических отношений между акторами мировой политики.

В этом контексте феномен цифрового колониализма становится ключевым понятием для анализа современного сценария мировой политики. Его суть проявляется в том, что цифровые технологии, изначально рассматривавшийся как инструмент прогресса, инноваций, становятся средством установления контроля и господства в глобальном информационном пространстве. Цифровой колониализм предстает как новая форма зависимости, при которой вместо материальных ресурсов используются производимые человеком и нейросетями цифровые данные, технологии и коммуникационная инфраструктура. Таким образом, контроль над информационными потоками и механизмами обработки данных становится эквивалентным контролю над природными ресурсами в индустриальную эпоху традиционного типа колониализма.

Цифровой колониализм в научном дискурсе понимается как система неравноправных отношений, в которой технологически развитые государства и корпорации устанавливают доминирующее влияние над цифровыми ресурсами, инфраструктурой и цифровыми данными менее развитых стран. Этот процесс выражается в институциональной зависимости от программных решений, облачных сервисов, коммуникационных платформ и стандартов, созданных и контролируемых ограниченным числом глобальных игроков. Благодаря монопольному владению алгоритмами и пользовательскими данными формируются новые формы подчинения и экономического контроля, что затрудняет формирование независимой цифровой политики на национальном уровне.

Для стран Центральной Азии, включая Кыргызстан и Казахстан, такая зависимость становится стратегической. Несмотря на активное развитие национальных программ цифровизации, таких как «Цифровой Казахстан» (*Kazakhstan Digital*) и «Цифровой Кыргызстан» (*Sanarip Kyrgistan*), основная инфраструктура (облачные хранилища, программное обеспечение, процессинговые центры и большие системы обработки данных) зависит от внешних технических решений. Это создает риски потери контроля над информационными потоками, а также снижает устойчивость цифровых систем перед лицом потенциальных киберугроз и геополитических конфликтов. Таким образом, тема цифрового суверенитета выходит за рамки технологических тем и становится частью национальной безопасности и стратегии государства.

Кроме того, цифровая зависимость предполагает формирование идеологического и культурного влияния. Платформы, разработанные в рамках западных технологических экосистем, не только обеспечивают функциональность, но и воплощают определенные нормы, ценности и модели взаимодействия. Это отражается в меняющейся информационной повестке дня, растущем влиянии транснациональных СМИ и формировании новых каналов мягкой силы. В результате усиливается политическая и идеологическая зависимость от глобальных центров технологической мощи, что в долгосрочной перспективе может ограничить возможности государств

самостоятельно определять направления цифрового развития и информационной политики.

Таким образом, цифровой колониализм функционирует не только как технологический, но и как геополитический инструмент влияния. Это позволяет ведущим мировым игрокам, в первую очередь Соединенным Штатам Америки и Китаю укрепить свое господство с помощью цифровой инфраструктуры, контролировать информационные потоки и формировать зависимости от экономики и институтов управления. Транснациональные корпорации, такие как *Google*, *Microsoft*, *Amazon*, *Meta*^{*}, *Cisco*, действуют как своего рода агенты внешнеполитических интересов, создавая зоны цифрового влияния, сопоставимые с традиционными геополитическими сферами. Поэтому цель статьи заключена в выявлении политических и геополитических рисков, связанных с технологической зависимостью стран региона от иностранных поставщиков цифровых решений – технологических корпораций. Объектом работы выступают процессы цифровой трансформации стран региона Центральной Азии в контексте концепта цифрового колониализма. Актуальной задачей выступает анализ концептуальных основ цифрового колониализма как продолжения исторического колониализма в условиях глобальной цифровой трансформации. Также для исследования представляется важным выявление ключевых процессов и механизмов формирования технологической зависимости стран Центральной Азии. В частности, необходимым этапом в ракурсе проблематики статьи является определение политических рисков для центральноазиатских государств, возникающих в результате формирующейся зависимости от цифровых инфраструктурных решений со стороны западных технологических корпораций, являющихся проводниками «мягкой силы» и «киберсилы» Запада.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и политологические методы. Системный анализ использовался как общенаучный метод, а геополитический анализ как политологический инструмент в рамках теории международных отношений при изучении цифровой трансформации и роли технологических корпораций в странах Центральной Азии. Конкретно, системный анализ в рамках статьи представляется как метод, позволяющий обозревать цифровое, или киберпространство региона как часть более широкой сети глобального цифрового управления. В рамках данного подхода, западные технологические корпорации рассматриваются в качестве негосударственных акторов, которые в свою очередь обладают полномочиями самостоятельного политического влияния, согласованного со стратегическими приоритетами цифровой колониальной повесткой коллективного Запада.

Метод геополитического анализа позволил изучить цифровую зависимость стран региона Центральной Азии не только с точки зрения технологической и информационной, но и как внешнеполитический феномен, связанный с ротацией

^{*} Решением суда от 21.03.2022 корпорация «Meta» признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

внешнего влияния глобальных акторов в пространстве региона, что существенно важно для оценивания и прогнозирования последствий цифрового доминирования западных технологических корпораций в контексте геополитической конкуренции США, КНР и России.

В исследовании используется акторно-центрированный подход как междисциплинарный аналитический инструмент, применяемый в политической науке и международных отношениях для изучения взаимодействия различных акторов. Его применение позволило проанализировать распределение власти между национальными государствами, корпоративными структурами и обществом в условиях цифровой трансформации. В данном контексте особое внимание уделено роли технологических корпораций и используемым ими механизмам «мягкой силы» и «киберсилы».

На Западе исследования по проблематике киберколониализма проецируются в основном на развивающиеся страны Глобального Юга на такие регионы как Южная Африка, Ближний Восток, Южная Америка, Южная Азия. Например, Дэниел Колеман из Мичиганского университета рассматривает концепт цифрового колониализма в Африке через аспекты законодательного подхода – как следствие использования западными технологическими гигантами слабо проработанных или скудных законов, регулирующих сферу распространения цифровой инфраструктуры и защиты данных пользователей, что позволяет коллективному Западу захватывать рынок и получать прибыль [1].

В целом, для осмысления такого явления как цифровой колониализм в контексте геополитических отношений важна работа Джозефа Ная «Кибер сила» (2010 г.). В рамках своей работы Дж. Най, как идеолог концептов «мягкая сила» и «умная сила», осмысляет новое измерение геополитического воздействия на страны, осуществляемое странами Запада посредством цифровых технологий и цифровой дипломатии, а также как цифровые технологии применяют для дестабилизации политической обстановки [2].

Не менее важным для понимания цифровой трансформации и процессов, связанных с ней, является труд Элвина Тоффлера «Третья волна» (1999 г.). Хотя сам мыслитель и не использовал термин «цифровая трансформация», но именно его интеллектуальному труду принадлежит осмысление концептуальных основ данного процесса. Э. Тоффлер подразумевал под «третьей волной» наступление века информационно-телекоммуникационных технологий, где диапазон власти смещается от тех, кто контролирует производство, в сторону тех, кто контролирует и владеет потоками информации, то есть тем, что сегодня принято называть «Большими данными» (*Big Data*). Тоффлер подмечает, что «Третья волна» принесет удивительные изменения в социально-политическую жизнь общества с точки зрения электронного взаимодействия, а на первый план мировой арены в экономике и международных отношениях выйдут технологические корпорации, основы которых уже были заложены в предыдущих формациях экономического развития общества [3].

Труд Мануэля Кастельса «Информационная эпоха: Экономика, общество и культура» (2000 г.) существенно важен в понимании процессов цифрового колониализма и цифровой трансформации. Как социолог М. Кастельс показал, как современное общество пришло к новой исторической фазе – информационно-

цифровой эпохе. В общем, для геополитического понимания тех процессов, которые исследуются в пределах данной исследовательской работы, положения Кастельса о том, что ИТ-технологии, их внедрение во все сферы жизни – от экономики до власти, критически важны. Нужно отдельно подчеркнуть, что исследователь указывает на феномен распределения власти акторов политического и международного процесса в цифровую эпоху. Она стала сетевой и логика власти перестает быть иерархичной. Контроль в мире цифрового господства протекает через управление потоками информации через сеть интернет, что в результате привело к формированию новой пространственной формы политических и экономических отношений через цифровые коммуникации – пространству потоков (*Space of flow*), противопоставляемой пространству территориальному (*Space of places*). В итоге, по мнению М. Кастельса, благодаря цифровой трансформации границы традиционных акторов международной политики – государств, размыты, а в сетевом пространстве все больше доминируют именно те акторы, которые управляют цифровой инфраструктурой потоков данных – технологические корпорации [4].

Несмотря на рост интереса исследователей к феномену цифрового колониализма, его региональные проявления в Центральной Азии остаются недостаточно освещенными в научных исследованиях. В рамках статьи рассматриваются отдельные аспекты данной проблематики.

Результаты исследования

Проведенный обзор проблемы в пределах данного исследования показывает, что цифровой ландшафт региона Центральной Азии на данный момент времени формируется под значительным влиянием западных технологических корпораций, которые предстают как негосударственные акторы глобальной политики. Активность данных корпораций существенно выходит за рамки просто экономического присутствия. Их деятельность обусловлена чертами политико-институционального характера, что явно видно на примере формирования и регулирования цифровой среды в регионе.

Выявлено, что стратегия цифрового развития таких стран как Кыргызстан и Казахстан находится в зависимости от развития глобальных стандартов и платформ, задаваемых западными корпорациями. Целенаправленное воздействие проводится через внедрение проектов по цифровизации экономики, бизнеса, государственных услуг, и стандартов образования в области ИТ-технологий. Особый упор корпорации делают на проекты в сфере облачной инфраструктуры.

В регионе Центральной Азии наблюдается тенденция к интеграции политических и экономических инструментов в деятельности негосударственных акторов, в рамках которой посредством инвестиционных и грантовых механизмов, а также специализированных программ формируются устойчивые векторы политического взаимодействия со странами региона, основанные на асимметричном распределении ресурсов и влияния, выражающемся в концентрации технологических платформ, цифровой инфраструктуры и массивов данных в руках негосударственных акторов.

Таким образом, констатируется, что ключевые узлы цифровой инфраструктуры в регионе как каналы обработки цифровых данных, операционные системы,

аналитические платформы и облачные сервисы находятся под контролем технологических гигантов Запада.

Дискуссия

Исторические параллели и концептуальные основы

Колониализм как политическое явление представляет собой систему социально-экономического господства метрополий западных государств над Новым и Старым Светом, длившейся вплоть до конца XX века. Как форма политических отношений колониализм характеризовался социально-экономическими практиками эксплуатации и угнетения народонаселения и использованием природных ресурсов менее развитых стран в рамках чего происходил насильственный захват территории иностранного государства или его частичная оккупация.

Геополитические амбиции западных государств заключались в трансформации малоразвитых стран третьего мира в систему региональных провинций с ярко выделявшейся политической несамостоятельностью и отсутствием собственного правового статуса, в целях удержания военно-политического превосходства. Под эгидой привнесения цивилизации путем культурной и языковой экспансии страны западного мира силовыми методами удерживали политический и экономический контроль над географическими регионами мира вплоть до конца 1990-х годов.

Результатами политики колониализма явились следующие показатели: экономическая выгода, политическое влияние и социокультурное доминирование. Экономическая сторона колонизации способствовала не только получению заветных природных ресурсов, тающихся в недрах новых регионов, но установление контактов и доступа к рынкам и ресурсам соседних государств, что выражалось в расширении торгово-экономического партнерства и создании новых рынков с продолжением колониальной экспансии. В этом плане политическое влияние позволяло доминировать над соседними народами и странами для расширения геополитического влияния метрополий запада.

Внедрение языка и религиозных обычаев в социально-культурном плане помогало колонизаторам установить западноевропейские ценности и образ жизни с целью культурной ассимиляции. После Второй мировой войны под эгидой ООН начался процесс деколонизации. Данный процесс был закреплён в международном праве посредством принятия специализированных нормативно-правовых актов, ключевым из которых стала Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Вместе с тем формальное оформление принципов деколонизации не всегда сопровождалось достижением полной политико-экономической самостоятельности, вследствие чего значительная часть государств сохраняла асимметричную зависимость от развитых западных стран, что обусловило формирование системы государств-сателлитов.

Цифровой колониализм имеет четко прослеживаемые параллели с исторической колонизацией традиционного типа. Этот же факт подчеркивается Ником Колдри, профессором по медиакоммуникациям лондонской школы экономики и политических наук в труде «Издержки подключения: как данные колонизируют человеческую жизнь и используют ее в интересах капитализма» (2019 г.). Итак, он пишет, что «исторический колониализм и информационный колониализм имеют некоторые

общие фундаментальные структуры, которые лежат в основе распределения ресурсов и социальных отношений в каждой из них... социальные отношения, воплощенные в [цифровых] данных, являются частью более широкого колониального (а не только капиталистического) наследия. Это наследие предполагает более высокую степень отчуждения, чем обычно признается с традиционной марксистской точки зрения...» [5, р. 84–85]. Если в историческом прошлом политика колониализма преследовала цели господства над менее развитыми странами, добычи экономических ресурсов, то цифровой колониализм как явление современных политических отношений имеет практически схожие мотивы.

Что же представляет из себя цифровой колониализм? Сегодня цифровой колониализм предстает как процесс перехвата политико-экономического лидерства в развивающихся странах Центральной Азии за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сектора экономики, государственного и социального управления.

Профессор МГУ Андрей Манойло пишет по этому поводу следующее: «термин «цифровой неоколониализм» появился еще 20 лет назад, и уже тогда прозвучали первые прогнозы о том, что отстающие страны могут попасть в зависимость нового колониального типа»¹. Сегодня развивающиеся страны зависят от предоставляемых технологий, разработанных за рубежом. По своей сути, цифровой колониализм – это процесс, при котором более развитые страны или корпорации используют цифровые технологии для установления экономической, политической и культурной доминирования над менее развитыми регионами. Фактически цифровой колониализм – это современная форма колониализма, где вместо территориального захвата происходит захват и контроль цифрового пространства развивающихся суверенных государств: «борьба великих держав за влияние в какой-либо крупной части мира или в планетарном масштабе традиционно рассматривалась в качестве стратегии, рассчитанной на реализацию возможностей, связанных с контролем пространства... Развитие технологий информации и коммуникации (сегодня – цифровых технологий) вносит в эту динамику качественные изменения... В то же время контроль в киберпространстве становится важнейшим фактором обеспечения контроля физических территорий и политико-экономической экспансии в различных уголках планеты» [6, с. 25–26].

Так негосударственные акторы международной политики, под которыми понимаются технологически развитые державы, прекрасно осознают важность киберпространства как отражения или своеобразной проекции территориального статуса остальных государств и в связи с этим «киберпространство все больше локализуется государствами посредством деятельности и технических регламентов. Государства рассматривают киберпространство как продолжение существующего географического статус-кво и расширили свои правовые сферы, чтобы охватить его таким образом, одновременно приступая к выполнению международных конвенций в киберпространстве. Технологически государства сохраняют огромную власть над

¹ Россия остановит цифровой колониализм. 29.01.2021 // Р-Техно: [сайт]. URL: <https://r-techno.com/en/blog/1416-Rossia-ostanovit-tsifrovoy-kolonializm-SShA.html> (дата обращения: 08.05.2025)

частью киберпространства, которая находится в пределах и за пределами их собственного географического положения» [7, р. 9].

Между цифровым колониализмом и традиционным есть еще несколько сходств, сближающих их по своему сущностному содержанию. Цифровой колониализм преследует цель контроля над цифровой инфраструктурой и в соответствии с этим, современные «колонизаторы – это цифровые компании. Они создают коммуникационную инфраструктуру, такую как платформы социальных сетей и сетевое подключение, с четкой целью сбора данных, получения прибыли и/или хранения данных в качестве сырья для прогнозной аналитики» [1, р. 422]. Большинство развивающихся и даже развитых стран зависят от облачных серверов и центров обработки данных, находящихся под контролем западных технологических корпораций. Фактор контроля за инфраструктурой позволяет коллективному Западу держать под контролем спектр оказываемых цифровых услуг и потоки информации, проходящей через сервера и облачные хранилища. Фактически, это приводит к извлечению данных пользователей и государственных структур, что приводит к определенным политическим рискам в области стабильности и безопасности государств.

Влияние западных технологических корпораций на цифровую трансформацию в центральноазиатском регионе

Страны Центральной Азии всегда находились в поле пристального внимания глобальных политических игроков. Со времен получения собственной независимости и самостоятельности от СССР пять республик Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан выработали рабочие стратегии внешнеполитического взаимодействия как со своими соседями по региону, так и с крупными международными игроками как коллективный Запад, КНР и Российская Федерация.

Уникальное географическое расположение республик представляет собой торговый хаб, через который транзитом проходит товарооборот между КНР и РФ. Через республики открывается экономический трансфер на рынки Ближнего Востока и Индии через соседний Туркменистан. Данные факторы обуславливают значение Центральной Азии как важного географического региона, за который ведется геополитическая борьба. Фактически, Российской Федерации и КНР важно поддерживать дружественный статус с республиками в осуществлении своих приоритетов исходящих из положений своих внешнеполитических доктрин об экономическом, политическом развитии и поддержании политической стабильности.

Тем не менее, в общемировой геополитической борьбе коллективному Западу подобный ход развития событий видится наихудшим. В результате чего, наблюдается различное противодействие и попытки перехватить политическое влияние в данном регионе через различные инфраструктурные проекты и инициативы.

Цифровая трансформация центральноазиатского региона в свете геополитических прений предстает как соответствующая возможность. В последнее время цифровые технологии и инфраструктура, связанная с ними, превратились в довольно важный инструмент для развития государств Центральной Азии. Например, «...в Кыргызстане говорят о цифровой трансформации как о возможности преодолеть

отставание в развитии республики» [8, с. 65], но вместе с тем, это открывает и возможность для международных усилий в целях установления цифрового контроля.

Нельзя отрицать факт, что коллективный Запад и западные технологические корпорации в регионе Центральной Азии играют практически ключевую роль в развитии технологической инфраструктуры государств. Страны Центральной Азии сегодня значительно зависят от предоставления различных интернет-услуг в сферах экономики, социального обслуживания и политического управления. Технологический контроль и цифровая инфраструктура республик центрально-азиатского региона в основном сосредоточена в руках западных технологических корпораций и межгосударственных структур как Всемирный Банк, спонсирующие программы цифровизации региона.

Даже если брать во внимание, что для инфраструктурного баланса стран Центральной Азии немало оборудования для сетевого трафика предоставляется китайскими корпорациями как «*Huawei*». Большинство стран Центральной Азии активно используют технологии западных корпораций в сфере связи, интернета, электроники и программного обеспечения. Примером является доминирование таких компаний, как *Google*, *Microsoft*, *Cisco* и др. которые поставляют свою продукцию и программное обеспечение в эти страны. К слову, *Cisco* – американская транснациональная корпорация-разработчик сетевого оборудования, а также программного обеспечения в сфере кибербезопасности в 2024 году запустила в Кыргызстане платформу «*Cisco Meraki*» на облачной архитектуре, которая объединяет сетевой поток через беспроводные точки доступа: «компании Кыргызстана получают доступ к передовым сетевым решениям, которые позволят повысить эффективность бизнеса и обеспечить надежную работу сетевой инфраструктуры»². Цели внедрения данной платформы не просто цифровизация и кибербезопасность, а внедрение цифровых инфраструктурных технологий в бизнес, образование, производство и торговлю, что с определенной долей вероятности открывает Западу стратегические возможности влияния и давления на политический курс страны. О планах участия в цифровизации Центральной Азии американская корпорация заявляла в 2018 г. Тогда при поддержке корпорации и Всемирного банка в рамках инвестиционного проекта Цифровая Центральная Азия и Южная Азия – КР (*Digital Casa – Kyrgyz Republic*) обсуждались идеи строительства регионального центра по обработке больших данных и «Умного города».

Корпорация *Google* довольно тесно сотрудничает в области цифровизации с центрально-азиатскими странами. Цели корпорации состоят в том, что адаптировать республики к последним новшествам цифровой экономики. В рамках форума тюркских государств, прошедшего в ноябре 2024 г. в Бишкеке, освещалась тематика направлений, по которым технологический гигант сосредоточил свою деятельность в странах Центральной Азии. Одним из таких направлений является внедрение инструментов на основе искусственного интеллекта. В соответствии с этим, *Google* делает ставку на продвижение цифровой трансформации через систему школьного

² Революция в сетевых технологиях: *Cisco Meraki* теперь доступна в Кыргызстане. 04.10.2024 // *KaktusMedia*: [сайт]. URL: https://kaktus.media/doc/510562_revolutciia_v_setevyh_tehnologiiiah:_cisco_meraki_teper_dostypna_vkrgyzstane.html (дата обращения: 08.05.2025).

образования с превентивной подготовкой обучающихся со школьной скамьи к работе с приложениями на основе генеративных нейросетевых моделей. Важно подчеркнуть, что формирование человеческого капитала, через внедрение в учебный процесс программ при поддержке технологических западных компаний – одно из стратегических проявлений «*Soft power*» и «*Cyber power*» западной империалистической доктрины в международной практике и внешней политике. «Цифровые технологии, разработанные транснациональными корпорациями, также способствуют использованию мягкой силы в сфере образования. Компании, работающие в сфере электронных технологий, продвигают свои транснациональные сети школ и академий в обход национальных государств, а также соответствующие профессиональные сертификаты» [9, р. 364]. В связи с этим можно утверждать, что внедрение систем генеративных нейросетей в образовательную и профессиональную среду определяется не только технологической логикой развития, но также и экономическими причинами. Поскольку контроль над цифровой инфраструктурой и данными искусственного интеллекта сосредоточен в руках крупных технологических компаний, заинтересованных в расширении рынков и усилении их влияния [10, р. 1233].

Технологический гигант Microsoft в своей деятельности и влиянии на цифровую трансформацию в Центральной Азии также осуществляет активное воздействие через мягкую силу. Так, в Казахстане 7 декабря 2022 г. между технологическим гигантом и Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан был подписан меморандум о тесном сотрудничестве, включающем в себя задачи повышения цифровой грамотности, компетенций и навыков в области высшего и школьного образования через внедрение собственных инновационных программ в обучении.

Программы вводятся на уровне национального казахского языка в целях его продвижения. Вице-министр Казахстана Камиль Акатов подчеркнул: «мы подписали меморандум о сотрудничестве с компанией «*Microsoft Kazakhstan*». Одним из главных направлений нашего сотрудничества будет продвижение казахского языка. В продукты Microsoft, в том числе в интерфейсы по работе с речью и текстом, будет интегрирован государственный язык. Особенно это важно для людей с нарушениями слуха и зрения, которые хотят продолжать обучение»³.

В Казахстане продукты Microsoft доступны посредством интерактивного портала «*Microsoft Learn*», а также «*Microsoft Learn for Educators*». Корпорация взяла на себя обязательства в посильном консультировании казахского министерства науки и высшего образования по вопросам реновации образовательных программ и подготовке специалистов в IT-индустрии, а также роста качества инноваций и научной деятельности посредством внедрения научно-учебных лабораторий «*Microsoft Azure Labs*» для обучения навыкам и компетенциям казахского человеческого капитала в таких областях как аналитика больших данных, искусственный интеллект, машинное обучение и интернет-вещей⁴.

³ Подписан меморандум между министерством науки и высшего образования Республики Казахстан и Microsoft, 07.12.2022 // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов Gov.kz: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/472471?lang=ru> (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Использование цифровых возможностей Microsoft казахстанскими педагогами и школами, обновление учебных программ по информатике, совместная работа в инклюзии и другие

Угрозы и политические риски цифровой зависимости

Центрально-азиатский регион сильно уязвим в плане политической стабильности. Цифровая трансформация государств, входящих в регион, является чувствительным к внешнему влиянию звеном в геополитическом контексте. Политические риски для региональной стабильности весьма возрастают ввиду того, что угрозе способствует географическое положение региона. Цифровое пространство республик Центральной Азии лежит на пересечении интересов крупных геополитических игроков как западная коалиция, России и КНР, что делает его потенциальной площадкой для информационной борьбы.

В этот риск входит проведение киберопераций хакерских групп, подконтрольных внешнеполитической силе, заинтересованной в дестабилизации национальной безопасности в государствах региона. Впервые такие опасения «относительно превращения Центральной Азии в «хакерский полигон» высказывались еще в 2015 г., когда компания *Deloitte* представила доклад о состоянии цифровой инфраструктуры региона. В материале отмечалось наличие значительного количества уязвимостей и лазеек, которыми могли воспользоваться как «боевые хакеры» других стран»⁵. И данная угроза набирает обороты. Особенно с переходом государственного управления и обслуживания населения на полное или частичное цифровое взаимодействие. Перехват цифровых данных и цифровые диверсии могут значительно дестабилизировать регион и без того оцениваемый как политически и экономически нестабильный. Предполагая, например, ситуацию – если цифровые данные о политических решениях, будут носить компрометирующий характер, это в свою очередь обратит народонаселение против легитимной власти или хуже того, может вызвать пограничные конфликты с соседним государством.

Неудивительно, что подобный подчёрк в политических операциях в большей мере соответствует западному методу ведения информационной войны в киберпространстве как составляющей гибридных войн. На этом фоне неоднозначная дискуссия о возможных манипуляциях внутривнутриполитическими процессами в странах Центральной Азии через инструменты цифрового воздействия приобретает все более актуальный характер. Усиление технологической зависимости от иностранных поставщиков оборудования и программного обеспечения усиливает опасения по поводу возможности скрытого влияния на политические и управленческие процессы.

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что критически важные узлы цифровой инфраструктуры – центры обработки данных, каналы связи, системы электронной отчетности и цифровой идентификации во многих случаях создаются или поддерживаются при участии зарубежных компаний, чьи национальные интересы могут вступать в противоречие с суверенными интересами государств региона. Подобная ситуация закладывает основу для так называемой «структурной зависимости», когда

договоренности – министерство просвещения подписало меморандум о сотрудничестве с компанией Microsoft. 06.12.2022 // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов Gov.kz: [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/press/news/details/471753?lang=ru> (дата обращения: 08.05.2025).

⁵ Центральная Азия столкнулась с нарастающими цифровыми угрозами. 14.08.2023 // Интернет-портал СНГ: [сайт]. URL: <https://e-cis.info/news/566/111188/> (дата обращения: 08.05.2025).

страна, не обладая собственными цифровыми технологиями и кадрами, вынуждена следовать внешней повестке, навязываемой поставщиками решений.

Эта зависимость усугубляется в условиях растущей конкуренции между Китаем, США и Россией за влияние в Евразии. Каждый из этих игроков стремится закрепиться на «цифровом плато» региона – будь то через экспорт оборудования, внедрение стандартов связи, участие в разработке нормативных актов или обучение специалистов. В результате, государства Центральной Азии все чаще оказываются втянутыми в «цифровую дилемму выбора» между конкурирующими платформами, технологиями и версиями протоколов политики конфиденциальности. Прямым следствием этого становится не только техническая фрагментация цифровой среды, но и политизация цифровой инфраструктуры. Сегментация глобального цифрового сотрудничества оказывает растущее влияние на различные регионы и региональных акторов [11, с. 69].

Опасения касаются не только угроз утечки данных или саботажа, но и перспектив использования цифровых каналов, таких как социальные сети для информационного давления, вмешательства в электоральные процессы, дискредитации лидеров и даже подрыва доверия к институтам власти. В целом, в экспертных кругах уже давно обсуждаются различные сценарии применения технологий «глубокой фальсификации» (*deep fake*) в рамках гибридных кампаний, направленных на подрыв политической стабильности. В условиях низкой цифровой грамотности значительной части населения Центральной Азии такие технологии могут быть особенно опасны, создавая основу для масштабных манипуляций общественным сознанием.

В общем, следует констатировать, что «развитые страны используют свои преимущества в информационных технологиях для достижения «односторонней прозрачности» над развивающимися странами, и сетевая политика стала важным политическим инструментом. Социальные медиаплатформы активно применяются для поддержки политических оппозиционных групп и проведения цветных революций в различных странах, а также для распространения экстремистских идей и вербовки членов террористических организаций. В этой новой геополитической реальности возникли реальные сетевые войны, такие как войны общественного мнения и культурно-идеологические войны, разворачивающиеся в интернете» [12, С. 33].

Таким образом, цифровая трансформация, при всех своих очевидных преимуществах, несет в своей сущности довольно серьезные геополитические риски. Без выработки независимой стратегии цифрового суверенитета, развития собственных технологических компетенций и укрепления кибербезопасности, государства Центральной Азии рискуют оказаться не субъектами, а объектами в борьбе мировых держав за влияние в цифровом измерении.

Заключение

Цифровая трансформация в регионе Центральной Азии, как представляется на первый взгляд, представляет собой логичный шаг этих стран на пути собственной модернизации и интеграции в глобальную цифровую экономику. Однако, при довольно углубленном анализе проблемы становится очевидно, что внедрение технологий западного происхождения сопровождается не только инфраструктурным

развитием, но и нарастающей зависимостью от внешних акторов, интересы которых далеко не всегда совпадают с национальными приоритетами государств региона.

Анализируя примеры взаимодействия с такими транснациональными корпорациями, как *Microsoft*, *Cisco* и *Google*, мы можем констатировать такой факт, что под видом содействия цифровой грамотности, развития генеративных нейросетевых моделей и модернизации образования в области цифровых решений, постепенно формируется новая архитектура цифрового контроля. Этот процесс включает не только техническое оснащение, но и ментальную перестройку обучаемых поколений экспертами-преподавателями в логике западных цифровых парадигм в ключе хорошо известных концептов «кибер сила» и «мягкая сила». Так, использование «умной силы» в форме образовательных инициатив, интеграции национальных языков в продукты и услуги, а также прямого участия в разработке цифровых политик на уровне министерств свидетельствует о целенаправленном формировании устойчивой зависимости.

Стоит отметить отдельно и исторические аналогии с колониализмом. Отнюдь, они не являются преувеличением. Как и в эпоху классического колониального господства, цифровой колониализм стремится к установлению контроля не только над территориями, но и над потоками данных, информационными системами и, в конечном счете, над сознанием и поведением населения. Эксплуатация ресурсов в этом случае принимает форму извлечения данных пользователей, вмешательства в локальные нормативные процессы и навязывания политико-экономической повестки, выгодной внешним игрокам. Такая форма доминирования менее заметна, но не менее эффективна и, что особенно важно, труднее обратима.

В итоге, государства Центральной Азии оказываются в положении так называемого «цифрового перекрестка», где наличие неизбежной необходимости цифровой модернизации сталкивается с риском утраты собственного цифрового суверенитета. Под угрозой оказываются не только данные и цифровая инфраструктура, но и независимость в принятии политических решений, устойчивость институтов власти и самобытность национальных стратегий развития. Особенно опасной тенденцией становится вовлечение региона в глобальную геополитическую конфронтацию через призму технологических платформ и цифровых стандартов, навязываемых конкурирующими центрами силы как США и Китай.

Без целенаправленной политики по формированию собственных цифровых компетенций, наращивания локального производства цифровых решений и укрепления цифрового суверенитета, Центральная Азия рискует окончательно превратиться в объект цифровой экспансии, не имеющий собственного голоса в формировании глобального цифрового порядка. В этом контексте, важно осознавать ценность переосмысления подходов к процессу цифровизации как к вопросу не только экономическому, но прежде всего, как геополитическому. Формирование координированной региональной стратегии цифрового развития, усиление регуляторной базы, поддержка локальных технологических инициатив и развитие критического мышления у населения, это всего лишь некоторые из превентивных шагов, которые способны смягчить угрозу цифровой зависимости и вернуть странам региона контроль над своим собственным цифровым будущим.

Таким образом, Центральная Азия сегодня стоит перед выбором – либо стать ареной технологического соперничества внешних держав, потеряв цифровой суверенитет, либо субъектом собственной цифровой траектории, основанной на принципах независимости, устойчивости и стратегического баланса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Coleman, D. Digital Colonialism: The 21st Century Scramble for Africa through the Extraction and Control of User Data and the Limitations of Data Protection Laws // *Michigan Journal of Race and Law*. 2019. Vol. 24. Iss. 2. P. 417–439. <https://doi.org/10.36643/mjrl.24.2.digital>.
2. Nye, J. *Cyber Power*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2010. 30 p. [эл. доступ]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/cyber-power> (дата обращения: 08.10.2025).
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Couldry, N., Mejjias, U.A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. California, Stanford: Stanford University Press, 2019. 352 p.
6. Ефременко Д.В. Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 2. С. 25–43. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-2>. EDN: QUDXUM.
7. Cameran, H.A. *The Spatiality of Power in Internet Control and Cyberwar*. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Geography. Los Angeles: University of California, 2015. XII, 341 p. [эл. доступ]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/0w99g31p> (дата обращения: 24.10.2025).
8. Акматалиева А.М. Цифровизация в государствах Центральной Азии и проекты «умных городов» // *Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество*. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Часть 2. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 64–67. EDN: ZVHGPy.
9. Dovigo, F. Envisioning a New Model of Network Governance for Global Education // *Prospects. Comparative Journal of Curriculum, Learning, and Assessment*. 2024. Vol. 54. Iss. 2. P. 361–370. <https://doi.org/10.1007/s1125-024-09698-5>.
10. Palenski, T., Hills, L., Unnikrishnan, S., Eynon, R. How AI Works: Reconfiguring Lifelong Learning // *Postdigital Science and Education*. 2024. Vol. 6. Iss. 4. P. 1216–1239 <https://doi.org/10.1007/s42438-024-00496-y>.
11. Канаев Е.А., Новик Н.Н., Кулясов Н.С., Федоренко Д.О. АСЕАН в условиях цифровой фрагментации // *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 66–73. <https://doi.org/10.31857/S032150750030442-8>. EDN: FOZRHG.
12. Безносков М.А. Цифровизация геополитики: конфликт и сотрудничество // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2024. № 2. С. 27–46. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-27-46>. EDN: TEEAXL.

REFERENCES

1. Coleman, D. Digital Colonialism: The 21st Century Scramble for Africa through the Extraction and Control of User Data and the Limitations of Data Protection Laws. *Michigan Journal of Race and Law*. 2019. Vol. 24. Iss. 2. P. 417–439. <https://doi.org/10.36643/mjrl.24.2.digital>.
2. Nye, J. *Cyber Power*. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2010. 30 p. Available at <https://www.belfercenter.org/publication/cyber-power> (accessed: 08.10.2025).
3. Toffler, A. *The Third Wave. The Classic Study of Tomorrow*. Moscow: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 p. (In Russian).
4. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: GU VShE, 2000. 608 p. (In Russian).

5. Couldry, N., Mejias, U.A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. California, Stanford: Stanford University Press, 2019. 352 p.
6. Efremenko, D.V. The Formation of Digital Society and Geopolitical Competition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 25–43. (In Russian) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-2>. EDN: QUDXUM.
7. Cameran, H.A. *The Spatiality of Power in Internet Control and Cyberwar*. A dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in Geography. Los Angeles: University of California, 2015. XII, 341 p. Available at <https://escholarship.org/uc/item/0w99g31p> (accessed: 24.10.2025).
8. Akmatolieva, A.M. Digitalization in Central Asia and Projects of “Smart Cities”. *Prigranichnyy region v istoricheskom razviti: partnerstvo i sotrudnichestvo [The Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation]*. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu Pobedy sovetskikh i mongolskikh voysk na reke Khalkhin-Gol [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Victory of Soviet and Mongolian Troops at the Khalkhin Gol River]. Part 2. Chita: Tbsu, 2019. P. 64–67. (In Russian). EDN: ZVHGPy.
9. Dovigo, F. Envisioning a New Model of Network Governance for Global Education. *Prospects. Comparative Journal of Curriculum, Learning, and Assessment*. 2024. Vol. 54. Iss. 2. P. 361–370. <https://doi.org/10.1007/s11125-024-09698-5>.
10. Palenski, T., Hills, L., Unnikrishnan, S., Eynon, R. How AI Works: Reconfiguring Lifelong Learning. *Postdigital Science and Education*. 2024. Vol. 6. Iss. 4. P. 1216–1239 <https://doi.org/10.1007/s42438-024-00496-y>.
11. Kanaev, E.A., Novik, N.N., Kulyasov, N.S., Fedorenko, D.O. ASEAN amidst the Digital Fragmentation. *Asia and Africa Today*. 2024. No. 3. P. 66–73. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750030442-8>. EDN: FOZRHG.
12. Beznosov, M.A. The Digitalization of Geopolitics: Conflict and Cooperation. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2024. No. 2. P. 27–46. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-27-46> EDN: TEEAXL.

Сведения об авторах / Information about authors

Уткин Дмитрий Витальевич – начальник отдела научных проектов научно-инновационного управления; Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина.

E-mail: d.v.utkin@krsu.kg

ORCID: 0000-0002-2451-1716

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Utkin Dmitriy V. – Head of the Scientific Projects Department, Research and Innovation Management; Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin.

E-mail: d.v.utkin@krsu.kg

ORCID: 0000-0002-2451-1716

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025.
Одобрена после рецензирования 24.01.2026.
Принята 27.01.2026.

Received 11.11.2025.
Approved after reviewing 24.01.2026.
Accepted 27.01.2026.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья / research article

УДК: 327,7

EDN: [RFLJVR](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.7](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Маркиз де Кондорсе едет в Евразию: к вопросу о принятии решений в наднациональных интеграционных объединениях квалифицированным большинством голосов

Ланко Дмитрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 d.lanko@spbu.ru

Аннотация

Введение. В исследовании сравниваются Евразийский экономический союз – интеграционное объединение с пятью странами-участницами – и Европейский союз, в котором двадцать семь стран. Цель исследования – представить модель, полученную в результате исследования влияния роста числа стран-участниц интеграционного объединения на процесс принятия решений в нем. Отмечается, что в Европейском союзе постоянно расширяется круг вопросов, по которым Европейский совет принимает решения квалифицированным большинством голосов, в то время как в Евразийском экономическом союзе решения принимаются квалифицированным большинством голосов лишь в Коллегии Евразийской экономической комиссии, причем наблюдается тенденция к сужению круга таких вопросов.

Методы и материалы. Методологические модели, используемые для объяснения парадокса Кондорсе и его последствий, объединяются в статье с методологическими моделями, выработанными в рамках теории игр. Эмпирическую базу исследования составляют документы Евразийского экономического союза и Европейского союза, позволяющие построить модели процессов принятия решений в двух этих интеграционных объединениях.

Результаты. Представленные в публикации модели процессов принятия решений в Евразийском экономическом союзе и в Европейском союзе позволяют доказать, что увеличение числа стран-участниц в интеграционных объединениях приводит к увеличению зависимости результатов голосования при принятии решений (квалифицированным) большинством голосов от тех правил, в соответствии с которыми проводится голосование, при том, что никакие такие правила нельзя считать идеальными. В статье демонстрируется, что это отличие обуславливается числом стран-участниц в двух интеграционных

объединениях: увеличение их числа приводит к стремлению расширить круг вопросов, по которым решения могут приниматься большинством голосов.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты представляются парадоксальными: с одной стороны, чем больше в интеграционном объединении стран-участниц, тем больше они стремятся расширить круг вопросов, по которым они могут принимать решения большинством голосов, но с другой стороны, тем в большей степени исход такого голосования начинает зависеть от его процедуры. Выявленный парадокс позволяет обосновать введение самостоятельной категории – мини-латеральных интеграционных объединений – для обозначения тех, где число стран-участниц мало, а также сделать вывод о необходимости разработки особых моделей анализа процесса принятия решений в мини-латеральных интеграционных объединениях, отличные от тех, которые используются для многочисленных интеграционных объединений.

Ключевые слова: интеграционные объединения; процесс принятия решений; консенсус; квалифицированное большинство голосов; парадокс Кондорсе; мини-латерализм

Для цитирования: Ланко Д.А. Маркиз де Кондорсе едет в Евразию: к вопросу о принятии решений в наднациональных интеграционных объединениях квалифицированным большинством голосов // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 118–139. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.7>. EDN: RFLJVR.

© Ланко Д.А., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Marquis de Condorcet Goes to Eurasia: Making Decisions by Qualified Majority Voting in Supranational Integration Unions

Dmitry.A. Lanko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 d.lanko@spbu.ru

Abstract

Introduction. The article contrasts the Eurasian Economic Union, an integration union with only five member states, to the European Union, which has twenty-seven member states. The aims of research at presenting the model obtained as a result of a study of the impact of the growth in the number of countries participating in an integration union on the decision-making process in it. It notes that the European Union tends to increase the number of policy areas that allow making decisions by qualified majority voting in the European Council. In the Eurasian Economic Union, qualified majority voting is only allowed in the Collegium of the Eurasian Economic Commission, and even there the number of policy areas that allow qualified majority voting tends to decline.

Methods and material. The article combines the methodological models traditionally used as means of explanation of the Condorcet paradox with those that emerged out of the game theory. The empirical basis of the article consists of documents of the Eurasian Economic Union and the European Union, which allows constructing models of decision-making processes in these two supranational integration unions.

Results. The research model presented in the article allows concluding that enlargement of integration unions also makes outcomes of (qualified majority) voting more dependent on voting procedure in the situation when none of possible voting procedures is ideal. The article demonstrates that the difference in the tendencies of decision-making is caused by the difference in the number of member states: enlargement in terms of the number of member states makes integration unions increase the number of policy areas allowing making decisions by qualified majority voting.

Discussion and Conclusions. The results of the study are paradoxical: on one hand, the more member states an integration union has, the more it tends to increase the number of policy areas allowing decision-making by qualified majority voting. On other hand, the more member states it

has, the more outcomes of the qualified majority voting tend to depend on the voting procedure. That paradox justifies introduction of the concept of minilateral integration unions to indicate those such unions that have only few member states. The article concludes that such integration unions require models of analysis that were different from those applied when analyzing integration unions that have multiple member states.

Keywords: integration unions; decision-making; consensus; qualified majority vote; Condorcet paradox; minilateralism

For citation: Lanko, D.A. Marquis de Condorcet Goes to Eurasia: Making Decisions by Qualified Majority Voting in Supranational Integration Unions. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 118–139. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.7>. EDN: RFLJVR.

© Lanko, D.A., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Евразийский экономический союз создавался и продолжает развиваться под сильным влиянием опыта Европейского союза. Еще до формального вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе для ряда, например белорусских, экспертов, аргументом в поддержку решения о присоединения их страны к Договору являлось то, что «Договор о ЕАЭС в содержательном отношении весьма похож на Римский договор о создании Европейского экономического сообщества 1957 г.» [1]. Через пять лет после появления ЕАЭС многие эксперты из стран союза продолжали констатировать, что «экономическая интеграция стран на постсоветском пространстве идет по пути Европейского союза в части заимствования принципов организации» [2]. В самом деле, несмотря на существенные различия в экономических особенностях шести стран, подписавших в 1957 г. Римский договор, и пяти стран, вошедших в ЕАЭС в 2015 г., между двумя интеграционными объединениями наблюдается значительное институциональное сходство.

Как следствие, перед двумя интеграционными объединениями стоят схожие вызовы в сфере управления. Некоторые эксперты, констатируя общность этих вызовов, недоумевают, почему в этих условиях взаимодействие между ними отсутствует даже на техническом уровне, хотя теория рационального выбора предполагает, что такое сотрудничество не может не возникать, и возлагают вину за отсутствие такого взаимодействия на «нормативный конфликт» между двумя интеграционными объединениями [3]. Можно предположить, что отсутствие взаимодействия обуславливается доминирующим в Европе дискурсом, благодаря которому любые попытки стран за пределами Европы создать институты по европейскому образцу оцениваются европейцами как «похожие, но не совсем», а соответственно, как недостойные равноправного взаимодействия [4]. Отсутствие формального или технического сотрудничества между институтами ЕС и ЕАЭС не препятствует—дальнейшему изучению вызовов в сфере управления, с которыми сталкивается Евросоюз, с целью предсказать те вызовы, с которыми в перспективе может столкнуться ЕАЭС.

Европейские сообщества и до своего превращения в Европейский союз в 1992 г., и после создания ЕС пережили несколько волн расширения, благодаря чему число членов этого интеграционного объединения выросло с шести членов-основоположников в 1957 г. до нынешних двадцати семи. Хотя все пять стран-

участниц Евразийского экономического союза присоединились к нему в течение 2015 г., только три из них можно считать основоположницами этого интеграционного объединения: Беларусь, Казахстан и Россия. Армения и Кыргызстан присоединились к ЕАЭС позже, причем некоторые эксперты обратили внимание на существенную разницу в уровнях экономического развития между тремя основоположниками союза и двумя странами, присоединившимися позже [5]. Прозвучали предостережения, что ЕАЭС «рискует... не переварить масштабы своего расширения и погрузиться в кризис» [6, с. 70]. Однако, поскольку Армения и Кыргызстан присоединились к ЕАЭС в год его основания, нет данных, которые позволили бы сравнить эффективность управления в этом интеграционном объединении до и после присоединения этих двух стран, для ответа на вопрос: повлияло ли расширение союза на эффективность его управления?

В Европейском союзе временные отрезки, отделявшие разные «волны расширения» друг от друга, были достаточно длинными для того, чтобы оценить влияние увеличения числа членов на эффективность процесса принятия решений на наднациональном уровне. Несмотря на это, исследователи европейской интеграции так и не пришли к единому мнению относительно влияния расширения ЕС на эффективность процесса принятия решений. Часть экспертов не усмотрели взаимосвязи между расширениями Евросоюза и эффективностью процесса принятия решений в нем. Так, анализ, результаты которого представил Дж. Голуб в 2007 г., показал, что скорость процесса принятия решений после каждой «волны расширения», а также после каждого увеличения числа вопросов, по которым Европейский совет принимает решение не консенсусом, но квалифицированным большинством голосов, даже увеличивается [7]. Этот анализ основывался на данных до 2002 г., то есть не принимал во внимание влияние на процесс принятия решений в ЕС расширения 2004 г., когда к нему присоединилось десять новых стран-участниц. Однако в 2016 г. Д. Тошков представил результаты своего анализа, основывающегося на данных до 2012 г. [8], и его выводы совпали с выводами Дж. Голуба.

Другая часть экспертов, однако, прямо указала на негативное влияние расширения Европейского союза на эффективность процесса принятия решений. Так, Р. Гертц и Д. Леффен проанализировали сроки принятия всех директив, постановлений и решений, предложенных Европейской комиссией в период между 1976 г., когда в Европейских сообществах было всего девять стран-участниц, и 2006 г., когда их число выросло до двадцати пяти, и пришли к выводу, что рост числа членов замедляет процесс принятия решений [9]. Аналогично Т. Кениг, проанализировав сроки принятия решений в Евросоюзе между 1984 г., до присоединения к Европейским сообществам Испании и Португалии, и 1999 г., после вступления Австрии, Финляндии и Швеции, сделал вывод, что процесс принятия решений замедлился; правда, в качестве причин замедления он назвал не только увеличение числа стран-участниц, но и усиление роли Европейского парламента [10]. Те же данные позволили ему сделать заключение, что расширение числа вопросов, по которым Европейский совет может принимать решения квалифицированным большинством голосов вместо консенсуса, компенсирует это снижение эффективности процесса принятия решений.

Договор о Евразийском экономическом союзе предусматривает, что все решения в Высшем совете, в Межправительственном совете и в Совете комиссии принимаются консенсусом, и лишь Коллегия Евразийской экономической комиссии может принимать решения, распоряжения и рекомендации квалифицированным большинством голосов¹. Одновременно действует «Перечень чувствительных вопросов», по которым решения Коллегии принимаются консенсусом². В результате этих дополнений число пунктов в этом перечне выросло с 32 в 2015 г. до 50 десять лет спустя. Иными словами, круг вопросов, по которым Коллегия Евразийской экономической комиссии может принимать решения квалифицированным большинством голосов, за десять лет работы ЕАЭС существенным образом сократился.

В свою очередь, в Европейском совете возможность принятия решений квалифицированным большинством голосов была закреплена еще в Римском договоре 1957 г. Вводимые им правила принятия решений квалифицированным большинством голосов менялись в части изменения удельного веса каждой из стран-участниц в голосовании в связи с увеличением их числа. Подробный анализ этих изменений, включая возникшие в 2004 г. в соответствии с так называемым Ниццким договором, представлен в работе Е.А. Дегтерева [11]. Вступивший в силу в 2009 г. Лиссабонский договор не только закрепил новое распределение удельных весов каждой из стран-участниц в процессе принятия решений в Совете квалифицированным большинством голосов, изменившееся в связи со вступлением в Европейский союз Румынии и Болгарии в 2007 г., но и существенно расширил перечень вопросов, по которым решения в Совете принимаются квалифицированным большинством голосов, по сравнению с предыдущими версиями Договоров о Европейском союзе и о функционировании Европейского союза.

Хотя с 2009 г. основополагающий договор, в соответствии с которым принимаются решения в Европейском союзе, не пересматривался, дискуссия о возможности расширения круга вопросов, по которым Европейский совет мог бы принимать решения квалифицированным большинством голосов, в последние пятнадцать лет не утихала. В частности, призыв к расширению круга таких вопросов стал одним из результатов Конференции о будущем Европы, проходившей на различных площадках, включая сетевые, на протяжении года и завершившейся весной 2022 г. Участники конференции призвали к отказу от принципа единогласия при принятии решений в сфере общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Е.Г. Энтина и М.Л. Энтин, изучившие результаты конференции о будущем Европы, приходят к выводу, что «стержневым предложением Конференции стала настоятельная рекомендация отказаться от единогласия в Европейском совете и Совете ЕС, перейти к принятию решений по вопросам внешней политики и политике

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астана 29 мая 2014 г. Статья 18 // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 03.09.2025).

² Приложение № 2 к Регламенту работы Евразийской экономической комиссии. Утверждено решением Высшего евразийского экономического совета 23 февраля 2014 г., дополнено 16 октября 2015 г., 31 мая 2016 г., 26 декабря 2016 г., 14 апреля 2017 г., 11 октября 2017 г., 6 декабря 2018 г., 11 декабря 2020 г., 27 мая 2022 г., 4 октября 2022 г., 9 декабря 2022 г., 25 мая 2023 г., 3 ноября 2023 г. и 25 декабря 2023 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242713> (дата обращения: 05.09.2025).

безопасности квалифицированным большинством голосов и в форсированном режиме заняться военным строительством» [12, с. 73].

Д. Дайнан называет две основные причины распространения правила принятия решений квалифицированным большинством голосов на вопросы, по которым ранее решения принимались консенсусом: расширение Евросоюза на восток и решение проблемы демократического дефицита в ЕС [13].

Таким образом, увеличение числа стран-участниц в Европейском союзе приводит к изменению правил принятия решений в той части, где эти правила предполагают принятие решений большинством голосов. Изменение правил, в свою очередь, приводит к спорам как о том, по каким вопросам решения следует принимать консенсусом, а по каким – квалифицированным большинством голосов, так и о самом понятии квалифицированного большинства. В качестве примера последнего нельзя не упомянуть так называемый Ягеллонский компромисс – предложение поставить удельный вес каждой страны-участницы в процессе принятия решений квалифицированным большинством голосов в зависимость не от численности населения страны, но от квадрата численности ее населения, в соответствии с формулой, разработанной британским математиком Л. Пенроузом [14].

Название «Ягеллонский компромисс» получило из-за его активного продвижения Польшей в период обсуждения проекта Лиссабонского договора [15]. Хотя «Ягеллонский компромисс» не был поддержан большинством стран Евросоюза, сам факт его выдвижения является еще одним подтверждением важности вопроса, стремление ответить на который является целью данного исследования – не просто показать, как увеличение числа стран-участниц регионального интеграционного объединения влияет на трансформацию действующих в нем правил принятия решений, но построить и представить модель, характеризующую это влияние.

Основная гипотеза исследования, положенного в основу данной статьи, заключается в том, что увеличение числа стран-участниц регионального интеграционного объединения не только способствует стремлению данного объединения к расширению круга вопросов, по которым решения принимаются не консенсусом, а квалифицированным большинством голосов, но и увеличивает зависимость результата голосования от принятой процедуры.

Методы и материалы

Само предположение, что важнейшие решения, обязательные к исполнению для определенной группы суверенных государств, могут приниматься не консенсусом, а большинством голосов этих государств, заставляет обратиться к основам теории голосования. Важнейшей среди них является принцип так называемого «победителя Кондорсе», согласно которому, в случае выбора из нескольких альтернатив путем голосования, наиболее предпочтительной должна быть выбрана та альтернатива, которая побеждает все прочие альтернативы при попарном сравнении. Правомочность применения принципа «победителя Кондорсе» к исследованию процессов принятия решений не только внутри государств, но и на международных переговорах, автор (Д.А. Ланко – *ред.*) доказывает в своем докладе в рамках X Всероссийского конгресса политологов 2024 г. [16]. В случае, если таких альтернатив только две, победителем становится та, которая побеждает при единственном попарном сравнении. В случае

трех альтернатив проводится три попарных сравнения, в случае четырех – шесть попарных сравнений и т.д. В политической практике, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, в том числе в наднациональных интеграционных объединениях, чаще всего встречается выбор из двух альтернатив: за или против предлагаемого проекта решения.

Вместе с тем, по крайней мере, на внутригосударственном уровне, распространены случаи мультиопциональных референдумов, на которых избирателям предлагается выбрать не из двух (за или против), но из трех или большего числа возможных альтернатив [17]. В качестве примеров здесь можно назвать референдумы в Швеции 1957 г. и 1980 г. С одной стороны, выбор из трех и большего числа альтернатив является более демократичным, поскольку сама его возможность снижает влияние на процесс принятия решений бюрократии, которая играет ключевую роль в подготовке тех проектов решения, за или против которого предлагается проголосовать. В наднациональных интеграционных объединениях, включая Европейский союз, роль наднациональной бюрократии в процессе принятия решений, в первую очередь, об углублении интеграции [18], крайне велика. Косвенным подтверждением служит тот факт, что ни в Швеции, ни в какой другой стране Европейского союза ни разу не проводился мультиопциональный референдум по вопросам, затрагивающим будущее европейской интеграции.

С другой стороны, выбор из трех и большего числа альтернатив осложняется возможностью захождения процесса принятия решений в тупик, что предвидел еще сам создатель принципа «победителя Кондорсе» – французский мыслитель XVIII века Н. Кондорсе, сформулировав парадокс, названный, как и принцип, его именем. На практике вероятность возникновения таких тупиковых ситуаций невелика, и каждый такой реальный случай становится предметом научных исследований, подобно референдуму 2004 г. в швейцарском кантоне Берн [19]. К. Лист и Р. Гудин с помощью разработанной К. Листом математической модели доказывают, что вероятность возникновения ситуации, описываемой «парадоксом Кондорсе», тем меньше, чем больше число избирателей [20]. Вместе с тем дискуссия о принятии решений большинством голосов в наднациональных интеграционных объединениях не может игнорировать проблему парадокса, поскольку в этом случае речь идет о принятии решений большинством от весьма ограниченного – двадцати семи в случае Европейского союза и пяти в случае Евразийского экономического союза – числа стран-участниц процесса принятия решений.

Как демонстрирует в своем обзоре литературы по данной проблематике Д. Эстлунд, научная дискуссия о том, как количество участников процесса принятия решений влияет на его результат, далека от завершения [21]. В данной статье предпринимается попытка развить эту дискуссию путем включения в нее вопроса о принятии решений большинством голосов стран-участниц в наднациональных интеграционных объединениях. С этой целью автором было построено несколько моделей, из которых первая представлена в Таблице 1. В ней предпочтения участников процесса принятия решений из трех возможных альтернатив представлены в виде, принятом в теории игр [22, с. 60]. Для Участника 1 Альтернатива А является наиболее предпочтительной, а Альтернатива С – наименее предпочтительной, в то

время как Альтернатива В для него является более предпочтительной, чем Альтернатива С, но менее предпочтительной, чем Альтернатива А.

Соответственно, «выгода» для Участника 1 в случае, если в результате процесса принятия решений наиболее предпочтительной будет названа Альтернатива А, будет максимальна: примем ее равной 3 для Участника 1. Если наиболее предпочтительной будет названа Альтернатива С, «выгода» для Участника 1 окажется минимальной; примем ее равной 1. «Выгоду» для Участника 1 в случае, если в результате процесса принятия решений наиболее предпочтительной будет названа Альтернатива В, примем равной 2. Нетрудно заметить, что среди первых шести участников нет ни одной пары, чьи предпочтения бы полностью совпадали. И если бы решение принимали эти шесть участников, процесс принятия решений зашел бы в тупик при условии равного влияния каждого из участников на его результат. Поэтому в модель, представленную в Таблице 1, мы вводим Участника 7, чьи предпочтения полностью совпадают с предпочтениями Участника 6, что позволит им при определенных условиях, о чем речь пойдет ниже, добиться того, чтобы именно наиболее предпочтительная с их точки зрения Альтернатива В была объявлена наиболее предпочтительной альтернативой в результате процесса принятия решений.

Таблица 1 / Table 1

**Представление индивидуальных и групповых предпочтений
 при трех альтернативах с помощью инструментария теории игр
 Representing Individual and Group Preferences
 under Three Alternatives Using Game Theory Tools**

	Альтернатива А	Альтернатива В	Альтернатива С
Участник 1	3	2	1
Участник 2	3	1	2
Участник 3	2	3	1
Участник 4	2	1	3
Участник 5	1	2	3
Участник 6	1	3	2
Участник 7	1	3	2
Эквилибриум	13	15	14

Представленные в Таблице 1 предпочтения первых шести участников составляют исчерпывающий список возможных вариантов, при условии, что предпочтения каждого участника транзитивны. Предпочтения участника транзитивны, когда из того, что он предпочитает Альтернативу А Альтернативе В, а Альтернативу В – Альтернативе С, следует, что он предпочитает Альтернативу А Альтернативе С (в Таблице 1 такие предпочтения характерны для участника 1).

Однако Н. Кондорсе предположил, что предпочтения участников процесса принятия решений при выборе из трех или более альтернатив не обязательно транзитивны [23, с. 6]. Так, участник одновременно может предпочитать Альтернативу А Альтернативе В, Альтернативу В – Альтернативе С, но при этом Альтернативу С – Альтернативе А.

В случае выбора из трех альтернатив могут существовать два варианта нетранзитивных предпочтений: упомянутый выше т обратный ему, когда участник предпочитает Альтернативу С Альтернативе В, которую он предпочитает

Альтернативе А, одновременно предпочитая Альтернативу А Альтернативе С. Эти два варианта предпочтений не могут быть представлены моделью в таблице. Более того, их нельзя назвать рациональными с точки зрения теории рационального выбора. Соответственно, методологически некорректно пытаться включать такие варианты предпочтений в игровые модели, учитывая, что теория игр основывается на базовых допущениях теории рационального выбора. Из-за этого с ее помощью возможно анализировать выбор лишь тех участников процесса принятия решений, чьи предпочтения можно охарактеризовать как рациональные.

Результаты исследования

Являясь одним из наиболее последовательных адептов свойственного эпохе Просвещения рационализма [24, с. 145], в XX веке теория рационального выбора одно время занимала центральное место не только в политологии и международных отношениях, но и во всех общественных науках. Н. Кондорсе полагал, что факт существования нетранзитивных предпочтений является абсурдным. Соответственно, он выступал за создание таких политических институтов, которые исключили бы возможность для индивидов с нетранзитивными предпочтениями влиять на процесс принятия решений. В большинстве случаев, когда предпочтения всех участников процесса принятия решений являются транзитивными, их коллективные предпочтения также оказываются транзитивными. Н. Кондорсе считал, что справедливыми можно считать лишь те правила принятия решений, при которых наиболее предпочтительной альтернативой объявляется та, которая побеждает все прочие альтернативы при попарном сравнении.

Сравнивая альтернативы, представленные в Таблице 1, нетрудно заметить, что Альтернатива В является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А: выбирая из этих двух альтернатив, четверо участников (3, 5, 6 и 7) предпочтут Альтернативу А, и лишь трое (1, 2 и 4) – Альтернативу В. Аналогично, Альтернатива В является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой С, которая, в свою очередь, является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А.

Таким образом, в случае распределения предпочтений между семью участниками так, как это представлено в Таблице 1, не только предпочтения каждого из участников являются транзитивными, но и коллективные предпочтения данной группы из семи участников процесса принятия решений также являются транзитивными. В случае, представленном в Таблице 1, победителем Кондорсе является Альтернатива В, поскольку именно она побеждает все прочие альтернативы при попарном сравнении.

Определить победителя Кондорсе с помощью модели, представленной в Таблице 1, можно путем суммирования значений в каждом из трех столбцов: альтернатива, сумма значений в столбце которой окажется максимальной, является победителем Кондорсе. В Таблице 1 суммы значений для каждой из альтернатив представлены в последней строке, озаглавленной, в соответствии с традицией, принятой для игровых моделей, «Эквилибриум».

Вместе с тем, именно Н. Кондорсе первым продемонстрировал, что даже если предпочтения каждого участника процесса принятия решений в условиях выбора из трех или большего числа альтернатив являются транзитивными, коллективные

предпочтения таких участников могут оказаться нетранзитивными при условии, что этих участников не менее трех. В последние годы большая часть научной литературы, где упоминается имя Н. Кондорсе, стремится ответить на вопрос, как же следует принимать решение в ситуациях, когда «победитель Кондорсе» не может быть определен [25, с. 52]. Пример такой ситуации для группы из девяти участников процесса принятия решений в условиях наличия трех альтернатив представлен в Таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Определение наиболее предпочтительной альтернативы большинством голосов в отсутствие «победителя Кондорсе»
Determining the Most Preferred Alternative by Majority Vote in the Absence of a “Condorcet Winner”

	Альтернатива А	Альтернатива В	Альтернатива С
Участник 1	3	1	2
Участник 2	3	1	2
Участник 3	3	1	2
Участник 4	1	3	2
Участник 5	1	3	2
Участник 6	2	3	1
Участник 7	1	2	3
Участник 8	1	2	3
Участник 9	3	2	1
Эквилибриум	18	18	18
Голосов при голосовании в 1 тур	4	3	2
Голосов при голосовании во 2 тур	4	5	

Попарное сравнение альтернатив, представленных в Таблице 2, демонстрирует, что Альтернатива В является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А, Альтернатива С является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой В, но при этом Альтернатива А является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой С. Соответственно, хотя предпочтения каждого из участников процесса принятия решений в этой модели транзитивны, их коллективные предпочтения не являются транзитивными. Возможность возникновения такой ситуации получила в литературе наименование «парадокс Кондорсе». Как пишет Я.Э. Лейн, «набор демократических институтов шире минимального не всегда выявляет так называемого победителя Кондорсе» [26, с. 35]. В тех случаях, когда ни одна из обсуждаемых альтернатив не является «победителем Кондорсе», коллективные предпочтения начинают зависеть от принятых в данном коллективе правил принятия решений.

В Таблице 2 представлены две распространенные разновидности правил принятия решений: голосование в 1 тур и голосование в 2 тура. При голосовании, в ходе которого участникам процесса принятия решений будет предложено проголосовать за одну из трех представленных в Таблице 2 альтернатив, за Альтернативу А проголосуют четверо участников (1, 2, 3 и 9), за Альтернативу В – трое (4, 5 и 6), а за Альтернативу С – двое (7 и 8). Если в данном коллективе правила

принятия решений предусматривают голосование в один тур, то наиболее предпочтительной будет объявлена Альтернатива А. Однако если в данном коллективе правила принятия решений предусматривают голосование в два тура, то во втором туре участникам нужно будет выбирать из Альтернатив А и В – двух альтернатив, набравших большинство голосов в первом туре. И тогда за Альтернативу А проголосуют все те же четверо участников, в то время как двое участников, проголосовавших в первом туре за Альтернативу С, предпочтут Альтернативу В, увеличив число поданных за нее голосов до пяти.

В результате именно Альтернатива В будет объявлена наиболее предпочтительной для данного коллектива. Такая зависимость итогового решения от правил принятия решений, предусмотренных в данном коллективе, негативно влияет на легитимность всего процесса принятия решений, причем не только в тех случаях, когда ни одна из обсуждаемых альтернатив не является «победителем Кондорсе». Ведь даже в тех случаях, когда коллективные предпочтения данной группы являются транзитивными, а одна из обсуждаемых альтернатив является «победителем Кондорсе», в результате голосования в один или в два тура наиболее предпочтительной может быть объявлена иная альтернатива, чем та, которая является «победителем Кондорсе». Более того, в этом случае результаты голосования в один и в два тура также могут различаться между собой, причем ни один из них не будет совпадать с «победителем Кондорсе». Пример такой ситуации можно представить, изменив предпочтения всего одного участника (6) в модели, представленной в Таблице 2. Измененная модель представлена в Таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Определение наиболее предпочтительной альтернативы большинством голосов при наличии «победителя Кондорсе»

Determining the Most Preferred Alternative by Majority Vote in the Presence of a “Condorcet winner”

	Альтернатива А	Альтернатива В	Альтернатива С
Участник 1	3	1	2
Участник 2	3	1	2
Участник 3	3	1	2
Участник 4	1	3	2
Участник 5	1	3	2
Участник 6	1	3	2
Участник 7	1	2	3
Участник 8	1	2	3
Участник 9	3	2	1
Эквилибриум	17	18	19
Голосов при голосовании в 1 тур	4	3	2
Голосов при голосовании во 2 тур	4	5	

Попарное сравнение альтернатив, представленных в Таблице 3, демонстрирует, что Альтернатива С является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой В, которая, в свою очередь, является более предпочтительной по сравнению с Альтернативой А. Таким образом, Альтернатива С является «победителем Кондорсе».

Однако результаты голосования в один и два тура не изменяются в результате изменения предпочтений Участника б: при голосовании в один тур наиболее предпочтительной объявляется Альтернатива А, а при голосовании в два тура – Альтернатива В. Любопытно, что ситуация, когда одна из трех обсуждаемых альтернатив является «победителем Кондорсе», вторая является наиболее предпочтительной по результатам голосования в один тур, а третья – наиболее предпочтительной по результатам голосования в два тура, может возникать при числе участников процесса принятия решений, равном или большем девяти.

При восьми и меньшем числе участников процесса принятия решений путем выбора из трех альтернатив невозможно однозначно определить наиболее предпочтительную альтернативу всеми тремя способами. Либо оказывается невозможно определить «победителя Кондорсе», либо невозможно определить наиболее предпочтительную альтернативу путем голосования в два тура, поскольку во втором туре обе альтернативы набирают равное число голосов, либо невозможно определить наиболее предпочтительную альтернативу путем голосования уже в первом туре, поскольку в поддержку каждой из трех обсуждаемых альтернатив выступает равное число участников. Иногда невозможно определить наиболее предпочтительную альтернативу двумя из перечисленных или даже всеми тремя перечисленными способами. Неслучайно в Таблице 2 и Таблице 3 представлены модели, в каждой из которых девять участников делают выбор из трех альтернатив.

В большинстве работ, анализирующих процессы принятия решений большинством голосов, когда каждый из участников является индивидом, участников, как правило, больше девяти. В эссе самого Н. Кондорсе возможность возникновения парадокса рассматривалась на примере с шестьюдесятью участниками. Вместе с тем, данная работа не является первой, в которой ставится вопрос о минимальном числе участников процесса принятия решений путем выбора из трех или более альтернатив, при котором действует парадокс Кондорсе или его следствия. Так, В.И. Вольский, опираясь, в том числе, на выводы Н. Кондорсе, разработал теоретические основания изучения процедур голосования в малых группах и применил их к исследованию политических систем, в которых голосование играет важную роль в процессе принятия решений, но при этом число участников голосования существенно ограничено, как это было, например, в античных полисах или в новгородском Вече [27].

Наиболее известным следствием парадокса Кондорсе является «теорема (общей) возможности» К. Эрроу [28], также известная как «теорема (общей) невозможности». Основываясь на парадоксе Кондорсе, К. Эрроу соглашается, что результат процесса принятия решений в группе зависит от правил принятия решений, принятых в данной группе. Благодаря «теореме возможности» К. Эрроу доказывает, что идеальные правила принятия решений в группе сформулировать невозможно.

Идеальные правила принятия решений в группе, по мнению К. Эрроу, соответствуют четырем критериям. Во-первых, это критерий универсальности, согласно которому допускаются любые варианты предпочтений участников процесса принятия решений, являющиеся рациональными. Во-вторых, это критерий отсутствия диктатора, согласно которому среди участников процесса принятия решений нет ни одного заранее заданного участника, изменения в предпочтениях которого меняли бы итоговое решение вне зависимости от того, как изменяются и изменяются ли вообще

предпочтения других участников. В-третьих, это критерий независимости от не относящихся к делу альтернатив, согласно которому введение в модель дополнительной альтернативы не меняет коллективных предпочтений в отношении остальных альтернатив, если предпочтения всех участников процесса принятия решений в отношении всех остальных альтернатив не меняются. В-четвертых, это критерий эффективности по Парето, согласно которому ни одна альтернатива не может стать более предпочтительной без того, чтобы какая-то другая альтернатива стала менее предпочтительной. К. Эрроу доказывает, что ни один набор правил принятия решений в группе в ситуации выбора из трех или большего числа альтернатив не может соответствовать всем четырем критериям одновременно.

Таким образом, в условиях выбора из трех и более альтернатив не только то, какая из этих альтернатив будет объявлена наиболее предпочтительной, зависит от процедуры голосования, но и ни одна из возможных процедур не является идеальной.

Этот вывод позволил теоретикам конституционализма, таким как Я.Э. Лейн [26], уточнить понятие демократического процесса принятия решений: по их мнению, демократическим является процесс принятия решений не тогда, когда решение принимается большинством голосов (поскольку это подчас не представляется возможным установить), но тогда, когда оно принимается с соблюдением установленных (никогда не идеальных) правил, причем эти правила предполагают вовлечение в процесс принятия решений максимально широкого круга участников.

На примерах Польши, Чехии [29] и Словакии [30] И.Н. Тарасов убедительно демонстрирует, как именно такое понимание конституционализма было положено в основу политической трансформации бывших стран социалистического лагеря в конце 1980-х – начале 1990-х годов. При этом «теорема возможностей» выполняется вне зависимости от того, насколько широким является круг участников процесса принятия решений, даже при числе участников, равном двум.

Другим важным следствием парадокса Кондорсе является то, что основанные на нем математические модели опровергают принцип участия, согласно которому индивиды выигрывают от активного участия в процессе принятия коллективных решений [31]. Эти модели демонстрируют, что в ситуации выбора из четырех и более альтернатив скрывать свои предпочтения выгоднее, чем открыто агитировать в пользу какой-либо альтернативы, раскрывая тем самым свои предпочтения другим участникам процесса принятия решений. Однако в случаях, когда число участников невелико, это правило перестает действовать. Так, модель Э. Мулена, демонстрирующая противоречие между принципом, согласно которому «победитель Кондорсе» должен объявляться наиболее предпочтительной альтернативой, и принципом участия, действует в случаях, когда число участников процесса принятия решений больше либо равно двадцати пяти [32]. Спустя тридцать лет после опубликования работы Э. Мулена, Ф. Брандт, К. Гейст и Д. Петерс предложили модель, которая выполняется при числе участников, равном или большем двенадцати [33].

Минимальное число участников, при котором выполняются те или иные следствия парадокса Кондорсе, не является принципиальным с точки зрения ее применимости к анализу демократического процесса принятия решений, который предполагает вовлечение максимально большого числа участников, изначально большего, чем два (по К. Эрроу), двенадцать (по Ф. Брандту, К. Гейсту и Д. Петерсу),

двадцать пять (по Э. Мулену) и даже шестьдесят (по Н. Кондорсе). Однако минимальное число участников, при котором работают эти и другие аналогичные математические модели, становится принципиально важным с точки зрения применимости этих моделей к процессу принятия решений большинством голосов в наднациональных интеграционных объединениях, где число стран-участниц этих объединений и процесса принятия решений изначально невелико.

Соответственно, в том гипотетическом случае, если в Евразийском экономическом союзе будет сделана попытка принять то или иное решение большинством голосов путем выбора из трех и более альтернатив, то, какая из этих альтернатив будет объявлена победителем, не будет зависеть от правил, по которым будет приниматься решение. Модель, представленная в Таблице 3, демонстрирует, что результат процесса принятия решений большинством голосов начинает зависеть от правил принятия этих решений при числе участников, большем или равном девяти. Однако, также в гипотетическом случае, если такая попытка будет предпринята в Европейском союзе, то правила выбора наиболее предпочтительной альтернативы начнут играть важную роль в определении, какая же из альтернатив будет объявлена наиболее предпочтительной, что будет иметь негативные последствия для легитимности результата такого процесса принятия решений.

Вывод, сделанный С. Уолтом относительно участия стран в военно-политических альянсах, что присоединение к малочисленным союзам увеличивает влияние нового участника, в то время как присоединение к многочисленным союзам, напротив, уменьшает влияние нового участника [34], представляется верным и для наднациональных интеграционных объединений. В малочисленных союзах, подобных Евразийскому экономическому союзу, где удельное влияние каждого, даже самого маленького участника велико, вопрос о принятии решений большинством голосов вместо консенсуса будет поднят с меньшей вероятностью. В Евразийском экономическом союзе этот вопрос пока ни разу не поднимался, хотя вероятность его поднятия в будущем, в случае увеличения числа стран-участниц, можно предполагать. Напротив, в многочисленных союзах, подобных Европейскому союзу, где удельное влияние каждого, даже крупнейшего участника невелико, вопрос о принятии решений большинством голосов поднимается регулярно.

Обсуждение

Применительно к процессу принятия решений в наднациональных интеграционных объединениях, парадокс Кондорсе можно перефразировать следующим образом: чем больше число стран-участниц наднационального интеграционного объединения, тем чаще в нем поднимается вопрос о принятии решений большинством голосов, и тем больше само понятие большинства оказывается зависимым от процедуры принятия решений, причем ни одна из возможных таких процедур не является идеальной. Этот вывод является дополнительным аргументом в пользу выделения интеграционных объединений с малым числом стран-участниц (менее десяти) в самостоятельную категорию науки международных отношений – минилатеральные интеграционные объединения, – требующую разработки отдельного теоретико-методологического аппарата для всестороннего осмысления причин их возникновения и особенностей их

функционирования. Сегодня в российских исследованиях международной политики понятие минилатерализма практически не используется, хотя оно часто встречается в российских исследованиях мировой экономики [35].

Зачастую исследователями международной политики рассматриваются только два вида международных отношений: двусторонние и многосторонние. При этом в качестве многосторонних рассматриваются как отношения между тремя участниками, так и когда в эти отношения вступает более сотни участников. Например, А.Г. Арбатов предполагает, что «можно было бы заключить интегрированный договор СНВ/РСМД в трехстороннем формате» между США, Россией и Китаем [36, с. 50], но если «цена перехода к многостороннему формату покажется сегодня слишком высокой», это не должно рассматриваться в качестве причины «для отказа от продолжения двустороннего процесса» [36, с. 52]. Таким образом, понятия «трехсторонние» и «многосторонние» отношения могут использоваться в качестве синонимов. С другой стороны, Д.Н. Барышников использует понятие «многостороннее сотрудничество» для обозначения взаимодействия представителей многих десятков стран в рамках Альянса цивилизаций ООН [37].

Благодаря тому, что понятие «многосторонние» используется для обозначения и отношений между тремя-пятью, и отношений между многими десятками стран, для изучения всех этих многочисленных форматов отношений используются одни и те же теоретико-методологические модели. В то же время для изучения двусторонних отношений используются принципиально другие теоретико-методологические модели. Сравнение двусторонних и многосторонних форматов отношений питает скептические настроения в отношении многосторонних форматов одних исследователей и восторженные – других исследователей. Так, по мнению Л. Мартин, развитие многосторонних институтов в годы «холодной войны» было во многом обусловлено самим фактом существования биполярной системы международных отношений [38], и распад последней в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привел к появлению многочисленных свидетельств проблем в деятельности таких институтов к середине 2000-х гг. [39, с. 1].

В свою очередь, Р. Паре приходит к выводу, что «многосторонние соглашения позволяют достичь невозможного в рамках эквивалентной совокупности двусторонних соглашений» [40]. Любопытно, что и Л. Мартин, и Р. Паре для своих исследований, на материалах которых были написаны две процитированные здесь статьи, выбрали схожие теоретико-методологические подходы: оба исследования опираются на одну из наиболее популярных моделей, разработанных в рамках теории игр – «дилемму узника». «Дилемма узника» используется для анализа именно двусторонних отношений, хотя с ее помощью можно выявить как преимущества, так и недостатки двусторонних отношений по сравнению с многосторонними. Для анализа многосторонних отношений теория игр предлагает другие модели. Некоторые из них созданы для анализа отношений фиксированного числа участников, например модель «трузель», которая сравнивает взаимоотношения между тремя участниками с конфликтом, разрешаемым с помощью огнестрельного оружия, подобным дуэли, но в котором, в отличие от классической дуэли, участвует не два, а три человека.

Широко распространено мнение, что модель «трузель» дает самому сильному участнику самую низкую вероятность победить, хотя проведенный М. Вегенером и Э.

Мутлу анализ позволяет опровергнуть это мнение [41]. Другие модели, напротив, применимы исключительно к ситуациям с большим числом участников. Так, модель «Эль-Фарол», получившая название в честь одноименного кафе, предполагает, что если более половины потенциальных посетителей кафе независимо друг от друга примут решение посетить его данным вечером, то каждый из них из-за возникшей толчеи получит меньше удовольствия от проведенного вечера, чем если бы он остался дома. Но если в кафе придет меньше половины потенциальных посетителей, то каждый из них получит больше удовольствия от проведенного вечера, чем если бы он остался дома. Эта модель широко используется, например, в логистике для объяснения поведения участников дорожного движения [42], однако она практически не нашла применения в международной политике, поскольку в практике международных отношений редко встречаются случаи, когда то или иное государство отказалось бы от участия в многостороннем институте из-за того, что в нем стало слишком много участников.

Наконец, некоторые модели, описывающие многосторонние отношения, специально обращают внимание на влияние численности участников на результат взаимодействия, демонстрируя фундаментальные различия между отношениями нескольких участников (минилатеральными отношениями) и нескольких десятков участников. Например, модель «дилемма добровольца» помещает участников в ситуацию, когда наилучший для всех исход взаимодействия достигается в случае, если один из участников (доброволец) согласится на определенные издержки для самого себя ради достижения общего блага. И. Крюгер, П. Хек и Д. Вагнер, описывая эту модель, приводят пример с гранатой, случайно залетевшей в окоп во время войны: большинство находящихся в окопе солдат смогут выжить, если один из них (доброволец) пожертвует жизнью ради товарищей и накроет гранату собственным телом; если же доброволец не найдется, то все солдаты погибнут [43]. Основанные на этой модели исследования помогают объяснить, почему с увеличением числа участников вероятность того, что доброволец найдется, уменьшается.

В практике интеграционных объединений едва ли можно представить себе ситуацию, когда одно из государств-членов должно пожертвовать самим своим существованием ради сохранения интеграционного объединения и тех преимуществ, которые дает участие в нем остальным государствам-членам. Однако не менее сложно представить себе договоренность, достигнутую в рамках интеграционного объединения, от реализации которой все его страны-участницы выигрывали бы в одинаковой степени. Для кого-то из них выгода всегда больше, а для кого-то – всегда меньше, и эту разницу в выгоде не могут полностью компенсировать даже те механизмы, которые, как правило, закладываются в подобные договоренности в целях такой компенсации. Радикальные приверженцы реалистической теории международных отношений, такие как К. Уолтц, скептически относятся к возможности равноправного международного сотрудничества как такового, объясняя это тем, что каждый потенциальный участник такого сотрудничества будет опасаться, что распределение выгод, полученных в результате сотрудничества, даст больше выгод его партнерам, чем ему самому [44, с. 106].

Однако интеграционные объединения не только создаются, но и углубляют интеграцию в своих рамках. Хотя у каждой из их стран-участниц существуют такие

опасения, кто-то из них в каждом конкретном случае берет на себя роль добровольца, который соглашается с получением меньшей выгоды от данного решения, помня о получении большей по сравнению с другими выгоды, полученной в результате реализации прошлых решений, и рассчитывая на получение большей выгоды также и в результате реализации будущих решений. «Дилемма добровольца» объясняет, почему в минилатеральных интеграционных объединениях государства-члены с большей готовностью принимают на себя роль добровольца, чем в тех, в которых участвуют десятки членов. Соответственно, в многочисленных интеграционных объединениях возрастает стремление отказываться от принятия решений консенсусом, что позволяет определить страну-участницу, которая получит наименьшую выгоду от принимаемого решения, большинством голосов, игнорируя мнение самой этой страны. Этот вывод является дополнительным аргументом в пользу разработки специальной методологии для изучения мини-латеральных интеграционных объединений.

Заключение

Предпринятый анализ научных трудов по проблематике взаимосвязи между числом стран-участниц наднациональных интеграционных объединений и эффективностью процесса принятия решений показывает, что среди их авторов нет единства по вопросу о том, как расширение интеграционных объединений влияет на процесс принятия решений в них. Вместе с тем, мнение, что чем больше новых стран-участниц присоединяется к интеграционному объединению, тем менее эффективным становится процесс принятия решений в нем, распространено среди экспертов достаточно широко. Опыт Европейского союза показывает, что расширению этого интеграционного объединения сопутствует и увеличение круга вопросов, по которым решения в нем принимаются не консенсусом, но (квалифицированным) большинством голосов, поскольку это позволяет компенсировать снижение эффективности процесса принятия решений в результате расширения.

В свою очередь, опыт Евразийского экономического союза демонстрирует, что в интеграционных объединениях с малым числом стран-участниц наблюдается обратная тенденция – к увеличению числа «чувствительных» вопросов, по которым решения должны приниматься не (квалифицированным) большинством голосов, но консенсусом. Представленная модель демонстрирует, что увеличение числа участников процесса принятия решений в условиях, когда эти решения принимаются большинством (в том числе квалифицированным большинством) голосов, приводит к тому, что итоговое решение начинает во все большей степени зависеть от тех правил, в соответствии с которыми определяется мнение большинства. В частности, при выборе из трех альтернатив и при числе участников процесса принятия решений, равном или большем девяти, исход голосования при определенных условиях может быть разным в зависимости от того, определяется ли наиболее предпочтительная альтернатива по принципу «победителя Кондорсе», либо в результате голосования в один или два тура.

Это позволяет определить два взаимосвязанных отличия наднациональных интеграционных объединений с небольшим числом стран-участниц (меньше десяти) от интеграционных объединений с большим числом стран-участниц (больше десяти). Во-первых, стремление к изменению процесса принятия решений в пользу

расширения круга вопросов, по которым решение может приниматься большинством голосов, а не консенсусом, невелико. По тем вопросам, по которым решения принимаются (квалифицированным) большинством голосов, результат мало зависит от процедуры. Напротив, во-вторых, стремление к расширению круга вопросов, по которым решение может приниматься (квалифицированным) большинством голосов, неуклонно возрастает по мере увеличения числа стран-участниц. При этом зависимость результата голосования от принятой процедуры также увеличивается.

Возникает парадокс: чем больше число стран-участниц наднационального интеграционного объединения, тем чаще в нем поднимается вопрос о принятии решений большинством голосов и тем больше само понятие большинства оказывается зависимым от процедуры принятия решений. В практическом плане этот парадокс становится одним из источников кризиса легитимности в интеграционных объединениях с большим числом стран-участниц. В теоретическом же плане этот парадокс заставляет выделять интеграционные объединения с малым числом стран-участниц в отдельную категорию – мини-латеральных интеграционных объединений, которые требуют разработки собственной теоретико-методологической базы для изучения процессов принятия решений в них, отличной от той, которая используется для изучения этих процессов в интеграционных объединениях с большим числом стран-участниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елисеев А. ЕАЭС и ЕС: сходства и различия // Евразийское обозрение. 2014. № 2. С. 2–5.
2. Ишуков А.А., Бедрина Е.Б. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 80–95. EDN: [INIRRI](#).
3. Kobayashi, K. The Normative Limits of Functional Cooperation: The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union // East European Politics. 2019. Vol. 35. Iss. 2. P. 143–158. <https://doi.org/10.1080/21599165.2019.1612370>.
4. Ланко Д.А. Мимикрия как препятствие для развития отношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 157–169. EDN: [VDGLUD](#).
5. Ачкасов В.А. Станет ли Евразийский экономический союз «улучшенной версией Европейского союза»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 4. С. 4–14. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.401>. EDN: [YFYIVR](#).
6. Новикова И.Н., Бурков В.Г., Мещеряков К.Е. Политика России на постсоветском пространстве после возвращения Крыма: вызовы и приоритеты // Управленческое консультирование. 2015. № 11 (83). С. 71–79. EDN: [VDGLPX](#).
7. Golub, J. Survival Analysis and European Union Decision-Making // European Union Politics. 2007. Vol. 8. Iss. 2. P. 155–179. <https://doi.org/10.1177/1465116507076428>.
8. Toshkov, D.D. The Impact of the Eastern Enlargement on the Decision-Making Capacity of the European Union // Journal of European Public Policy. 2017. Vol. 24. Iss. 2. P. 177–196. <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1264081>.
9. Hertz, R., Leuffen, D. Too Big to Run? Analysing the Impact of Enlargement on the Speed of EU Decision-Making // European Union Politics. 2011. Vol. 12. Iss. 2. P. 193–215. <https://doi.org/10.1177/1465116511399162>.
10. König, T. Divergence or Convergence? From Ever-Growing to Ever-Slowing European Legislative Decision Making // European Journal of Political Research. 2007. Vol. 46. Iss. 3. P. 417–444. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-i1>.

11. Дегтерева Е.А. Евросоюз: роль стран в принятии решений Совета ЕС // Современная Европа. 2009. № 2 (38). С. 113–121. EDN: [MVJWBT](#).
12. Энтина Е.Г., Энтин М.Л. Развилки Европейского Союза в отражении дискуссий на конференции о будущем Европы // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 2 (69). С. 51–78. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.2.69.6>. EDN: [DXURLW](#).
13. Dinan, D. The Arc of Institutional Reform in Post-Maastricht Treaty Change // Journal of European Integration. 2012. Vol. 34. Iss. 7. P. 843–858. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726018>.
14. Penrose, L.S. The Elementary Statistics of Majority Voting // Journal of the Royal Statistical Society. 1946. Vol. 109. No. 1. P. 53–57. <https://doi.org/10.2307/2981392>.
15. Słomczyński, W., Życzkowski, K. Jagiellonian Compromise – An Alternative Voting System for the Council of the European Union // Institutional Design and Voting Power in the European Union. Cichocski, M.A., Życzkowski, K. (eds.). Farnham: Ashgate, 2010. P. 43–57.
16. Ланко Д.А. Маркиз де Кондорсе на международных переговорах: влияние увеличения числа участников на формат международных переговоров // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития. Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. М.: Аспект-пресс, 2024. С. 341. EDN: [KEEERB](#).
17. Wagenaar, C.C.L., Hendriks, F. Setting the Voting Agenda for Multi-Option Referendums: Process Variations and Civic Empowerment // Democratization. 2021. Vol. 28. Iss. 2. P. 372–393. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1823969>.
18. Ellinas, A.A., Suleiman, E.N. Supranationalism in a Transnational Bureaucracy: The Case of the European Commission // Journal of Common Market Studies. 2011. Vol. 49. Iss. 5. P. 923–947. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02164.x>.
19. Bochsler, D. The Marquis de Condorcet Goes to Bern // Public Choice. 2010. Vol. 144. Iss. 1–2. P. 119–131. <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9507-y>.
20. List, C., Goodin, R.E. Epistemic Democracy: Generalizing the Condorcet Jury Theorem // Journal of Political Philosophy. 2001. Vol. 9. Iss. 3. P. 277–306. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00128>.
21. Estlund, D. Democracy Counts? Should Rulers Be Numerous? // Collective Wisdom: Principles and Mechanisms. Landemore, H., Elster, J. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 230–250. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511846427.011>.
22. Walker, S.G. Micropolitics and Foreign Policy Decisions: The Behavioral Model of IR // Rethinking Foreign Policy Analysis: States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioral International Relations. Walker, S.G., Malici, A., Schafer, M. (eds.) London: Routledge, 2011. P. 44–61.
23. Gehrlein, W.V. The Condorcet's Paradox. Berlin: Springer, 2006. XI, 292 p. <https://doi.org/10.1007/3-540-33799-7>.
24. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
25. Munger, M.C., Munger, K.M. Choosing in Groups: Analytical Politics Revisited. New York: Cambridge University Press, 2015. XII, 255 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107707153>.
26. Лэйн Я.Э. Демократия и конституционализм // Полис: Политические исследования. 1998. № 6. С. 32–49. EDN: [ESCQEN](#).
27. Вольский В.И. Ж.-Ш. Борда и маркиз де Кондорсе – родоначальники теории голосования // Полития: анализ, хроника, прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2013. № 3 (70). С. 147–159. EDN: [SYNZTP](#).
28. Arrow, K.J. Social Choice and Individual Values. New Heaven: Yale University Press, 2012. 192 p.
29. Тарасов И.Н. «Демократический транзит» в восточноевропейских конституциях // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2004. № 7. С. 29–38. EDN: [KLSYRT](#).
30. Тарасов И.Н., Казадаев В.А. Транзитологическое измерение конституционных перемен в Словацкой Республике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 72–76. EDN: [SIQVPL](#).
31. Nurmi, H. Voting Theory: Cui Vono? // Полития: анализ, хроника, прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2018. № 4 (91). С. 106–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-106-121>. EDN: [ZABRUT](#).
32. Moulin, H. Condorcet's Principle Implies the No Show Paradox // Journal of Economic Theory. 1988. Vol. 45. Iss. 1. P. 53–64. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(88\)90253-0](https://doi.org/10.1016/0022-0531(88)90253-0).
33. Brandt, F., Geist, Ch., Peters, D. Optimal Bounds for the No-Show Paradox via SAT Solving //

- Mathematical Social Science. 2017. Vol. 90. P. 18–27. <https://doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2016.09.003>.
34. Walt, S.M. Alliance Formation and the Balance of Power // *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. P. 3–43. <https://doi.org/10.2307/2538540>.
35. Жариков М.В. Финансовый минилатерализм как инструмент антикризисной политики стран БРИКС // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 6. С. 60–62. <https://doi.org/10.24158/pep.2017.6.14>. EDN: YUMALH.
36. Арбагов А.Г. Китай и ограничение вооружений: не утопия, а возможность // *Полис: Политические исследования*. 2020. № 4. С. 36–54. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.04>. EDN: EOOC DG.
37. Барышников Д.Н. Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в Альянсе цивилизаций ООН // *Политическая экспертиза: Политэкс*. 2013. Т. 9. № 2. С. 14–23. EDN: RTDAZF.
38. Martin, L.L. Interests, Power, and Multilateralism // *International Organization*. 1992. Vol. 46. Iss. 4. P. 765–792. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033245>.
39. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Introduction // *Multilateralism under Challenge? Power, International Order, and Structural Change*. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Tokyo, New York and Paris: United Nations University Press, 2006. P. 1–17.
40. Pahre, R. Multilateral Cooperation in an Iterated Prisoner's Dilemma // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. Iss. 2. P. 326–352. <http://doi.org/10.1177/0022002794038002007>.
41. Wegener, M., Mutlu, E. The Good, the Bad, the Well-Connected // *International Journal of Game Theory*. 2021. Vol. 50. Iss. 3. P. 759–771. <https://doi.org/10.1007/s00182-021-00765-1>.
42. Tullock, G. The General Irrelevance of the General Impossibility Theorem // *Quarterly Journal of Economics*. 1967. Vol. 81. No. 2. P. 256–270. <https://doi.org/10.2307/1879585>.
43. Krueger, J.I., Heck, P.R., Wagner, D. Egocentrism in the Volunteer's Dilemma // *The American Journal of Psychology*. 2018. Vol. 131. Iss. 4. P. 403–415. <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.131.4.0403>.
44. Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. New York: Random House, 1979. 251 p.

REFERENCES

1. Yeliseyeu, A. Eurasian Economic Union and European Union: Similarities and Differences. *Eurasian Observer (Belarus)*. 2014. No. 2. P. 2–5. (In Russian).
2. Ishukov, A.A., Bedrina, E.B. European and Eurasian Integrations: Similarities and Differences. *IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Science*. 2020. Iss. 4. P. 80–95. (In Russian). EDN: INIRRI.
3. Kobayashi, K. The Normative Limits of Functional Cooperation: The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union. *East European Politics*. 2019. Vol. 35. Iss. 2. P. 143–158. <https://doi.org/10.1080/21599165.2019.1612370>.
4. Lanko, D.A. “Mimicry” as an Obstacle for Development of the Relations between the Eurasian Economic Union and the European Union. *Administrative Consulting*. 2015. No. 11 (83). P. 157–169. (In Russian). EDN: VDGLUD.
5. Achkasov, V.A. Will the Eurasian Economic Union Become “an Improved Version of the European Union”? *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*. 2016. Iss. 4. P. 4–14. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2016.401>. EDN: YFYIVR.
6. Novikova, I.N., Burkov, V.G., Meshcheryakov, K.E. Policy of Russia in the Former Soviet Union after Return of the Crimea: Challenges and Priorities. *Administrative Consulting*. 2015. No. 11 (83). P. 71–79. (In Russian). EDN: VDGLPX.
7. Golub, J. Survival Analysis and European Union Decision-Making. *European Union Politics*. 2007. Vol. 8. Iss. 2. P. 155–179. <https://doi.org/10.1177/1465116507076428>.
8. Toshkov, D.D. The Impact of the Eastern Enlargement on the Decision-Making Capacity of the European Union. *Journal of European Public Policy*. 2017. Vol. 24. Iss. 2. P. 177–196. <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1264081>.
9. Hertz, R., Leuffen, D. Too Big to Run? Analysing the Impact of Enlargement on the Speed of EU Decision-Making. *European Union Politics*. 2011. Vol. 12. Iss. 2. P. 193–215. <https://doi.org/10.1177/1465116511399162>.
10. König, T. Divergence or Convergence? From Ever-Growing to Ever-Slowing European Legislative Decision Making. *European Journal of Political Research*. 2007. Vol. 46. Iss. 3. P. 417–444. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-11>.

11. Degtereva, E.A. The European Union: The Role of Member States in Decision Making in the EU Council. *Contemporary Europe*. 2009. No. 2 (38). P. 113–121. (In Russian). EDN: [MVJWBT](#).
12. Entina, E.G., Entin, M.L. EU Development in the Context of the Conference on the Future of Europe. *International Trends / Mezhdunarodnye protsessy*. 2022. Vol. 20. No. 2 (69). P. 51–78. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.2.69.6>. EDN: [DXURLW](#).
13. Dinan, D. The Arc of Institutional Reform in Post-Maastricht Treaty Change. *Journal of European Integration*. 2012. Vol. 34. Iss. 7. P. 843–858. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726018>.
14. Penrose, L.S. The Elementary Statistics of Majority Voting. *Journal of the Royal Statistical Society*. 1946. Vol. 109. No. 1. P. 53–57. <https://doi.org/10.2307/2981392>.
15. Słomczyński, W., Życzkowski, K. Jagiellonian Compromise – An Alternative Voting System for the Council of the European Union. *Institutional Design and Voting Power in the European Union*. Cichocski, M.A., Życzkowski, K. (eds.). Farnham: Ashgate, 2010. P. 43–57.
16. Lanko, D.A. Marquis de Condorcet at International Negotiations: The Implications of Increasing the Number of Participants on the Format of International Negotiations. *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms*. Proceedings of the 10th Russian Congress of Political Scientists of the Russian Political Science Association with international participation. Moscow: Aspect-Press, 2024. P. 341. (In Russian). EDN: [KEEERB](#).
17. Wagenaar, C.C.L., Hendriks, F. Setting the Voting Agenda for Multi-Option Referendums: Process Variations and Civic Empowerment. *Democratization*. 2021. Vol. 28. Iss. 2. P. 372–393. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1823969>.
18. Ellinas, A.A., Suleiman, E.N. Supranationalism in a Transnational Bureaucracy: The Case of the European Commission. *Journal of Common Market Studies*. 2011. Vol. 49. Iss. 5. P. 923–947. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2010.02164.x>.
19. Bochsler, D. The Marquis de Condorcet Goes to Bern. *Public Choice*. 2010. Vol. 144. Iss. 1–2. P. 119–131. <https://doi.org/10.1007/s11127-009-9507-y>.
20. List, C., Goodin, R.E. Epistemic Democracy: Generalizing the Condorcet Jury Theorem. *Journal of Political Philosophy*. 2001. Vol. 9. Iss. 3. P. 277–306. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00128>.
21. Estlund, D. Democracy Counts? Should Rulers Be Numerous? *Collective Wisdom: Principles and Mechanisms*. Landemore, H., Elster, J. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 230–250. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511846427.011>.
22. Walker, S.G. Micropolitics and Foreign Policy Decisions: The Behavioral Model of IR. *Rethinking Foreign Policy Analysis: States, Leaders, and the Microfoundations of Behavioral International Relations*. Walker, S.G., Malici, A., Schafer, M. (eds.) London: Routledge, 2011. P. 44–61.
23. Gehrlein, W.V. The Condorcet’s Paradox. Berlin: Springer, 2006. XI, 292 p. <https://doi.org/10.1007/3-540-33799-7>.
24. Foucault, M. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. Translated from the French by R. Howard. London and New York: Routledge, 2001. XIX, 282 p.
25. Munger, M.C., Munger, K.M. Choosing in Groups: Analytical Politics Revisited. New York: Cambridge University Press, 2015. XII, 255 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107707153>.
26. Lane, J.E. Democracy and Constitutionalism. *Polis: Political Studies*. 1998. No. 6. P. 32–49. (In Russian). EDN: [ESCQEN](#).
27. Volsky, V.I. Jean-Charles de Borda and Marquis de Condorcet: The Founding Fathers of the Voting Theory. *Politeia: Analysis, Chronical, Prognosis, A Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2013. Iss. 3 (70). P. 147–159. (In Russian). EDN: [SYNZTP](#).
28. Arrow, K.J. Social Choice and Individual Values. New Heaven: Yale University Press, 2012. 192 p.
29. Tarasov, I.N. “Democratic Transition” in East European Constitutions. *Bulletin of the Volga Academy of Public Service*. 2004. No. 7. P. 29–38. (In Russian). EDN: [KLSYRT](#).
30. Tarasov, I.N. Kazadaev, V.A. Transitological Dimension of Constitutional Change in the Slovak Republic. *Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University*. 2014. No. 6. P. 72–76. (In Russian). EDN: [SIQVPL](#).
31. Nurmi, H. Voting Theory: Cui Bono? *Politeia: Analysis, Chronical, Prognosis, A Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2018. No. 4 (91). P. 106–121. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-106-121>. EDN: [ZABRUT](#).
32. Moulin, H. Condorcet’s Principle Implies the No Show Paradox. *Journal of Economic Theory*.

1988. Vol. 45. Iss. 1. P. 53–64. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(88\)90253-0](https://doi.org/10.1016/0022-0531(88)90253-0).
33. Brandt, F., Geist, Ch., Peters, D. Optimal Bounds for the No-Show Paradox via SAT Solving. *Mathematical Social Science*. 2017. Vol. 90. P. 18–27. <https://doi.org/10.1016/j.mathsocsci.2016.09.003>.
34. Walt, S.M. Alliance Formation and the Balance of Power. *International Security*. 1985. Vol. 9. No. 4. Pp. 3–43. <https://doi.org/10.2307/2538540>.
35. Zharikov, M.V. Financial Minilateralism as an Instrument of the BRICS' Anti-Crisis Policy. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017. Iss. 6. P. 60–62. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2017.6.14>. EDN: YUMALH.
36. Arbatov, A.G. China and Arms Control: Not Utopia, but a Reality. *Polis. Political Studies*. 2020 No. 4. P. 36–54. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.04>. EDN: EOOC DG.
37. Baryshnikov, D.N. Public Diplomacy and Multilateral Cooperation in the United Nations Alliance of Civilizations. *Political Expertise: Politex*. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 14–23. (In Russian). EDN: RTDAZF.
38. Martin, L.L. Interests, Power, and Multilateralism. *International Organization*. 1992. Vol. 46. Iss. 4. P. 765–792. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033245>.
39. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Introduction. *Multilateralism under Challenge? Power, International Order, and Structural Change*. Newman, E., Thakur, R., Tirman, J. Tokyo, New York and Paris: United Nations University Press, 2006. P. 1–17.
40. Pahre, R. Multilateral Cooperation in an Iterated Prisoner's Dilemma. *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. Iss. 2. P. 326–352. <http://doi.org/10.1177/0022002794038002007>.
41. Wegener, M., Mutlu, E. The Good, the Bad, the Well-Connected. *International Journal of Game Theory*. 2021. Vol. 50. Iss. 3. P. 759–771. <https://doi.org/10.1007/s00182-021-00765-1>.
42. Tullock, G. The General Irrelevance of the General Impossibility Theorem. *Quarterly Journal of Economics*. 1967. Vol. 81. No. 2. P. 256–270. <https://doi.org/10.2307/1879585>.
43. Krueger, J.I., Heck, P.R., Wagner, D. Egocentrism in the Volunteer's Dilemma. *The American Journal of Psychology*. 2018. Vol. 131. Iss. 4. P. 403–415. <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.131.4.0403>.
44. Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. New York: Random House, 1979. 251 p.

Сведения об авторах / Information about authors

Ланко Дмитрий Александрович – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-4089-7962

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Lanko Dmitry A. – Ph.D., Associate Professor, Department of European Studies, Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-4089-7962

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025.
Одобрена после рецензирования 29.12.2025.
Принята 26.01.2026.

Received 17.10.2025.
Approved after reviewing 29.12.2025.
Accepted 26.01.2026.

научная статья / research article

УДК: 327/339.9

EDN: [TJFGLU](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.8](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Экономические отношения России и Парагвая после 2022 г.: тенденции и перспективы

Коновалова-Алхименкова Ксения Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 k.konovalova@spbu.ru

Дьякова Валентина Валерьевна
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации, Москва, Россия
dyakova.vale@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование направлено на изучение проблемы состояния и перспективам развития внешнеэкономического взаимодействия России с Парагваем в современных условиях меняющейся международной архитектуры после 2022 г., начала специальной военной операции (СВО) и углубления системного кризиса в отношениях России со странами Запада. Актуальность исследования обусловлена необходимостью диверсификации торгово-экономических партнеров России на фоне нарастания санкционного давления. В текущих условиях страны Латинской Америки и Карибского бассейна стали одним из востребованных направлений для российских официальных и деловых лиц, деятельность которых связана с внешнеэкономическим сектором.

Методы и материалы. Исследование привлекает статистические и эмпирические данные, отражающие содержание и динамику торгового и инвестиционного взаимодействия Российской Федерации и Парагвая. Авторы полагаются, во-первых, на системный подход, позволяющий представить экономическое сотрудничество как целостный процесс, находящийся под влиянием внутренних и внешних, международных структурных ограничений. Во-вторых, на ретроспективный исторический метод, который необходим для раскрытия динамики российско-парагвайских связей в интервале с 2010-х, когда они нарастали, до начала 2020-ых, когда обострение между Россией и Западом создало препятствия для них. В-третьих, на методы статистического анализа и SWOT-анализа, чтобы определить структуру и динамику взаимной торговли, слабые и сильные стороны, вызовы и возможности экономического сотрудничества государств. Авторы также рассчитывают индексы международной торговли для России и Парагвая, чтобы обеспечить достоверность своих находок.

Результаты. Выявлено, что товарооборот России с Парагваем поступательно снижается на протяжении последних 10 лет, диверсификация товарной номенклатуры низкая. В инвестиционном сотрудничестве странам, несмотря на первоначальные надежды, также не удалось добиться прогресса. С другой стороны, несмотря на существующие ограничения, российско-парагвайское экономическое партнерство обладает значительным нереализованным

потенциалом, раскрытие которого будет крайне ограниченным без институциональной и политической координации.

Обсуждение и заключение. Полученные выводы носят выражено прикладной характер и могут быть полезны для прогнозирования развития российско-парагвайских экономических отношений, понимания их объективных пределов и возможностей.

Ключевые слова: торговля; инвестиции; экспорт; импорт; Россия; Парагвай; Латинская Америка и Карибский бассейн (ЛАКБ)

Для цитирования: Коновалова-Алхименкова К.А., Дьякова В.В. Экономические отношения России и Парагвая после 2022 г.: тенденции и перспективы // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 140–155. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.8>. EDN: TJFGLU.

© Коновалова-Алхименкова К.А., Дьякова В.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Economic Relations between Russia and Paraguay After 2022: Trends and Prospects

Kseniya A. Konovalova-Alkhimenkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 k.konovalova@spbu.ru

Valentina V. Diakova

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation, Moscow, Russia
dyakova.vale@yandex.ru

Abstract

Introduction. The research is dedicated to the current state and prospects for the development of Russia-Paraguay foreign economic relations in the context of a changing international architecture – after 2022, the start of special military operation (SMO) and the deepening of the Russia's systemic crisis in its relations with Western countries). The relevance of the study stems from the need to diversify Russia's trade and economic partners amid growing sanctions pressure. Under current circumstances, Latin American and Caribbean countries have become a sought-after destination for Russian officials and businesses involved in foreign trade.

Methods and Materials. The study draws on statistical and empirical data reflecting the content and dynamics of trade and investment interactions between the Russian Federation and Paraguay. The authors rely, firstly, on a systems approach, which allows them to present economic cooperation as a holistic process influenced by internal, external, and international structural constraints. Secondly, they employ a retrospective historical method, which is necessary to reveal the dynamics of Russian-Paraguayan relations from the 2010s, when they were growing, to the early 2020s, when tensions between Russia and the West created obstacles. Third, statistical analysis and SWOT analysis methods were used to determine the structure and dynamics of mutual trade, as well as the strengths and weaknesses, challenges, and opportunities for economic cooperation between the two countries. The authors also calculated international trade indices for Russia and Paraguay to ensure the validity of their findings.

Results. The study revealed that Russia's trade turnover with Paraguay has been steadily declining over the past 10 years, and the diversification of their product mix is low. Despite initial hopes, the countries have also failed to make progress in investment cooperation. On the other hand, despite existing limitations, the Russian-Paraguayan economic partnership possesses significant untapped potential, the realization of which, however, is very limited without institutional and political coordination.

Discussion and Conclusion. The findings are clearly practical in nature and can be useful for forecasting the development of Russian-Paraguayan economic relations and understanding their objective limits and potential.

Keywords: trade; investment; export; import; Russia; Paraguay; Latin America and the Caribbean (LAC)

For citation: Konovalova-Alkhimenkova, K.A., Diakova, V.V. Economic Relations between Russia and Paraguay after 2022: Trends and Prospects. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 140–155. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.8>. EDN: [TJFGLU](https://www.edn.ru/TJFGLU).

© Konovalova-Alkhimenkova, K.A., Diakova, V.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

После 2022 г. Российская Федерация столкнулась с задачей переориентации своих деловых связей на Глобальный Юг. В принятой в новых конфронтационных международных условиях Концепции внешней политики России от 31.03.2023 г. обозначено намерение наращивать отношения с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ) «на прагматичной, деидеологизированной и взаимовыгодной основе, уделяя приоритетное внимание увеличению объемов взаимной торговли и развитию других форм экономического сотрудничества»¹. В регионе особо выделен ряд приоритетных партнеров – Бразилия, Куба, Никарагуа, Венесуэла. Парагвай не входит в этот круг, однако его случай кажется заслуживающим внимания.

В начале XXI в. это небольшое южноамериканское государство попало в число крупнейших торговых партнеров России в ЛАКБ, и динамика развития экономических связей с ним впечатляет на региональном фоне. В период с 2004 по 2014 гг. двусторонняя торговля увеличилась почти в 48 раз и приблизилась к отметке в 1,2 млрд долл. США, став одним из самых высоких показателей для товарообменов Российской Федерации с государствами ЛАКБ [1, с. 216]. На рубеже 2010–2020-х гг. также появился ряд амбициозных инициатив в атомной, космической, транспортной областях, которые позиционировали Россию как участника индустриализации, инновационно-промышленного развития в Парагвае [2, р. 85–90].

Но период после 2022 г. стал испытанием для диалога России и Парагвая. Если в 2018 г. стороны еще обсуждали создание стратегического партнерства [2, р. 85–86], то украинский кризис буквально «перечеркнул» эти планы и сделал страну гарантом под управлением президентов Марио Абдо Бенитеса (2018–2023) и Сантьяго Пеньи (2023–н.вр.) одним из последовательных критиков международного курса Российской Федерации и приверженцев «морально-политической правоты» Киева и его западных союзников. По образному выражению посла России в Парагвае Александра Писарева, ранее бурно развивавшиеся отношения вошли в фазу «заморозки»².

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» № 229 от 31.03.2023 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 07.08.2025).

² Хамова Е. В Парагвае есть большой интерес к БРИКС. 18.03.2025 // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1855180/ekaterina-khamova/v-paragvae-est-bolshoi-interes-k-briks> (дата обращения: 13.10.2025).

В изменившихся условиях состояние деловых связей России и Парагвая еще не изучалось. Теоретически его роль может быть двойственной. С одной стороны, оно может находиться под значительным ограничивающим влиянием политической конъюнктуры. С другой стороны, деловые связи могут сохраняться, олицетворяя прагматичный и взаимовыгодный характер российско-латиноамериканского партнерства. Так, например, испанский ученый Роберто Мансилья Бланко³ (Галисийский институт международного анализа и документации) в 2018 г. отмечал, что Россия оказывается в состоянии сохранить и даже диверсифицировать партнерства в ЛАКБ, невзирая на смены правительств в регионе, переориентацию их внешнеполитических и идеологических векторов. В то же время, начало СВО в феврале 2022 г. привнесло в российско-латиноамериканский диалог новую вводную, а именно, разрыв России со странами Запада как значительной частью мирохозяйственной системы. Как показывает В.Л. Хейфец (СПбГУ), это стимулирует Россию «найти дополнительные аргументы для расширения взаимоотношений с партнерами» в ЛАКБ, но также и усложняет эту задачу [3, с. 37].

Таким образом, предлагаемое исследование направлено на выявление особенностей экономического взаимодействия России и Парагвая после начала СВО. Научно-практическая проблема, которая поднимается в статье, предполагает определение «чувствительности» российско-парагвайских деловых отношений как прагматических к осложнившейся международной конъюнктуре, к фактору разрыва между Россией и Западом. Во-первых, предполагается проанализировать, как выглядят двусторонние деловые связи в современных условиях. Во-вторых, ответить на вопрос о том, каковы их перспективы.

Методы и материалы

В основе данного исследования – системный подход. Это предполагает, что, с одной стороны, экономические отношения России и Парагвая носят комплексный характер, включая в себя такие сферы, как торговое и инвестиционное сотрудничество. Именно эти две области, с явным акцентом на межотраслевых торговых обменах, все еще составляют суть экономических партнерств России и стран ЛАКБ. Данный тезис поддерживается, например, такими ключевыми исследователями российско-латиноамериканского взаимодействия, как П.П. Яковлев [1; 4], А.В. Кузнецов (ИНИОН РАН) [5], Р. Мансилья Бланко⁴, Хорхе Лопес Аревало (Автономный университет Чиapas, Мексика) [6].

С другой стороны, экономические отношения выступают лишь одной из составляющих двустороннего российско-парагвайского взаимодействия как целого. Поэтому они находятся под влиянием различных факторов, касающихся политического диалога государств, мотивов и интересов каждого из них на международной арене. Как уже было ранее установлено нами, и Россия, и Парагвай

³ Mansilla Blanco R. Rusia en América Latina. Geopolítica y Pragmatismo. 20.11.2018 // IGADI: [сайт]. URL: <https://www.igadi.gal/analise/rusia-en-america-latina-geopolitica-y-pragmatismo/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁴ Mansilla Blanco R. Rusia en América Latina. Geopolítica y Pragmatismo. 20.11.2018 // IGADI: [сайт]. URL: <https://www.igadi.gal/analise/rusia-en-america-latina-geopolitica-y-pragmatismo/> (дата обращения: 20.10.2025).

ориентированы на многовекторные внешние связи, но они никогда не являлись первоочередными глобальными партнерами друг для друга. В то же время, серьезным ограничением для развития отношений с Россией со стороны Парагвая выступает его устойчивая историческая ориентация на США и, в целом, западный «лагерь», его подходы к международной ситуации [2].

Само содержание торгового и инвестиционного взаимодействия России и Парагвая изучается ретроспективно. В части торговых связей проводится работа со статистическими данными ГТС Trade Map, рассчитываются индексы международной торговли. Так, Индекс интенсивности торговли (Trade intensity index, ТИ) определяется по следующей формуле: $ТИ = \frac{\sum_{sd} X_{sd} / \sum_{sw} X_{sw}}{\sum_{wd} X_{wd} / \sum_{wy} X_{wy}}$, где s – набор стран в источнике экспорта (Россия), d – пункт назначения (страны ЛАКБ), w и y – страны в мире, X – двусторонний поток общего экспорта [7, p. 52–53]. Значения индекса измеряются в диапазоне от 0 до 1, и чем выше показатель, тем интенсивнее торговые потоки между государствами на фоне их роли в международной торговле.

Для оценки значимости основных товаров российского экспорта в Парагвай и импорта из этой южноамериканской страны используется Индекс экспортной специализации (Export specialization index, ESI). Он рассчитывается по следующей формуле: $ESI_{ij} = \frac{x_{ij}/X_{it}}{m_{kj}/M_{kt}}$, где ESI_{ij} – индекс экспортной специализации России (Парагвая) для товара j , t – все товары, x_{ij} – стоимостной объем экспорта товара j у России (Парагвая); X_{it} – суммарный экспорт России (Парагвая); m_{kj} – стоимостной объем импорта товара j у Парагвая (России); M_{kt} – суммарный импорт Парагвая (России). Индекс экспортной специализации позволяет выявить относительное преимущество страны в торговле определенной товарной группой в двусторонних связях. Чем выше значение индекса, тем больше схожесть структуры экспорта страны-экспортера со структурой страны-импортера [см. 8, с.72].

В части инвестиционных проектов изучены данные Центрального банка Парагвая, рассмотрены конкретные примеры делового партнерства. В завершение проводится SWOT-анализ, позволяющий обобщить состояние сотрудничества и увидеть его риски и перспективы.

Результаты

1. Российско-парагвайские торговые связи

Товарооборот России и Парагвая весьма волатилен, однако до начала 2020-х гг. прослеживалась довольно уверенная тенденция его нарастания. При этом пик пришелся на 2014 г. с показателем свыше 1 млрд долл. и явился скорее «аномалией», связанной с рекордным урожаем сои в Парагвае. Как заметно по табл. 1, после 2022 г. объемы торговли существенно сократились, уступая даже данным десятилетней давности. Сокращение затрагивает как импорт, так и экспорт России, причем между 2022 и 2024 гг. последний падает в 45 раз, но этот контраст также можно объяснить разовыми масштабными поставками удобрений из России, которые удалось организовать еще до того, как санкционный маховик против нее заработал в полную силу.

Таблица 1 / Table 1

Российско-парагвайский товарооборот, в тыс. долл. США
Russian-Paraguayan trade turnover, in thousands of US dollars

Показатели внешней торговли	2010	2014*	2015	2020	2021	2022**	2023**	2024**
Импорт	447 232	1 153 757	670 838	850 466	846 784	356 373	266 831	206 972
Экспорт	2 998	33 858	13 585	27 153	46 397	271 243	6 018	11 562
Внешне-торговый оборот	450 230	1 187 615	684 423	877 619	893 181	627 616	272 849	218 534

* год, в который был достигнут абсолютный максимум стоимостных объемов торговли с Парагваем

** зеркальные данные

Источник: ITC Trade Map⁵

С началом СВО и обострением международного кризиса вокруг Украины парагвайские политики взяли курс на дистанцирование от Москвы. Например, президент С. Пенья упомянул украинский кризис даже в своей инаугурационной речи в августе 2023 г., показав, что, хотя отношения с Россией ценны для его государства, Асунсьон склонен солидаризироваться с Киевом⁶. В то же время деловые круги высказывали намерение продолжать сотрудничество. Так, председатель Палаты мясопроизводителей Парагвая Даниель Берг поспешил выразить уверенность в том, что оценки президента «не повлияют на торговлю» и что «российский рынок продолжит оставаться важным и получит даже более весомую позицию, чем он имел в последние годы»⁷.

Тем не менее, 2020-е гг. стали временем объективного взаимного отдаления стран друг от друга, насколько можно судить по индексам интенсивности торговли (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Индексы интенсивности торговли России со странами ЛАКБ и с Парагваем, 2010–2024 гг.
Trade intensity indices of Russia with the LAC countries and with Paraguay, 2010–2024

Показатель индекса интенсивности торговли (Trade intensity index, ТИ)	2010	2014	2015	2020	2022	2023	2024
ТИ Россия – ЛАКБ	0,18	0,21	0,26	0,27	0,37	0,56	0,61
ТИ Россия – Парагвай	0,01	0,11	0,06	0,14	0,73	0,02	0,04

Источник: рассчитано авторами по данным ITC Trade Map⁸

Если говорить о взаимодействии России и ЛАКБ в целом, то в 2024 г. по сравнению с 2010 г. ее торговые потоки в регион заметно интенсифицировались:

⁵ ITC Trade Map: [сайт]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.11.2025).

⁶ Santiago Peña: su primer discurso completo como presidente de la República. 15.08.2023 // ABC Color, Asunción: [сайт]. URL: <https://www.abc.com.py/politica/2023/08/15/santiago-pena-su-primer-discurso-completo-como-presidente-de-la-republica/> (дата обращения: 08.12.2025).

⁷ Discurso de Peña no afectaría a las relaciones comerciales con Rusia, según agentes. 18.08.2023 // Market Data: [сайт]. URL: <https://marketdata.com.py/noticias/discurso-de-pena-no-afectaria-a-las-relaciones-comerciales-con-rusia-segun-agentes-114839/> (дата обращения: 25.11.2025).

⁸ ITC Trade Map: [сайт]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.11.2025).

произошло почти трехкратное увеличение значений индекса (с 0,18 до 0,61). Это отражает продолжающуюся переориентацию российских трейдеров на ЛАКБ как часть Глобального Юга. В российско-парагвайском измерении тенденция заметно более пессимистичная. После достижения пика значений ТП в 2022 г. (0,73) последовало резкое снижение и фактически возвращение к показателям 2010–2015 гг.

Еще одна негативная тенденция касается наполнения торговых потоков. В целом, исследователи соглашаются с тем, что в случае с Россией и ЛАКБ преобладает торговля товарами, и последние сконцентрированы вокруг нескольких ключевых групп, таких как нефть и нефтепродукты, удобрения, зерно, машины и оборудование [4; 6], причем уверенное продвижение на латиноамериканские рынки технологичной и инновационной продукции остается для России большой перспективной задачей.

Количество товарных групп экспорта России в Парагвай не стабильно (табл. 3). В 2010 г. экспорт был в наименьшей степени диверсифицирован, в 2022 г. разнообразие товарного наполнения было максимальным, а далее последовал резкий, более чем двукратный, спад и незначительное увеличение в 2024 г. Если обратиться к статистике и данным классификатора торговой номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД)⁹, можно увидеть, что на всем протяжении рассматриваемого периода основу товарного наполнения экспорта России в Парагвай составляли: удобрения (гр. 31), нефть и нефтепродукты (гр. 27), древесина и изделия из нее (гр. 44). Особую значимость в 2022–2024 гг. приобрели низкотехнологичные группы – «соль, сера...» и «мясо и пищевые мясные субпродукты» (гр. 25 и 02 соответственно, в отношении которых наблюдаются, к тому же, взаимные закупки). Доля машин и оборудования (гр. 84, 85, 87, 90), медикаментов (гр. 30) была скромной и стала убывать после 2022 г.

Таблица 3 / Table 3

**Количество товарных групп российского экспорта в Парагвай
и импорта из Парагвая, 2010–2024 гг.**
**Number of product groups in Russian exports to Paraguay
and imports from Paraguay, 2010–2024**

Показатель/год	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Количество товарных групп российского экспорта в Парагвай	4	14	17	27	24	10	12
Количество товарных групп российского импорта из Парагвая	4	8	13	9	9	6	4

Источник: составлено авторами по данным ITC Trade Map¹⁰

Для оценки взаимной значимости двусторонней торговли может быть рассчитан индекс экспортной специализации (ESI). Невзирая на негативные тенденции по объемам и разнообразию торговли, за 14 лет значение торговых связей по выделенной номенклатуре практически везде возросло. Можно говорить о высокой степени удовлетворения за счет российского направления потребностей парагвайской

⁹ Здесь и далее используются коды товарных групп по классификатору товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД). См., например: Коды ТН ВЭД. Онлайн-сервис // Альта-Софт. Все для декларантов и участников ВЭД: [сайт]. URL: <https://www.alt.ru/tnved/?ysclid=mixim2y5tv35809107> (дата обращения: 18.12.2025).

¹⁰ ITC Trade Map: [сайт]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.11.2025).

экономики в получении нефти и нефтепродуктов, удобрений, древесины и изделий из нее (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Индекс экспортной специализации для основных товаров российского экспорта в Парагвай, 2010–2024 гг.

Export Specialization Index for Major Russian Exports to Paraguay, 2010–2024

Показатель индекса экспортной специализации (ESI)/ Код товарной группы	44 (древесина и изделия из нее)	27 (топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки)	02 (мясо и мясные пищевые субпродукты)	31 (удобрения)	25 (соль, сера; земли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент)
ESI ₂₀₁₀	13,76	5,55	0,58	0,53	0,47
ESI ₂₀₂₄	7,95	4,55	1,80	0,91	0,81

Источник: рассчитано авторами по данным ITC Trade Map¹¹

Из таблицы 5 следует и высокая степень зависимости Парагвая от поставок в Россию мяса, сои, жиров и других продуктов животного происхождения (гр. 05). Снижение показателей ESI сейчас наблюдается только по экспорту парагвайской сои (гр. 12), оставаясь по-прежнему в разы выше, чем в случае рассмотренных выше товарных групп российского экспорта. Это отражает тот факт, что парагвайская экономика, в целом, зависит от торговли с Россией больше, чем российское национальное хозяйство от связей с Парагваем. С другой стороны, это обстоятельство объяснимо и крайне неравной емкостью рынков двух государств.

Таблица 5 / Table 5

Индекс экспортной специализации для основных товаров парагвайского экспорта в Россию, 2010–2024 гг.

Export specialization index for the main commodities of Paraguay's exports to Russia, 2010–2024

Показатель индекса экспортной специализации (ESI)/ Код товарной группы	02 (мясо и мясные пищевые субпродукты)	12 (масличные семена и плоды)	05 (продукты животного происхождения)	15 (жиры и масла животного или растительного происхождения)
ESI ₂₀₁₀	5,53	58,41	6,01	7,32
ESI ₂₀₂₄	39,75	40,55	18,50	7,41

Источники: рассчитано авторами по данным ITC Trade Map¹²

2. Инвестиционные инициативы России

По данным Центрального банка Парагвая, Россия никогда не входила в число значимых инвестиционных направлений латиноамериканской страны¹³. В то же время,

¹¹ ITC Trade Map: [сайт]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 26.11.2025).

¹² ITC Trade Map: [сайт]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 26.11.2025).

¹³ Banco Central de Paraguay. Informe de Inversión Directa (ID). Asunción, octubre de 2025. 32 p. [сайт]: URL: <https://www.bcp.gov.py/documents/20117/335698/Presentaci%C3%B3n+ID+2024+vf.pdf/ac4cb859-58c2-8d43-dcec-7d2bd0e9e5fe?t=1761235559365> (дата обращения: 10.12.2025).

предложения привлекать российские фирмы на парагвайскую землю, развивать промышленное и технологическое сотрудничество стабильно звучали в риторике лидеров и послов, рассматривались в 2010-е гг. как важный шаг к углублению экономического взаимодействия и стратегическому партнерству [1, с. 216; 2].

Среди ключевых проектов 2010-х – начала 2020-х гг. можно выделить несколько. Во-первых, это вложения агропромышленной группы «Содружество» в модернизацию портово-логистической инфраструктуры в Парагвае, которые были анонсированы в сентябре 2015 г. Начальная сумма оценивалась в 50 млрд долл. США. Данная сделка широко освещалась в парагвайских медиа, к ней было привлечено внимание профильных министерств и президента Орасио Картеса (2013–2018)¹⁴. В ходе этой инициативы ГК «Содружество» и парагвайский бизнес создавали два совместных предприятия «Sarcom SA» и «Sodrugestvo – Paraguay», задачей которых была модернизация нескольких транспортных терминалов на реках Парана и Парагвай и поддержка экспорта парагвайских сельскохозяйственных продуктов, идущих на мировой рынок. В начале 2022 г., до того, как Россия столкнулась с международными санкциями, парагвайская бизнес-аналитика сообщала, что «Sodrugestvo – Paraguay» занимала третье место в стране по стоимостному объему экспортируемой продукции среди всех фирм-поставщиков сои, опережая даже «Cofco International» и «Cargill Agroprescuaria» – работающие в Парагвае дочерние компании ведущих сельскохозяйственных транснациональных корпораций (далее – ТНК) из КНР и США соответственно¹⁵. Но впоследствии «Sodrugestvo – Paraguay» (с 2023 г. фирма носила название «Sodru – Paraguay») исчезла из числа лидеров-операторов соевых поставок южноамериканской страны¹⁶. Это можно связать как с внутренней трансформацией промышленной группы, где в 2023–2024 гг. произошли передел и размежевание российских и зарубежных активов¹⁷, так и с давлением на российский бизнес в изменившихся международных условиях.

Во-вторых, следует указать на попытки продвинуть российское присутствие в атомном секторе Парагвая. В 2017 г. было подписано Межправительственное соглашение о сотрудничестве Парагвая и России в атомной сфере, что предполагало поставки из России материалов и комплектующих для ядерных реакторов медицинского и исследовательского назначения¹⁸, обмена технологическим и

¹⁴ Empresa rusa invertirá 50 millones de dólares en un puerto de Paraguay. 17.09.2015 // SudAméricaHoy: [сайт]: URL: <https://sudamerica hoy.com/pais-paraguay/empresa-rusa-invertira-50-millones-de-dolares-en-un-puerto-de-paraguay/> (дата обращения: 13.10.2025).

¹⁵ Estas fueron las cinco compañías que más exportaron durante el 2021. 20.01.2022 // InfoNegocios: [сайт]: URL: <https://infonegocios.com.py/nota-principal/estas-fueron-las-cinco-companias-que-mas-exportaron-durante-el-2021> (дата обращения: 13.10.2025).

¹⁶ Brief Insights of the Categorized Soybeans Export of Paraguay in 2024. 26.02.2025 // Import Globals: [сайт]. URL: <https://www.importglobals.com/blog/brief-insights-of-the-categorized-soybeans-export-of-paraguay-in-2024> (дата обращения: 25.11.2025).

¹⁷ Владеющие агропромышленной группой «Содружество» супруги стали миллиардерами. 01.04.2024 // Forbes: [сайт]: URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/509355-vladeusie-agropromyslennoj-gruppoj-sodruzestvo-suprugy-stali-milliarderamim?ysclid=mfpm9hft7b896298631> (дата обращения: 14.10.2025).

¹⁸ Ley N° 6121 / Aprueba el acuerdo entre el gobierno de la República del Paraguay y el gobierno de la República de la Federación de Rusia sobre la cooperación en el campo del uso pacífico de la energía nuclear. Art. 4. [сайт]. URL: <https://py.vlex.com/vid/ley-no-6121-aprueba-736487025> (дата обращения: 08.12.2025).

экспертным опытом¹⁹. Данный проект сам по себе мог восприниматься как сигнал о растущей приоритетности парагвайского направления для РФ, учитывая высокую важность атомной энергетики как ресурса присутствия России в странах Глобального Юга. Однако, несмотря на договоренность на межправительственном уровне, инициатива не получила развития.

Еще одним амбициозным замыслом были планы по созданию в Парагвае российской индустриальной зоны. Впервые их озвучила бизнес-делегация во главе с бывшим в то время министром промышленности и торговли Д.В. Мантуровым, посетившая Асунсьон в октябре 2017 г. Революционный характер этого замысла состоял, во-первых, в том, что российский бизнес должен был начать работу в рамках режима макиладорас²⁰, организуя совместные с Парагваем производственные цепочки, а во-вторых, в том, что предполагалось комплексное использование капиталов и технологий из России в процессе индустриализации Парагвая. Парагвайская сторона комментировала эти российские инициативы позитивно, но не переходя к конкретным действиям на практике [9, с. 143]. В результате вопрос об индустриальной зоне «подвис» и не получил развития вплоть до настоящего времени.

В начале 2020-х гг., на волне пандемии коронавируса, еще одним «драйвером» российского промышленно-технологического присутствия в Парагвае могла стать фармацевтика. Парагвай являлся одной из самых пострадавших от распространения Covid-19 стран и был заинтересован не только в поставках из России препарата «Sputnik V», но и локализации производства этого медикамента у себя. Российская сторона сочла инициативу невыгодной, сделав выбор в пользу собственно поставок готового препарата в Парагвай и локализации его производства в соседней более крупной Аргентине [2, р. 110–112].

Таким образом, приходится констатировать, что большинство инвестиционных планов остались на бумаге и не были реализованы даже до введения масштабных санкций против России. Единственный крупный успешный проект связан с соевым сектором, то есть, он логично продолжает довольно узкую структуру товарообмена между странами, указывая на ограниченность экономического сотрудничества государств.

Обсуждение

Для того чтобы комплексно рассмотреть состояние и перспективы российско-парагвайского экономического взаимодействия, представим его SWOT-анализ.

Сильной стороной этих связей можно назвать уже сложившиеся традиции внешнеэкономического сотрудничества, особенно, в сельскохозяйственной отрасли. Это сотрудничество сохраняет значимость для обоих государств даже в условиях политических противоречий, и Парагвай не присоединяется к санкционным ограничениям против России, которая остается в числе основных направлений сбыта стратегически важной для него продукции (сои, мяса).

¹⁹ Rusia busca fortalecer cooperación con Paraguay en el ámbito de la salud, ganadería y agricultura. 26.06.2018 // Gobierno del Paraguay: [сайт]: URL: <https://www.mre.gov.py/embapar-argentina/index.php/noticias/rusia-busca-fortalecer-cooperacion-con-paraguay-en-elambito-de-la-salud-ganaderia-y-agricultura> (дата обращения: 08.12.2025).

²⁰ Режим макиладорас в Парагвае – особый режим стимулирования инвестиций и экспорта, основанный на модели международного аутсорсинга промышленных процессов или услуг.

Объективной слабостью рассмотренных торгово-экономических отношений выступает низкая диверсификация товарооборота, со скромной долей в нем высокотехнологичных позиций, и отсутствие серьезного инвестиционного опыта в Парагвае у российских предприятий. Последнее обстоятельство объясняется рядом постоянно действующих негативных факторов. Речь идет об удаленном географическом расположении партнеров и высоких транспортных издержках, культурно-языковых барьерах, недостатке информированности о возможностях на рынках друг друга, ограниченном лоббировании российских промышленных интересов [10], при том, что парагвайский хозяйственный комплекс имеет традиции тесных связей с интересами Бразилии и Аргентины, США, западноевропейских игроков, Японии, Тайваня.

Комплементарность потребностей российской и парагвайской экономик является ограниченной вследствие схожести статей экспорта, например, таких, как мясо и субпродукты (гр. 02), масличные семена и плоды (гр. 12), пшеница (гр. 10). Параллельно обе страны могут выступать конкурентами на других значимых для них рынках, особенно, продовольственных. Например, в первом полугодии 2023 г. России впервые удалось занять четвертое место по экспорту зерна в Бразилию, но тогда ее опередили Аргентина, Парагвай и Уругвай²¹.

Круг рисков для развития российско-парагвайского экономического партнерства также широк, причем среди них можно выделить как внутренние негативные переменные, связанные с функционированием самого национального хозяйства Парагвая, так и внешние, средовые, обстоятельства.

К числу первых можно отнести неблагоприятные природные явления в этой южноамериканской стране, такие как засухи, или, напротив, наводнения. Они нередко приводят к колебаниям в российско-парагвайском товарообороте, на фоне неурожая сокращается не только экспорт в Россию сельскохозяйственных товаров, но и импорт российской продукции (удобрений, топлива). Например, в 2020–2023 гг. Парагвай пережил череду суровых засух, что привело к снижению его предложения зерновых и масличных культур (в посевную кампанию 2021–2022 г., в частности, было потеряно до 56% урожая сои²²), а также к сокращению закупок удобрений за границей.

Другой фактор, который перманентно сдерживает сотрудничество Парагвая с глобальными партнерами, включая Россию, вытекает из его внутриконтинентального географического положения и недостаточно развитой транспортной инфраструктуры. Парагвайское правительство уже давно ведет работу над развитием логистических маршрутов, но оно в первую очередь концентрируется на региональной связности и повороте к Азиатско-тихоокеанскому региону (за счет проекта «Парагвай как мультимодальный логистический хаб» и подключения к «биокеаническому коридору», который в будущем должен связать побережье Бразилии и юг Азии).

Что же касается внешних рисков, то здесь главное место занимает высокая чувствительность экономического сотрудничества к политической конъюнктуре. На

²¹ Россия впервые вошла в топ-5 крупнейших поставщиков зерна в Бразилию. 02.09.2023 // Ведомости: [сайт]: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/09/02/993146-rossiya-voshla-top-5-postavschikov> (дата обращения: 25.11.2025).

²² Sequía agrícola: diferencias entre el panorama actual y el de otros años. 26.01.2025 // La Nación. Asunción: [сайт]: URL: https://www.lanacion.com.py/negocios_edicion_impresa/2025/01/26/sequia-agricola-diferencias-entre-el-panorama-actual-y-el-de-otros-anos/ (дата обращения: 25.11.2025).

фоне украинского кризиса экономическое взаимодействие России и Парагвая переживает спад, виной которому – не только прямые ограничения перевозок российских грузов или проблемы с международными расчетами, но и сами внешнеполитические ориентиры парагвайского руководства. Парагвайские деятели, включая, как уже отмечалось, президента С. Пенью, не отрицают важности экономического взаимодействия с Россией, но в условиях солидаризации с Западом на межправительственном уровне не готовы «выносить украинский кризис за скобки» и создавать новые межправительственные каналы для оживления экономических отношений. А по оценкам известного в Парагвае левого оппозиционного политика, сенатора Сиксто Перейры, «заморозка» отношений с Россией после февраля 2022 г. может и вовсе трактоваться как следствие давления США и их союзников на элиты южноамериканского государства²³.

Следует отметить, что пока отношения с Россией пробуксовывают, Парагвай активизирует поиск внешнеторговых альтернатив, которые, скорее всего, надолго останутся для него приоритетами. Это и мясной рынок США, который стал доступен для Парагвая в 2023 г. после 25 лет закрытия, и многоплановое сотрудничество с Европейским союзом по линии блока Mercosur, с декабря 2024 г. уже приобретающее контуры соглашения о свободной торговле.

На фоне растущей международной конкуренции на самом парагвайском рынке происходит и повышение «инновационной чувствительности» [11] экономики Парагвая. Это означает возрастание требовательности его экономических субъектов и потребителей к технологическим разработкам. В перспективе это создает давление на российском направлении, где, как уже отмечалось, нет существенного опыта инновационного производственного сотрудничества, а роль продукции высоких переделов в торговых поставках весьма ограничена.

С учетом того, что российско-парагвайское торгово-экономическое партнерство является довольно узконаправленным, а все инициативы, связанные с его качественным усложнением, были опосредованы межправительственным взаимодействием, горизонт возможностей в его развитии сильно зависит от политических договоренностей.

В этом смысле можно представить себе два сценария. Первый связан с сохранением «паузы» в политической кооперации, образовавшейся после 2022 г. Сутью такого сценария могло бы быть постепенное расширение деловых контактов как прагматической альтернативы, с апеллированием к прошлому положительному опыту. Для этого существует некоторая почва, например, в виде контактов с парагвайской стороной на Петербургском международном экономическом форуме (делегация из Парагвая посещала ПМЭФ в 2022 г. уже после начала СВО). В парадигме деловых связей и отношений бизнеса и общественных субъектов может быть полезно НКО «Центр интеграции и кооперации России и Латинской Америки» (Centro de Integración y Cooperación de Rusia y América Latina – CICRAL). В 2024 г. эта структура открыла свой филиал в Парагвае. Хотя деятельность Центра в большей степени ориентирована на общественную дипломатию, ее функцией также выступает содействие торговым обменам. Представляется, что Центр мог бы помочь

²³ В Парагвае заявили о давлении со стороны США в отношениях с Россией. 18.06.2022 // РИА Новости: [сайт]: URL: <https://ria.ru/20220618/davlenie-1796367286.html?ysclid=mi7vfun6fp103698570> (дата обращения: 25.11.2025).

распространению информации о взаимных возможностях на рынках, более точному исследованию потребительского спроса.

Второй сценарий предполагает постепенное устранение текущих политических противоречий, но с учетом объективных ограничений экономического партнерства России и Парагвая. Он мог бы включать в себя следующие компоненты:

1. Участие России в развитии инфраструктуры Парагвая. Это может быть не только транспортная инфраструктура, но и цифровая. Парагвай обладает одним из самых низких индексов развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в регионе – 74,1²⁴ в 2024 г. – и нуждается в иностранных инвестициях в эту сферу [см. 12, р. 11–13]. В то же время в ноябре 2024 г. Министерство промышленности и торговли России и «цифровой атташе» Торгового представительства РФ в Аргентине Сергей Живулин проводили вебинар, посвященный ИТ в Уругвае и Парагвае. Там обсуждались возможности для российских компаний в данной отрасли²⁵, пусть конкретные решения еще и не последовали.

2. Внешнеэкономическое взаимодействие в формате «треугольника» – Россия – Бразилия – Парагвай. В условиях, когда Аргентина дистанцировалась от России в президентство либертарианца Хавьера Милея, Бразилия выступает стратегическим партнером и для Российской Федерации, и для Парагвая. Эта южноамериканская страна могла бы выступать логистическим и производственным «хабом» для идущих в Парагвай российских удобрений (с учетом того, что в марте 2024 г. уже было начато производство фосфорных удобрений российской компанией «Еврохим» в штате Минас-Жерайс) и других товаров сельскохозяйственного назначения, включая технику. «Треугольный» формат сотрудничества серьезно подчеркнул бы прагматическую значимость российского вектора для Парагвая и сыграл бы положительную роль в плане охлаждения политико-идеологических противоречий.

3. Повышение инновационности торгово-экономического сотрудничества. В условиях высококонкурентной среды парагвайского рынка России следует увеличивать предложение уникальных наукоемких проектов с задействованием стратегии «нишевого проникновения» и финансовых возможностей российских «компаний-богатырей (первопроходцев)» [13]. Исходя из имеющегося опыта сотрудничества, перспективными представляются сферы здравоохранения, сельского хозяйства, применение атома в мирных целях в различных отраслях промышленности. С учетом того, что Россия регулярно поставяет удобрения в Парагвай, возможен экспорт биоудобрений, расширение поставок сельскохозяйственных машин и оборудования, взаимодействие в области вакцинации животных, ирригационных систем и агротехнологий, которые позволили бы Парагваю снизить ущерб для своего сельского хозяйства от природных катаклизмов.

4. Консультационные услуги в ряде отраслей парагвайской экономики. Парагвай, как и большинство латиноамериканских стран, не имеет полноценной технологической

²⁴ По данным Международного союза электросвязи. Measuring digital development. The ICT Development Index 2025. P. 6: [сайт]: URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICT_MDD-2025-1-PDF-E.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

²⁵ ИТ в Уругвае и Парагвае. Возможности и вызовы для российских компаний. 13.11.2024 // Министерство промышленности и торговли Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://rutube.ru/video/9b3e8f1efa14ac3b4b94430e334c76f0/> (дата обращения: 25.11.2025).

и финансовой возможности для самостоятельной добычи и обработки полезных ископаемых. Например, в парагвайской области Чако, предположительно, имеются значительные запасы нефти, но они неудовлетворительно изучены, практически не разрабатываются. Потенциально это представляет возможность для горнодобывающих компаний из России, обладающих многолетними компетенциями в этой области. В Парагвае наблюдается также отсутствие современной инфраструктуры, необходимой для выработки электроэнергии с задействованием рек, тогда как Россия еще с советского периода имеет признанный опыт и традиции кооперации с латиноамериканскими странами по созданию гидроэлектростанций (ГЭС). Консалтинг России в энергетической отрасли могли бы подстегнуть и промышленное сотрудничество, и инвестиционное взаимодействие.

Заключение

Хотя Парагвай в начале XXI в. стал для Российской Федерации одним из заметных направлений экономического сотрудничества в регионе ЛАКБ, взаимодействие с ним имеет явные пределы и ограничения. Прежде всего, данное партнерство представляет собой торговлю товарами и обладает скромным опытом инвестиционного сотрудничества, оно низко диверсифицировано, носит скорее нишевой, чем многопрофильный характер. Украинский кризис создал дополнительные ограничения, которые касаются как расчетов, логистики, так и политических препятствий для диалога двух сторон. Так, например, для расширения экономического сотрудничества России и Парагваю был бы необходим такой инструмент, как специализированная межправительственная комиссия, однако ее формирование в текущей политической конъюнктуре практически невозможно.

В то же время, представляется, что деловое взаимодействие не только остается той сферой, где парагвайские контрагенты видят реальные выгоды от диалога с Россией, но и может послужить «рычагом» для восстановления всего объема партнерских связей.

В текущих условиях для российско-парагвайских внешнеэкономических отношений представляется целесообразным поддерживать поставки основных товарных групп, стремясь к увеличению их стоимостного объема и расширению товарной номенклатуры. Область сельского хозяйства представляется наиболее доступной и перспективной сферой для наращивания кооперации прямо сейчас. При этом важно стремиться к повышению инновационной составляющей в экспортируемой Россией продукции, в предлагаемых совместных проектах для привлечения парагвайских партнеров. Ключевым каналом для налаживания экономического взаимодействия мы полагаем, в первую очередь, прямые контакты бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: константы и переменные торгово-экономических отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 3. С. 209–226. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-12>. EDN: ASYYLB.
2. Konoválova, K.A., Jelfets, V.L. Paraguay y Rusia: Dinamismo y Límites del Diálogo en el Siglo XXI // *Revista CS*. 2022. № 37. P. 85–114. <https://doi.org/10.18046/recs.i37.5108>. EDN: PTMHPW.
3. Хейфец В.Л. Современные векторы российской политики в Латинской Америке // *Сравнительная политика*. 2025. Т. 16. № 2. С. 26–51. <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2025-2-16-5>. EDN: ZEZEXY.

4. Яковлев П.П. Экономическое сотрудничество России со странами Латинской Америки в контексте мирохозяйственных трансформаций // Современная мировая экономика. 2023. Том 1. № 2 (2). С. 112–132. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-2-112-132>. EDN: YWRMHV.
5. Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России в страны Латинской Америки // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 3 (115). С. 254–269. EDN: HQTNPZ.
6. López Arévalo, J.A. Las Relaciones Comerciales (Intra e Interindustriales) de Rusia con América Latina y el Caribe, 2000–2015 // Iberoamérica. 2018. № 2. P. 68–97.
7. Mikic, M., Gilbert, J. Trade Statistics in Policymaking. A Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators. Studies in Trade and Investment, Trade Policy Section. Trade and Investment Division. New York: UNESCAP, 2009. 136 p. [эл. доступ]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
8. Миракян Д.Г. Модели оценки экономической интеграции в региональных интеграционных объединениях // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. Том 58. № 6. С. 58–77. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-4>. EDN: JOSCOQ.
9. Коновалова К.А. Парагвай после диктатуры Альфредо Стресснера в системе международных отношений: 1989–2018 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. 384 с. EDN: ORYHBK.
10. Ryzhkova, V.S., Koval, A.G. The Role of Trade Costs in the Russian-Paraguayan Trade Relations // Latin American Journal of Trade Policy. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 5–29. <https://doi.org/10.5354/0719-9368.2018.52139>.
11. Дьякова В.В. Тенденции внешнеэкономического сотрудничества России со странами Латинской Америки и Карибского бассейна: результаты расчета индексов торговли товарами // Экономика и предпринимательство. 2025. № 10 (183). С. 540–543. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.183.10.088>. EDN: IONNKS.
12. Razumovskiy, D.V., Moseykin, Yu.N. Digitalización en América Latina y oportunidades para empresas rusas // Iberoamerica. 2022. Núm. 1. P. 5–37. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2022-1-01>. EDN: YYOAJP.
13. Дьякова В.В. Особенности российско-латиноамериканского внешнеэкономического сотрудничества в современных условиях: классификация партнеров России в регионе // Экономика и предпринимательство. 2025. № 11 (184). С. 80–84. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.184.11.011>. EDN: TNOTJU.

REFERENCES

1. Yakovlev, P.P. Russia and Latin America: Constants and Variables in Trade and Economic Relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 209–226. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-12>. EDN: ASYYLB.
2. Konovalova, K.A., Kheifets, V.L. Paraguay y Rusia: Dinamismo y Límites del Diálogo en el Siglo XXI [Paraguay and Russia: Dynamics and Limits of the Dialogue in the 21st Century]. *Journal CS*. 2022. No. 37. P. 85–114. (In Spanish). <https://doi.org/10.18046/recs.i37.5108>. EDN: PTMHPW.
3. Jeifets, V.L. Contemporary Vectors of Russian Policy in Latin America. *Comparative Politics Russia* 2025. Vol. 16. No. 2. P. 26–51. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2025-2-16-5>. EDN: ZEZEXY.
4. Yakovlev, P.P. Russia's Economic Cooperation with LATIN AMERICA in the Context of Global Economic Transformations. *Contemporary World Economy*. 2023. Vol. 1. No. 2 (2). P. 112–132. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-2-112-132>. EDN: YWRMHV.
5. Kuznetsov, A.V. Russian Direct Investment in Countries of Latin America. *Current Problems of Europe*. 2022. No. 3 (115). P. 254–269. (In Russian). EDN: HQTNPZ.
6. López Arévalo, J.A. The Russia's Trade Relations (Intra and Inter-Industry) with Latin America and the Caribbean, 2000–2015. *Iberoamerica*. 2018. No. 2. P. 68–97. (In Spanish).
7. Mikic, M., Gilbert, J. Trade Statistics in Policymaking. A Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators. Studies in Trade and Investment, Trade Policy Section. Trade and Investment

Division. New York: UNESCAP, 2009. 136 p. Available at https://www.unescap.org/sites/default/files/0%20-%20Full%20Report_27.pdf (accessed: 10.09.2025).

8. Mirakyan, D.G. Economic Integration Assessing Models in Regional Integration Associations. *Lomonosov Economics Journal*. 2023. Vol. 58. No. 6. P. 58–77. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/msu0130-0105-6-58-6-4>. EDN: JOSCOQ.

9. Konovalova, K.A. Paraguay после диктатуры Alfredo Stroessner в системе международных отношений: 1989–2018 гг [Paraguay After the Dictatorship of Alfredo Stroessner in the System of International Relations: 1989–2018]. Diss ... cand. Sci. (Hist.). SPb.: Saint Petersburg State University, 2022. 384 p. (In Russian). EDN: ORYHBK.

10. Ryzhkova, V.S., Koval, A.G. The Role of Trade Costs in the Russian-Paraguayan Trade Relations. *Latin American Journal of Trade Policy*. 2019. Vol. 1. no. 2. P. 5–29. <https://doi.org/10.5354/0719-9368.2018.52139>.

11. Dyakova, V.V. Trends in Russia-Latin America Foreign Economic Cooperation: Results of Calculating Commodity Trade Indices. *Economy and Entrepreneurship*. 2025. No. 10 (183). P. 540–543. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/eip.2025.183.10.088>. EDN: IONNKS.

12. Razumovskiy, D.V., Moseykin, Yu.N. Digitalization in Latin America and Opportunities for Russian Companies. *Iberoamerica*. 2022. No. 1. P. 5–37. (In Spanish). <https://doi.org/10.37656/s20768400-2022-1-01>. EDN: YYOAJP.

13. Dyakova, V.V. Peculiarities of Russian-Latin American Foreign Economic Cooperation in Modern Conditions: Classification of Russia's Partners in the Region. *Economy and Entrepreneurship*. 2025. No. 11 (184). P. 80–84. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/eip.2025.184.11.011>. EDN: TNOTJU.

Сведения об авторах / Information about authors

Коновалова-Алхименкова Ксения Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: k.konovalova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-9848-0035

Дьякова Валентина Валерьевна – Магистр экономики, независимый исследователь.

E-mail: dyakova.vale@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-4781-6625

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Konovalova-Alkhimenkova Kseniya A. – PhD in history, senior lecturer Department of World Politics, Faculty of the International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: k.konovalova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-9848-0035

Diakova Valentina V. – Master of economics, Independent Researcher.

E-mail: dyakova.vale@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-4781-6625

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025.

Одобрена после рецензирования 02.12.2025.

Принята 04.12.2025.

Received 27.11.2025.

Approved after reviewing 02.12.2025.

Accepted 04.12.2025.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [VVEMET](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.9](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Размышления экспертов об установлении военно-политического союза между Россией и Китаем

Печерица Владимир Федорович

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
 pecheritsa.vf@dvfu.ru

Аннотация

Введение. Важнейшим фактором современных международных отношений являются отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В настоящее время их характер свидетельствует о перерастании стратегического партнерства в новое качество. Научная проблема в нашем исследовании связана с противоречием между необходимостью углубления военно-политической интеграции России и Китая и угрозой эскалации конфликта с Западом. Цель – определить государственную позицию Российской Федерации и Китайской Народной Республики в отношении перспектив и целесообразности формирования официального военного союза между Москвой и Пекином.

Методы и материалы. В исследовании использованы методы, применяемые в политологической науке: компаративистский, метод прогнозирования, позволяющие рассмотреть многоаспектное сотрудничество между Россией и Китаем по вопросу необходимости формирования союза между государствами, а также вероятности развития вариантов. Основной исследовательской базой послужили официальные документы, выступления глав государств, а также научные публикации российских и китайских аналитиков.

Результаты. Проанализированы возможности дальнейшего развития стратегического партнерства между Россией и Китаем, выявлены дальнейшие пути сотрудничества. Рассмотрены возможности военно-политического союза для двух государств. Сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой всесторонне развивается и полностью соответствует национальным интересам двух государств. Анализ дискуссий между российскими и китайскими экспертами указывает на возможность вероятного заключения военно-политического союза, если будет продолжаться агрессивная политика США и его союзников в отношении России и Китая.

Обсуждение и заключение. Российская Федерация и Китайская Народная Республика остаются верными сторонниками стратегического партнерства, демонстрируя тесное единство действий. В ответ на возрастающие угрозы со стороны США и их союзников наши

государства проводят сбалансированную политику по защите мира. Анализ государственных документов, выступлений российских и китайских лидеров, изучение и сопоставление позиций российских и китайских аналитиков показывают возможности формирования конструктивной версии развития отношений между Россией и Китаем.

Ключевые слова: внешняя политика; стратегическое партнерство; военно-политический союз; Россия; Китай

Для цитирования: Печерица В.Ф. Размышления экспертов об установлении военно-политического союза между Россией и Китаем // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 156–171. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.9>. EDN: **VVEMET**.

© Печерица В.Ф., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Experts' Thoughts on Establishing a Military-Political Alliance between Russia and China

Vladimir F. Pecheritsa

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
 pecheritsa.vf@dvfu.ru

Abstract

Introduction. The relationship between the Russian Federation and the People's Republic of China is a crucial factor in contemporary international relations. Currently, their nature indicates that their strategic partnership is evolving to a new level. The research problem in our study is related to the contradiction between the need to deepen military-political integration between Russia and China and the threat of escalating conflict with the West. The purpose is to determine the state position of the Russian Federation and the People's Republic of China regarding the prospects and feasibility of shaping an official military alliance between Moscow and Beijing.

Methods and Materials. The research utilizes methods common in political science, including comparative analysis, forecasting, to examine the multifaceted cooperation between Russia and China, addressing the need for an alliance between the two states and the likelihood of various options. Official documents, speeches by heads of state, and scholarly publications by Russian and Chinese analysts served as the primary research base.

Results. The possibilities for further development of the strategic partnership between Russia and China were analyzed, and future avenues for cooperation were identified. The potential for a military-political alliance between the two countries was explored. Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China is developing comprehensively and fully aligns with the national interests of both countries. Analysis of discussions between Russian and Chinese experts points to the possibility of a military-political alliance in case of the aggressive policies of the United States and its allies toward Russia and China continue.

Discussion and Conclusion. The Russian Federation and the People's Republic of China remain staunch supporters of their strategic partnership, demonstrating close unity of action. In response to growing threats from the United States and its allies, our countries are pursuing a balanced policy to protect peace. An analysis of government documents, speeches by Russian and Chinese leaders, and a review and comparison of the positions of Russian and Chinese analysts demonstrate the potential for a constructive vision of the future of relations between Russia and China.

Keywords: external policy; strategic partnership; military-political alliance; Russia; China

For citation: Pecheritsa, V.F. Experts' Thoughts on Establishing a Military-Political Alliance between Russia and China. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 156–171. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.9>. EDN: **VVEMET**.

© Pecheritsa, V.F., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Постановка научной проблемы в нашем исследовании связана с противоречием между необходимостью углубления военно-политической интеграции России и Китая и возможностью следования правильной военной стратегии, что вызовет эскалацию конфликта с Западом. Целью нашего исследования является рассмотрение государственной позиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики в отношении перспектив и целесообразности формирования официального военного союза между Москвой и Пекином. В задачи исследования входят:

- проанализировать взгляды российских и китайских аналитиков по вопросам установления предпосылок по реформированию отношений между странами;
- дать оценку мнениям экспертов двух стран о целесообразности формирования союзных отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республики.

Современные международные отношения характеризуются резким усилением военной мощи и ростом роли дипломатии. Новые вызовы и угрозы сторонников военной эскалации направлены, прежде всего, против Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Именно эти страны являются ведущими силами в мировой политике, способные дать отпор агрессивным силам и не допустить угрозу мировой войны.

Факторы, определяющие влияние и авторитет Китая и России в мировой политике, определяются следующими позициями: крупнейшие по территории государства, их население составляет 25% населения Земли, они совокупно производят 23% мирового ВВП, они лидируют в мире по золотовалютным запасам, обладают 48% ядерного мирового потенциала. Две страны – постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. «Сегодня без участия Российской Федерации и Китайской Народной Республики не решается ни один из глобальных вопросов, стоящих перед человечеством» [1].

Совпадение позиций, взаимная ответственность Российской Федерации и Китайской Народной Республики, совпадение целей и стремление к формированию современной мировой политики, наиболее ярко проявляется в последнее время. Кульминацией стало провозглашение лидерами двух государств 5 июня 2019 г. в «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия»¹.

Методы исследования

В исследовании применяется:

- 1) Компаративистика сопоставляет позиции российских и китайских аналитиков, а также документов разных периодов и способствует выявлению общего подхода к угрозам со стороны США и их союзников, а также точки сопряжения интересов. Кроме того, сравнение того, как Москва и Пекин стремятся к суверенитету, но при этом Китай делает упор на экономическую экспансию (например, инициатива «Один

¹ Шитов А.В. Александр Шитов всего лишь «высказал мнение» О позиции Китая // День Литературы: [сайт]. URL: <https://denliteraturi.ru/article/7209> (дата обращения: 31.01.2026).

пояс, один путь»)), а Россия – на военно-политическую стабильность и жесткое противостояние Западу. Мы сравниваем «жесткий» подход России и более «гибкий, многоуровневый» подхода Китая. Это дает понимание, как распределяются роли в их стратегическом партнерстве.

2) Метод прогнозирования на основе анализа документов и экспертных позиций позволяет выявить ограничения, долгосрочные цели и вероятные сценарии углубления партнерства РФ и КНР. Это выявляет точки сопряжения интересов (экономика, безопасность, геополитика) и уровень устойчивости отношений к внешнему давлению. Метод особенно полезен для рассмотрения двусторонних отношений как части глобальной геополитической системы, оценке сбалансированности политики двух государств по защите мира в ответ на внешнее давление.

Эти методы позволяют достичь результатов исследования, а именно: подтвердить, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика совместно реагируют на угрозы со стороны США и их союзников, два государства проводят сбалансированную политику по защите мира. Анализ государственных документов, выступлений лидеров Российской Федерации и Китайской Народной Республики, исследование и сопоставление позиций российских и китайских аналитиков, приводят к формированию конструктивной версии развития отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Материалы

Основной исследовательской базой послужили официальные документы Российской Федерации и Китайской Народной Республики, выступления президента Российской Федерации В.В. Путина и председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Проанализированы работы российских аналитиков И.В. Моргунова [2], В.Ф. Печерицы [1], А.В. Ломанова [3], Д.Р. Домбровского [4], А.В. Бояркиной [5], А.Ч. Мокрецкого, С.В. Уянаева и др. [6] и китайских исследователей Ли Хуэй [7], Ван Хайюнь [8; 16], Хань Шиин [9], Ма Хан [10], Лю Фэнхуа [11], Пань Лин [12], Ван Шучунь [13], Чжан Вэньму [14], Чэнь Сюэхуэй [15], Чжэн Юй².

Результаты

Полученные результаты исследования показывают, что проанализированные возможности дальнейшего развития стратегического партнерства между Россией и Китаем прогнозируют дальнейшие пути сотрудничества. Сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой всесторонне развивается и полностью соответствует национальным интересам двух государств. Рассмотрены возможности военно-политического союза России и Китая. Анализ дискуссий между российскими и китайскими экспертами указывает на возможность вероятного заключения военно-политического союза, если будет продолжаться агрессивная политика США и его союзников в отношении этих стран.

² Чжэн Юй 郑羽. Чжун-Э усюй тунго цзюньши цземэн баоху гоцзя аньцюань 中俄无需通过军事结盟保护国家安全 [Китаю и России не нужно защищать свою национальную безопасность посредством военного союза]. 02.07.2012 // Чжунсинь ван 中新网 [Чайна ньюс]: [сайт]. URL: <https://www.chinanews.com/mil/2012/07-02/4000223.shtml> (дата обращения: 20.12.2025).

Необходимо отметить, что в российских и китайских научных кругах в последние годы сложились различные точки зрения относительно вероятности военного альянса между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Часть исследователей настаивает на строгом соблюдении принципа неприсоединения, в то время как другие поддерживают сохранение опции союзнических отношений. Анализируя различия в подходах к внешней политике и различные трактовки военного альянса, следует вывод в сложившейся сложной современной политической ситуации, самым выгодным вариантом выступает партнерство и стратегическое сотрудничество между двумя странами. Такая форма отношений в большей степени способствует взаимовыгодному долгосрочному и устойчивому сотрудничеству для Российской Федерации и Китайской Народной Республики, приносит положительные результаты для формирования устойчивой международной системы.

Обсуждение

Аналитики расценили «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия»³ как значимое символическое событие, способствующее кардинальному повышению уровня партнерства. Представители политических и дипломатических кругов двух стран акцентировали внимание на важности данного этапа. Так, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации (а ныне посол Российской Федерации в Китае) И.В. Моргулов подчеркнул, что государства договорились «оказывать друг другу еще более решительную и энергичную стратегическую поддержку по всем направлениям» [2, с. 4]. Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в Российской Федерации Ли Хуэй, отметил: «В настоящее время в отношениях всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства Китая и России наступил этап наиболее благоприятного развития за всю историю» [7, с. 12]. Он получил закрепление в принятом 4 февраля 2022 г. в совместном российско-китайском документе «О международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии»⁴.

Основным элементом сотрудничества между Россией и Китаем является стратегическое взаимодействие. С этой целью, как отмечает заместитель главы МИД КНР Лэ Юйчэн, необходимо «стоять вместе плечом к плечу, поддерживать друг друга спиной к спине» [цит. по: 3, с. 37].

По мнению военного аналитика Ван Хайюня, общность стратегических целей Китая и России проистекает из аналогичности стоящих перед ними вызовов в области стратегии. Две нации – это «развивающиеся силы». Являясь «не западными государствами», они стремятся к сохранению многообразия мировых культур; они верны ценностям, отражающим их национальную идентичность, и принципу самостоятельности в определении общественно-политического строя. Наши страны

³ Шитов А.В. Александр Шитов всего лишь «высказал мнение» О позиции Китая // День Литературы: [сайт]. URL: <https://denliteraturi.ru/article/7209> (дата обращения: 31.01.2026).

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном развитии. 4 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 27.09.2025).

подвергаются стратегическому ограничению со стороны Соединенных Штатов, что обуславливает потребность в совместном сопротивлении гегемонистскому влиянию. Как постоянные члены Совета Безопасности ООН, на них возложена схожая и значительная ответственность в вопросах поддержания мира и прогресса, мирового порядка, – утверждает китайский эксперт по международным отношениям Ван Хайюнь [8, с. 6–15].

«Взаимное стратегическое дополнение друг друга, – пишет профессор А.В. Ломанов, – создает эффект 1+1>2 и парирует стратегическое давление со стороны любого гегемонистского альянса» [3, с. 36].

Российская Федерация и Китайская Народная Республика сегодня сталкиваются с беспрецедентным количеством сильных противников и конкурентов. В первую очередь, это агрессивно настроенные Соединенные Штаты и их союзники по Североатлантическому альянсу, которые возрождают устаревшие военные структуры и формируют новые союзы и системы сдерживания, направленные против наших стран.

Президент Российской Федерации В.В. Путин и председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин обращаются к лидерам стран с призывом объединить свои усилия против политики гегемониям США и их союзников и содействовать преобразованию международных отношений и мирового порядка. Данный призыв с новой силой прозвучал в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина на торжествах, посвященных 80-й годовщине Победы над Японией 2 сентября 2025 года ⁵. Китайская Народная Республика расширяет и укрепляет всесторонние связи с Российской Федерацией.

По мнению китайского аналитика Ли Сина [17, с. 62], планы «сопряжения» с Россией позволяют сдерживать американскую экспансию в Индо-Тихоокеанском регионе, китайская инициатива «Один пояс, один путь» становится важным определяющим фактором в противостоянии с Соединенными Штатами Америки [4].

О необходимости установления нового мирового порядка было отмечено президентом Российской Федерации В.В. Путиным на конференции в 2007 г. в Мюнхене ⁶. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин сформулировал китайское видение нового мирового порядка в 2013 г. в концепции «Сообщество единой судьбы человечества» [5].

Китайский эксперт Ван Хайюнь [8] отмечает, что применительно к отношениям между двумя странами «сообщество судьбы» характеризуется как отношения между двумя государствами, построенные на общих интересах и с общей ответственностью.

В условиях возрастающей угрозы со стороны США и их союзников особенно актуальным становится вопрос о качественном улучшении отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой и должно способствовать более тесному сближению двух государств и привести к созданию

⁵ Си Цзиньпин выступил с речью на приеме в честь Дня Победы // СИНЬХУА Новости: [сайт]. URL: <https://russian.news.cn/20250903/94547995e26546b68401f59c79edb30b/c.html> (дата обращения: 10.10.2025).

⁶ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.10.2025).

военно-политического союза. Однако ни Российская Федерация, ни, в особенности Китайская Народная Республика, не говорят о создании блоковой системы.

Начиная с осуществления политики реформ и открытости, Китайская Народная Республика провозглашает принцип неприсоединения. Этот принцип официально закреплён в партийных и государственных документах. В материалах XV, XVI и XVII съездов Коммунистической партии Китая чётко определено, что Китай не вступает в союзы, не принимает участие в блоках с крупнейшими державами, а в вопросах разоружения не проводит военную экспансию. На XVIII съезде КПК объявлено, что Китай действует в рамках принципов «несоюзничества, неконфронтации и ненаправленности политики против третьих стран». Неучастие Китайской Народной Республики в блоках нашло отражение и в материалах XIX съезда КПК. Съезд подчеркнул значение мирного и самостоятельного внешнеполитического курса страны⁷. XX съезд КПК закрепил актуальность независимой и миролюбивой внешней политики Китая⁸.

Определяющим фактором стратегического сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой является «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», подписанный 16 июля 2001 г. «Договаривающиеся стороны, – говорится в этом документе, – не участвуют в каких-либо союзах или блоках, не поддерживают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими государствами, наносящими ущерб суверенитету, безопасности и территориальной целостности другой договаривающейся стороны»⁹. Отношения между странами строятся на принципах равноправного доверия и стратегического взаимодействия¹⁰. Именно доверие между государствами закрепляет стратегическое партнерство и взаимовыгодное взаимодействие.

Современная китайская дипломатия стремится установить партнерские отношения с мировыми державами. Это партнерство, по мнению китайских аналитиков, принимают ошибочно за создание союза. На практике партнерство качественно отличается от союза [18]. Рассмотрим эти различия. Первое, партнерство между Китайской Народной Республикой с зарубежными странами, не предполагает сотрудничество в области безопасности, а также в военном деле. Второе, партнерство является уникальной формой в государственных отношениях, предложенной Китайской Народной Республикой. Третье, партнерские отношения Китайская

⁷ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. 03.11.2017 // СИНЬХУА Новости: [сайт]. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 20.09.2025).

⁸ Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. 25.10.2022 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 23.11.2025).

⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 16 июля 2001 года // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху 5 июня 2019 года // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 22.01.2026).

Народная Республика устанавливает кроме отдельных стран с международными объединениями: Европейским союзом, АСЕАН.

В российской политологической литературе наблюдаются различные определения стратегического партнерства. По мнению заместителя директора Института Европы, члена-корреспондента РАН М.Г. Носова, стратегическое сотрудничество является составной частью международного сотрудничества, которое предусматривает долгосрочную перспективу и построено на взаимовыгодных условиях [19]. По мнению И.А. Новикова, стратегическое партнерство построено на выгодных, долгосрочных, равноправных условиях для всех заинтересованных стран [20]. По мнению Ю.Г. Жеглова, стратегическое партнерство следует рассматривать как: «общности стратегических интересов и целей, готовности согласованно действовать на равноправной основе на базе международного права и не в ущерб третьим сторонам» [21, с. 11].

Российские аналитики по-разному понимают стратегическое партнерство, тем не менее они дают возможность выделить общие направления: равноправие, национальные интересы, совпадение взглядов по глобальным проблемам. По мнению А.Н. Михайленко, «процесс развития отношений из простого партнерства в стратегическое может включать в себя несколько этапов. Вначале происходит расширение сфер партнерства и формирование между двумя государствами на этой базе доверительных отношений, основанных на взаимном понимании и уважении. Затем государства вырабатывают общую стратегию сотрудничества, определяют конкретные направления и формы стратегического партнерства» [21, с. 12].

Некоторые китайские и российские аналитики считают отношения между Китаем и Россией отношениями естественных союзников. Профессор Дипломатической академии МИД Ян Чуань, отмечает: «нынешние отношения Китая и России даже выше союзнических» [22, с. 167]. Автор данной статьи придерживается аналогичной точки зрения [22].

В связи с новыми санкциями увеличивается возможность создания модели близкой к союзнической [6]. Автору статьи импонирует позиция по этому вопросу известного российского политолога С. Караганова, который утверждает, что Запад никогда не останавливался и сейчас не остановится перед агрессией против России, и хватит нам жить иллюзиями, что его политика изменится. Только силой его можно остановить. И наши союзники на Востоке, это прежде всего Китай¹¹. К его мнению присоединяются и многие другие российские эксперты и общественные деятели, в том числе известный режиссер, Генеральный директор концерна «Мосфильм» Карен Шахназаров и другие.

Активными сторонниками заключения союзнического договора с китайской стороны являются представители военных и силовых ведомств, а с российской стороны деятели лево-патриотического политического спектра, такие как КПРФ, ЛДПР и других. Их оппоненты считают последствия такого союза недостаточно продуманы. Подписание союзного договора с Китайской Народной Республикой, учитывая огромную разницу в экономическом потенциале, может привести к

¹¹ Шестаков Е. Сергей Караганов: Против нас большой Запад, который рано или поздно начнет сыпаться. 12.04.2022 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/04/12/sergej-karaganov-protiv-nas-bolshoj-zapad-kotoryj-rano-ili-pozdno-nachnet-sypatsia.html> (дата обращения: 30.01.2026).

ослаблению или даже потере суверенитета Российской Федерации. Внешняя политика России может стать слишком зависимой от интересов Китая.

Многие китайские эксперты, критически относящиеся к идее союза с Россией, считают, что ее экономическая слабость снижает ценность России как потенциального партнера. Этот недостаточный экономический вес, как утверждают китайские аналитики, стал одной из главных причин, по которой США и другие западные страны смогли ввести санкции [23].

Данные замечания следует учитывать, но нельзя недооценивать и военно-стратегическое и политическое значение Российской Федерации в мире, а также самостоятельность и независимость внешней политики России. Дискуссия в Китае по вопросу о союзе с Российской Федерацией говорит о постепенном увеличении числа его сторонников [24]. В Китае чаще призывают «к неуклонному продвижению в направлении, указанном ими..., политическое взаимное доверие приносит значительные результаты в стратегическом взаимодействии» [6].

Рассмотрим позиции китайских аналитиков по вопросу отношения Китайской Народной Республики к военному союзу с Российской Федерацией. Тема формирования военного союза до 2012 г. не обсуждалась. Китайские аналитики исходили из твердого положения, что Китайская Народная Республика должна твердо придерживаться политики неприсоединения.

В период с 2012 по 2014 г. изменилась политическая ситуация, повлекшая и изменение взглядов китайских аналитиков [9, с. 113]. После выступления председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в 2015 г. на Генеральной Ассамблее ООН был определен внешнеполитический курс Китая на неприсоединение¹².

В настоящее время в Китае возобновилась дискуссия по вопросу союза между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. По мнению китайского исследователя Ма Хана, «союз Китая и России сможет в дальнейшем углубить стратегическое взаимное доверие, усовершенствовать качество и развить пространство двустороннего сотрудничества, совместно поспособствовать прогрессу и процветанию двух стран, максимально быстро воплотить в жизнь возрождение народов России и Китая, что и является конечной целью подобного союза» [10, с. 90]. Военный аналитик Дай Сюй, в своей статье высказывается о необходимости создания альянса, и Китай не должен исключать данный вариант¹³. Преподаватели Гуандунского университета иностранных языков Ван Шучунь и Ван Цинсун, пришли к выводу – создание военного альянса между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой необходимо вследствие поддержания международной стратегической стабильности [13].

Противоположную точку зрения занимает профессор Чжан Вэньму [14], исключающий вариант заключения союза. Лю Фэнхуа из Академии общественных наук КНР высказывает следующую точку зрения: «В обозримом будущем нет

¹² Выступление главы КНР Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН. 01.10.2015 // ИноСМИ: [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/20151001/230573187.html> (дата обращения: 05.11.2025).

¹³ Дай Сюй 戴旭. Чжун-Э ин гоуцзянь Оу-Я да лянъмэн цзучжи Мейго тулу жого 中俄应构建欧亚大联盟阻止美国屠戮弱国 [Китаю и России следует создать Евразийский альянс, чтобы США оставили слабые страны в покое]. 29.01.2012 // Хуаньцюван 环球网 [Глобал Таймс]: [сайт]. URL: <https://news.cntv.cn/20120130/101312.shtml> (дата обращения: 01.02.2026).

необходимости в создании китайско-российского военно-политического альянса» [11, с. 133]. Аналогичную точку зрения высказали китайские военные. Чэнь Сюэхуэй из Академии военных наук НОАК приходит к выводу: «Военный союз не считается подходящим вариантом для сотрудничества» [15]. Военный эксперт Ян Хуэй, считает: «мы должны способствовать дальнейшему стабильному развитию сотрудничества, опираясь на принцип неприсоединения» [25].

Ученые из Академии общественных наук КНР, считают принцип неприсоединения как отказ от конфронтации, с ней согласен Цзян И [26]. Эту точку зрения поддерживает Цю Хайянь, отмечая, что политика стратегического партнерства основана на неприсоединении [27]. Чжэн Юй придерживается мнения, согласно которому стратегическое партнерство между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в настоящее время не требует юридического закрепления в виде договоров и соглашений, которые будут определять союзные обязательства¹⁴. По мнению преподавателя Фуданьского университета Чжао Хуашэна, в настоящее время стратегическое партнерство уже включает возможности военного союза [28]. Сюй Полин, руководитель центра экономики России в Академии общественных наук КНР отметил: «Китай и Россия не должны стремиться к созданию той или иной формы военного союза, так как военные блоки только обостряют глобальную конфронтацию и повышают риск военных конфликтов»¹⁵. Аналогичной точки зрения придерживаются Ван Хайюнь [16], Цзэн Цзинхань [29].

Кроме двух противоположных точек зрения на союз Китайской Народной Республики и Российской Федерации, можно выделить промежуточную позицию китайских аналитиков. Она изложена Пань Линем: «будут ли Китай и Россия двигаться к военному союзу в будущем? Это в основном зависит от стратегических угроз, с которыми сталкиваются две страны, особенно от изменений уровня военных угроз и углубления отношений между двумя странами» [12, с. 53].

Российские ученые – сторонники политики неприсоединения – не исключают возможности активизации процессов по созданию военного союза в случае необходимости. Член Академии военных наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН Владимир Петровский отметил: «Можем ли мы говорить о необходимости и целесообразности такого формализованного военно-политического альянса между Россией и Китаем? Нет. Он невозможен сразу по нескольким причинам. Во-первых, история, показала, что это не очень устойчивая конструкция. Во-вторых, Китай и Россия – это две великие державы со своими национальными интересами. Хоть мы и сотрудничаем во многих сферах, даже подписан договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, однако наши интересы не тождественны. Любой военно-политический союз означает утрату суверенитета. Подобные альянсы основаны на том, что есть некая страна-гегемон, которая диктует правила игры для всех остальных участников в обмен на гарантии безопасности. Вот такая модель, как мне кажется, для России и Китая неприемлема» [30, с. 1].

¹⁴ Чжэн Юй 郑羽. Чжун-Э усюй тунго цзюньши цземэн баоху гоцзя аньцюань 中俄无需通过军事结盟保护国家安全 [Китаю и России не нужно защищать свою национальную безопасность посредством военного союза]. 02.07.2012 // Чжунсинь ван 中新网 [Чайна ньюс]: [сайт]. URL: <https://www.chinanews.com/mil/2012/07-02/4000223.shtml> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁵ Эксперт рассказал, почему России и КНР не следует формировать военный союз. 19.01.2024 // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20240119/soyuz-1922274614.html> (дата обращения: 22.10.2025).

Эксперты НИУ Высшей Школы Экономики А.В. Лукин и В.Б. Кашин, считают, что технически Китайская Народная Республика и Российская Федерация провели существенную подготовку для создания военного союза, однако в настоящее время они к этому не готовы [31; 32]. А.А. Киреева указывает, потенциальная выгода от российско-китайского альянса, существенно меньше той выгоды, которую уже приносит сохранение существующего партнерства [33]. Ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРА) С.М. Труш заявляет: отрицание прямого военного союза Российской Федерации с Китайской Народной Республикой в настоящее время не означает полное игнорирование этой реалии [34]. По мнению кандидата военных наук, ведущего научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН, А.Ф. Клименко, сотрудничество между Россией и Китаем в военной сфере достигло уровня военно-политического союза [35].

Заключение

Российские эксперты теоретические высказывают гипотетическую возможность формирования военно-политического союза между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, но при возможности крайних обстоятельств: военных действий между Российской Федерацией и США или между Китайской Народной Республикой и США. Российский ученый В.Я. Портяков приходит к выводу: «нападки администрации Д. Трампа как на Китай, так и на Россию объективно вновь поставили в повестку дня российско-китайского взаимодействия возможность заключения между двумя странами военного союза» [36, с. 16]. Затем новая версия Стратегии национальной безопасности США, опубликованная в декабре 2025 г., подчеркивает превосходство США в Западном полушарии и соблюдение доктрины Монро. В приоритет своей внешней политики Трамп и его администрация ставят ограничение в Азии влияния Китая, прежде всего, и сохранение этого региона как зоны своих интересов. Примечательно, что в документе рассмотрена возможность приоритета стратегической стабильности с Россией¹⁶.

Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Перед собой такой задачи сейчас не ставим. Но в принципе и исключать этого не собираемся»¹⁷. Главный смысл внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики – не входить в какие-либо блоки и альянсы, а проводить открытую широкую политику политического и особенно экономического сотрудничества со всеми государствами. Это как раз является главным лейтмотивом инициативы Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества: продвижение и развитие пяти принципов мирного сосуществования»¹⁸.

Большинство российских и китайских ученых, считают, что в настоящее время нет необходимости формирования союза между Россией и Китаем. Участие России и

¹⁶ От «угрозы» до диалога. Новая Стратегия национальной безопасности США. 09.12.2025 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/info/25857695> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁷ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2020 г. // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 04.03.2021).

¹⁸ Сообщество единой судьбы человечества: продвижение и развитие пяти принципов мирного сосуществования. 28.06.2024 // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202406/t20240628_11443855.html (дата обращения: 30.01.2026).

Китай в формировании новой архитектуры безопасности, особенно в Азии, является приоритетом внешней политики двух государств. Это еще раз подтвердила встреча В.В. Путина и Си Цзиньпина во время празднования 80-летия Победы над милитаристской Японией. Как ответственные державы наши страны уделяют постоянное внимание вопросам безопасности на протяжении многих лет. Такая преемственность делает наши отношения прочными и стабильными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Печерица В.Ф. Опыт и проблемы взаимодействия РФ и КНР в условиях новых вызовов и угроз // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы X международной научно-практической конференции. Выпуск 10. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2020. С. 923–927. <https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.14.47.138>. EDN: YSXJEN.
2. Моргулов И.В. Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1). С. 4–11. EDN: FGWEKB.
3. Ломанов А.В. Россия и Китай в «Новую эпоху»: вызовы и перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 34–50. EDN: KEXCOS.
4. Домбровский Д.Р., Агазарян Н.В. Россия и Китай в «новую эпоху»: вызовы и перспективы // Индустриальное, инновационное и финансовое развитие России: факторы и тенденции. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2023. С. 90–93. EDN: GKMJSL.
5. Бояркина А.В. Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» и представления об «общей судьбе» в трудах российских ученых и политиков // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 112–132. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10408>. EDN: UXNBHB.
6. Мокрецкий А.Ч., Уянаев С.В., Мамахатов Т.М. Российско-китайские отношения в новую эпоху: новые проблемы – новые векторы взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 5–25. <https://doi.org/10.31857/S013128120016169-6>. EDN: PNHGIR.
7. Ли Хуэй. Золотое десятилетие китайско-российских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (1). С. 12–18. EDN: SJLOQT.
8. Ван Хайюнь 王海云. Чжун-Э гуаньси 70 нянь: хуэйгу гоцю юй цяньцзин 中俄关系 70 年: 回顾过去与前景 [70 лет дипломатических отношений между Китаем и Россией: взгляд в прошлое и будущее] // Элосы сюэжань 俄罗斯学刊 [Российские исследования]. 2019. Вып. 4. С. 5–19. [эл. доступ]. URL: https://rlls.hlju.edu.cn/_local/C/99/70/7DB5DF14E1C5FEE717835657D5C_15AFE41_8ACC4.pdf?e=.pdf (дата обращения: 23.12.2025).
9. Хань Шиин Взгляды китайских и российских экспертов по вопросу создания военного союза между РФ и КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 111–122. <https://doi.org/10.31857/S013128120019581-0>. EDN: LUHGJQ.
10. Ма Хан. Союз России и Китая – совместный выбор двух государств // Статистика и экономика. 2015. № 3. С. 88–91. EDN: TWUSYB.
11. Лю Фэнхуа. Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 118–134. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10020>. EDN: ZTCVDV.
12. Пань Лин. Стратегический выбор китайско-российских отношений: партнёрство или альянс? // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 2. С. 46–57. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/46-57>. EDN: NYHYRW.
13. Ван Шучунь 王树春, Ван Цинсун 万青松. Лунь синьсин Чжун-Э гуаньсид вэйлай цзоусян: цзебань хайши цземэн? 论新型中俄关系的未来走向: 结伴还是结盟? [О перспективах новых китайско-российских отношений: партнерство или союз?] // Дандай Ятай 当代亚太 [Современный Азиатско-Тихоокеанский регион]. 2013. № 4. С. 4–22.
14. Чжан Вэньму 张文木. Чжун-Э цземэнд сяньду, мубяо хэ ии 中俄结盟的限度, 目标和意义

- [Границы, цели и значение китайско-российского союза] // Шэхуэй гуаньча 社会观察 [Общественное обозрение]. 2012. № 3. С. 84–87.
15. Чэнь Сюэхуэй 陈学惠. Чжун-Э цзюньши хэцзо юй дицюй аньцюань 中俄军事合作与地区安全 [Российско-китайское военное сотрудничество и региональная безопасность] // Вайго цзюньши сюэшу 外国军事学术 [Зарубежные военные исследования]. 2006. № 8. С. 40–43.
16. Ван Хайюнь 王海运. “Цзебань эр бу цземэн”: Чжун-Э гуаньсид сяньши сюаньцзэ “结伴而不结盟”: 中俄关系的现实选择 [«Партнёрство, но не альянс»: реалистичный выбор для китайско-российских отношений] // Элосы дуноу чжуня яньцзю 俄罗斯东欧中亚研究 [Российские, восточноевропейские и центрально-азиатские исследования]. 2016. № 5. С. 6–15.
17. Ли Шань 李善. Чжун-Мэй-Э синьсин саньцзю гуаньси пинси 中美俄新型三角关系评析 [Анализ новых трехсторонних отношений между Китаем, США и Россией] // Туни чжансянь сюэ яньцзю 统一战线学研究 [Исследования единого фронта]. 2019. № 5. С. 62.
18. Хуан Хуагуан 黄华光, Луань Цзяньчжан 栾建章. Чжунгун Шиба Да: Чжунго мэн юй шицзе 中共十八大: 中国梦与世界 [XVIII съезд КПК: Китайская мечта и мир]. Пекин: Шиши чубаньшэ 北京: 时事出版社 [Пекин: Издательство «События дня»]. 2014. 231 с.
19. Носов М.Г. Отношения ЕС – США: политика, экономика, безопасность // Современная Европа: Журнал общественно-политических исследований. 2014. № 4 (60). С. 8–22. <https://doi.org/10.15211/soveurope42014822>. EDN: SNZWSX.
20. Новиков И.А. Отношения России и Европейского союза: проблемы и факторы развития стратегического партнерства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. 22 с. EDN: QHGNOX.
21. Михайленко А.Н. Стратегическое партнерство и союзничество в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 9 (183). С. 9–21. EDN: XZPCVB.
22. Печерица В.Ф. Новый этап в российско-китайских отношениях: союз или стратегическое партнерство? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 165–171. EDN: VBCXQL.
23. Nansheng, Y. Reflections on China-US Relations after the COVID-19 Pandemic // China International Strategy Review. 2020. Vol. 2. Iss. 1. P. 14–23. <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00049-5>.
24. Чжао Дунсюй. Военно-политическое сотрудничество между Россией и Китаем в 1991–2020 гг. // Казачество. 2022. № 63 (6). С. 91–96. EDN: DUCLRB.
25. Ян Хуэй 杨晖. Чжун-Э цзюньши аньцюань хэцзо гайшу 中俄军事安全合作概述 [Обзор китайско-российского сотрудничества в области военной безопасности] // Элосы чжуня дуноу яньцзю 俄罗斯中亚东欧研究 [Российские, центрально-азиатские и восточноевропейские исследования]. 2005. № 1. С. 87–88.
26. Цзян И 姜毅. Букао пу дэ “Чжун-Э цземэн” 不靠谱的‘中俄结盟’ [Ненадежный «китайско-российский союз»] // Шицзе чжиши 世界知识 [Мировые знания]. 2012. № 5. С. 52–53.
27. Цю Хайянь 邱海燕. Чжун-Су (Э) дуйкан хэ цземэнд лиши циши юй ляngo гуаньси цзуй цзя мошид сюаньцзэ 中苏(俄)对抗和结盟的历史启示与两国关系最佳模式的选择 [Периоды противостояния и дружественного сотрудничества между Китаем и СССР (Россией), а также выбор лучшей модели развития отношений между двумя странами] // Элосы сюэкань 俄罗斯学刊 [Российские исследования]. 2013. № 3. С. 34–41.
28. Чжао Хуашэн 赵华胜. Чжун-Э цземэн вэйхэ цюэфа сяньши кэсин син 中俄结盟为何缺乏现实可行性 [Почему китайско-российский союз не реализуем на практике] // Жэньминь луньтань. Сюэшу цянъянь 人民论坛·学术前沿 [Народный форум. Передний край науки]. 2013. № 10. С. 62–71.
29. Zeng, J., Breslin, S. China's ‘New Type of Great Power Relations’: A G2 with Chinese Characteristics? // International Affairs. 2016. Vol. 92. Iss. 4. P. 773–794. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12656>.
30. Петровский В.Е. Нужен ли России и Китаю военно-политический союз. 23.10.2023 // Международная жизнь. [эл. доступ]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42851> (дата обращения: 30.01.2026).
31. Лукин АВ., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР //

Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 135–151. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10021>. EDN: YXSHQB.

32. Лузянин С.Г., Кашин В.Б. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 21–28. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10002>. EDN: YBMTXV.

33. Киреева А.А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 84–114. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.6>. EDN: FNGFBK.

34. Труш С.М. Россия – США – Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // Вестник российской академии наук. 2020. Т. 90. № 11. С. 1037–1047. <https://doi.org/10.31857/S0869587320110092>. EDN: MBEHWX.

35. Клименко А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 51–65. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10003>. EDN: WRRNTA.

36. Портяков В.Я. Основные моменты внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в 2020 году // Проблемы дальнего Востока. 2021. № 2. С. 8–20. <https://doi.org/10.31857/S013128120014679-7>. EDN: PKZGDC.

REFERENCE

1. Pecheritsa, V.F. Experience and Problems of Interaction of the Russian Federation and the People's Republic of China in Conditions of New Challenges and Threats. *Rossiia i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation]. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Part 10. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2020. P. 923–927. (In Russian). <https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.14.47.138>. EDN: YSXJEH.

2. Morgulov, I.V. Russian-Chinese Relations at a New Historical Start of Development. *Far Eastern Studies*. 2019. No. 5 (1). P. 3–11. (In Russian). EDN: FGWEKB.

3. Lomanov, A.V. Russia and China in the “New Era”: Challenges and Prospects. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2020. Vol. 25. No. 25. P. 34–50. (In Russian). EDN: KEXCOS.

4. Dombrovsky, D.R., Agazaryan, N.V. Rossiya i Kitay v «novuyu epokhu»: vyzovy i perspektivi [Russia and China in the “New Era”: Challenges and Prospects]. *Industrialnoye, innovatsionnoye i finansovoye razvitiye Rossii: faktory i tendentsii* [Industrial, Innovative and Financial Development of Russia: Factors and Trends]. Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists. Moscow: Research Institute of History, Economics and Law, 2023. P. 90–93. (In Russian). EDN: GKMJSL.

5. Bojarkina, A.V. Xi Jinping's Concept of a Community with a Shared Future for Mankind and Ideas on Common Destiny in Works of the Russian Scholars and Politicians. *Scientific journal “Discourse-Pi”*. 2020. No. 4 (41). P. 112–132. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10408>. EDN: UXNBHB.

6. Mokretsky, A.Ch., Uyanaev, S.V., Mamahatov, T.M. Russian-Chinese Relations in a New Era: New Problems – New Vectors of Interaction. *Far Eastern Studies*. 2021. No. 4. P. 5–25. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120016169-6>. EDN: PNHGIR.

7. Li Hui. The Golden Decade of Sino-Russian relations. *Far Eastern Studies*. 2019. No. 5 (1). P. 12–18. (In Russian). EDN: SJLOQT.

8. Wang Haiyun 王海云. Zhong-E guanxi 70 nian: Huigu guoqiu yu qianjing 中俄关系 70 年:回顾过去与前景 [70 Years of Sino-Russian Relations: Review and Prospect]. *Elosy xuekan* 俄罗斯学刊 [Russian Studies]. 2019. Issue 4. P. 5–19. Available at https://rlls.hlju.edu.cn/_local/C/99/70/7DB5DF14E1C5FEE717835657D5C_15AFEA41_8ACC4.pdf?e=.pdf (accessed: 23.12.2025). (In Chinese).

9. Han Shiyang. The Views of Chinese and Russian Experts on the Russia-China Military Alliance. *Far Eastern Studies*. 2022. No. 2. P. 111–122. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120019581-0>.

EDN: LUHGJQ.

10. Ma Han. China-Russia Alliance – a Common Choice of the Two Countries. *Statistics and Economics*. 2015. No. 3. P. 88–91. (In Russian). EDN: TWUSYB.
11. Liu Fenghua. Chinese-Russian Partnership and Strategic Cooperation. *Comparative Politics Russia*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 118–134. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10020>. EDN: ZTCVDV.
12. Pan Lin. Strategic Choice of Sino-Russian Relations: Partnership or Alliance? *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2022. Vol. 24. No. 2. P. 46–57. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-2/46-57>. EDN: NYHYRW.
13. Wang Shuchun 王树春, Wang Qingsong 万青松. Lun xinxing Zhong-E guansid weilai zuoxiang: jieban haishi jiemeng? 论新型中俄关系的未来走向: 结伴还是结盟? [On the Prospects of New Sino-Russian Relations: Partnership or Alliance?]. *Dandai Yatai 当代亚太 [The Modern Asian-Pacific Region]*. 2013. No. 4. P. 4–22. (In Chinese).
14. Zhang Wenmu 张文木. Zhong-E jiemeng xiandu, mubiao he yi 中俄结盟的限度, 目标和意义 [Borders, Goals and Significance of the Chinese-Russian Union]. *Shehui guancha 社会观察 [Public Review]*. 2012. No. 3. P. 84–87. (In Chinese).
15. Chen Xuehui 陈学惠. Zhong e junshi hezuo yu diqu anquan 中俄军事合作与地区安全 [Sino-Russian Military Cooperation and Regional Security]. *Waigou junshi xueshu 外国军事学术 [Foreign Military Studies]*. 2006. No. 8. P. 40–43. (In Chinese).
16. Wang Haiyun 王海运. “Jieban er bu jiemeng”: Zhong e guanxi de xianshi xuanze “结伴而不结盟”: 中俄关系的现实选择 [“Partnership, but not Alliance”: A Realistic Choice for Sino-Russian Relations]. *Elosy Dongou Zhongya yanjiu 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian, East European and Central Asian studies]*. 2016. No. 5. P. 6–15. (In Chinese).
17. Li Shan 李善. Zhong-Mei-E xinxing sanjiao guanxi pingxi 中美俄新型三角关系评析 [Analysis of the New Triangular Relationship between China, the US, and Russia]. *Tuni zhanxian xue yanjiu 统一战线学研究 [United Front Studies]*. 2019. No. 5. P. 62. (In Chinese).
18. Huang Huaguang 黄华光, Luan Jianzhang 栾建章. Zhonggong Shiba Da: Zhongguo meng yu shijie 中共十八大: 中国梦与世界 [18th National Congress of the CPC: The Chinese Dream and the World]. Beijing: Shishi chubanshe 北京: 时事出版社 [Beijing: Events of the Day Publishing House]. 2014. 231 p. (In Chinese).
19. Nosov, M.G. EU–USA Relations: Politics, Economy, Security. *Contemporary Europe*. 2014. No. 4 (60). P. 8–22. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope42014822>. EDN: SNZWSX.
20. Novikov, I.A. Otnosheniya Rossii i Yevropeyskogo soyuza: problemy i faktory razvitiya strategicheskogo partnerstva [Relations between Russia and the European Union: problems and factors of the development of strategic partnership]. Author's abstract. dis. ... candidate of political sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2011. 22 p. (In Russian). EDN: QHGNOX.
21. Mikhaylenko A.N. Strategic Partnership and Alliance in International Relations. *Etnosocium (Multinational Society)*. 2023. No. 9. (183). P. 9–21. (In Russian). EDN: XZPCVB.
22. Pecheritsa, V.F. A New stage in Russian-Chinese Relations: An Alliance or a Strategic Partnership? *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2015. No. 1 (45). P. 165–171. (In Russian). EDN: VBCXQL.
23. Nansheng, Y. Reflections on China-US Relations after the COVID-19 Pandemic. *China International Strategy Review*. 2020. Vol. 2. Iss. 1. P. 14–23. <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00049-5>.
24. Zhao Dongxu. Military-Political Cooperation between Russia and China in 1991–2020. *Cossacks*. 2022. No. 63 (6). P. 91–96. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462>. EDN: DUCLRB.
25. Yan Hui 杨晖. Zhong-E junshi anquan hezuo gaishu 中俄军事安全合作概述 [Overview of China-Russia Military and Security Cooperation]. *Elosy zhunya donou yanjiu 俄罗斯中亚东欧研究 [Russian, Central Asian, and East European Studies]*. 2005. No. 1. P. 87–88. (In Chinese).
26. Jiang Yi 姜毅. Bukao pu de “Zhong-E jiemeng” 不靠谱的“中俄结盟” [Unreliable “Chinese-Russian alliance”]. *Shijie zhishi 世界知识 [World Knowledge]*. 2012. No. 5. P. 52–53. (In Chinese).
27. Qiu Haiyan 邱海燕. Zhong-Su (E) duikan he jiemend lishi cishi yu lianguo guanxi zui jia moshi

- de xuanze 中苏 (俄) 对抗和结盟的历史启示与两国关系最佳模式的选择 [Historical Lessons from the Sino-Soviet (Russian) Confrontation and Alliance and the Choice of the Best Model for Bilateral Relations]. *Elosy xuekan* 俄罗斯学刊 [*Russian Studies*]. 2013. No. 3. P. 34–41. (In Chinese).
28. Zhao Huasheng 赵华胜. Zhong-E jiemen weihe quéfa xianshi kexing xing 中俄结盟为何缺乏现实可行性 [Why the Sino-Russian Alliance is not Feasible in Practice]. *Renmin luntan. Xueshu qianyan* 人民论坛·学术前沿 [*People's Forum. The Cutting Edge of Science*]. 2013. No. 10. P. 62–71. (In Chinese).
29. Zeng, J., Breslin, S. China's 'New Type of Great Power Relations': A G2 with Chinese Characteristics? *International Affairs*. 2016. Vol. 92. Iss. 4. P. 773–794. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12656>.
30. Petrovsky, V.Ye. Nuzhen li Rossii i Kitayu voyenno-politicheskiy soyuz [Does Russia and China Need a Military-Political Alliance?]. 23.10.2023. *The International Affairs*. 23.10.2023. Available at <https://interaffairs.ru/news/show/42851> (accessed: 30.01.2026). (In Russian).
31. Lukin, A.V., Kashin, V.B. Russian-Chinese Cooperation and Security in the Asia-Pacific Region. *Comparative Politics Russia*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 135–151. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10021>. EDN: YXSHQB.
32. Luzyanin, S.G., Kashin, V.B. New Dimensions of the Russo-Chinese Strategic and Military-Political Partnership. REGIONAL Aspects. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2018. Vol. 23. No. 23. P. 21–28. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10002>. EDN: YBMTXV.
33. Kireeva, A.A. Theories of International Relations and Prospects of a Military Alliance Between Russia and China. *International Trends*. 2019. Vol. 17. No. 4 (59). P. 84–114. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.6>. EDN: FNGFBK.
34. Trush, S.M. Russia – USA – China: Reasons and Risks of Russian-Chinese Military Rapprochement. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 90. No 11. P. 1037–1047. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587320110092>. EDN: MBEHWX.
35. Klimenko, A.F. Some Issues of the Development of the Russian-Chinese Partnership in the Aield of Security in Modern Conditions. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2020. No. 25. P. 51–65. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10003>. EDN: WRRNTA.
36. Portyakov, V.Ya. Highlights of the Foreign Policy Course of the People's Republic of China in 2020. *Far Eastern Affairs*. 2021. No. 2. P. 8–20. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120014679-7>. EDN: PKZGDC.

Сведения об авторах / Information about authors

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Восточного института (Школы); Дальневосточный федеральный университет.

E-mail: pecheritsa.vf@dvfu.ru

ORCID 0000-0002-6995-0173

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Pecheritsa Vladimir F. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Department of Political Science, Oriental Institute (School); Far Eastern Federal University.

E-mail: pecheritsa.vf@dvfu.ru

ORCID 0000-0002-6995-0173

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025.
Одобрена после рецензирования 07.02.2026.
Принята 19.02.2026.

Received 29.11.2025.
Approved after reviewing 07.02.2026.
Accepted 19.02.2026.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [WJBNUA](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.10](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Теоретические истоки концепции «Сообщества единой судьбы человечества»

Ван Хуэйжу

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 st094698@student.spbu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы характеризуется важностью разработки концепции Си Цзиньпина «Сообщества единой судьбы человечества» для реализации Целей устойчивого развития. Исследование направлено на анализ теоретических источников идеи, которые уходят корнями в традиционные культурные установки китайской нации. Исследовательские задачи состояли в том, чтобы путём систематизации этапов развития внешнеполитической мысли Китая с древних времен до наших дней актуализировать идеи концепции «Сообщества единой судьбы человечества» для достижения ЦУР-30.

Методы и материалы. Исследовательские материалы включают официальные документы, такие как отчёты о работе правительства Китая, выступления, международные договоры и соглашения, а также монографии известных учёных, научные статьи, диссертационные исследования. Статья основана на принципе историзма, применение которого позволяет рассмотреть объект исследования в процессе развития с учетом одновременных условий его формирования и современного состояния.

Результаты. Автор приходит к выводу, что концепция Си Цзиньпина является результатом систематизации внешнеполитической мысли Китая: от принципов «единства Неба и человека» и «гармонии всех государств» до современных дипломатических идей. Проведенный анализ подтверждает, что стратегическая внешнеполитическая концепция «Сообщества единой судьбы человечества» определяет дипломатические приоритеты Китая в современной мировой политике.

Обсуждение и заключение. Концепты «Сообщества единой судьбы человечества» представляют собой комплексную программу системного управления миром со стороны Китая, вызванную требованиями эпохи. На основании изложенного можно сделать вывод: идеи Си Цзиньпина уходят корнями в традиционную китайскую культуру и мудрость государственного управления. В условиях новой эпохи концепция унаследовала и развила древнекитайскую философскую культуру, включая внешнеполитические концепции Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Ху Цзиньтао и других руководителей Коммунистической партии

Китай. Внешнеполитические идеи соблюдают традицию преемственности, отражают подход Китая как великой державы, обращённой к миру и выступающей за мир и развитие, что постепенно усиливает влияние Китая в мировом масштабе.

Ключевые слова: Си Цзиньпин; дипломатия; КНР; Сообщества единой судьбы человечества; традиционная культура Китая

Для цитирования: Ван Хуэйжу. Теоретические истоки концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 172–185. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.10>. EDN: WJBNUA.

© Ван Хуэйжу, 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Theoretical Origins of the Concept “Community with a Shared Future for Mankind”

Huiru Wang

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
 st094698@student.spbu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this topic is characterized by the importance of developing Xi Jinping's concept of a "Community with a Shared Future for Mankind" for the implementation of the Sustainable Development Goals. This study aims to analyze the theoretical sources of this idea, which are rooted in the traditional cultural attitudes of the Chinese nation. The research objectives were to systematize the stages of the development of Chinese foreign policy thought from ancient times to the present day and update the ideas of the concept of a "Community with a Shared Future for Mankind" for the achievement of SDG 30.

Methods and Materials. The research materials include official documents such as Chinese government reports, speeches, international treaties and agreements, as well as monographs by renowned scholars, scientific articles, and dissertations. This article is based on the principle of historicism, which allows for an examination of the research subject in its development, considering the various conditions of its formation and its current status.

Results. The author concludes that Xi Jinping's concept is the result of a systematization of Chinese foreign policy thought from ancient times to the present day: from the principles of "the unity of Heaven and man" and "harmony of all states" to modern diplomatic ideas. The analysis confirms that the strategic foreign policy concept of a "Community with a Shared Future for Mankind" defines China's diplomatic priorities in contemporary global politics.

Discussion and Conclusion. The "Community with A Shared Future for Mankind" concepts represent an integrated program of systemic world management by China, prompted by the demands of the era. Based on the foregoing, it can be concluded that Xi's ideas are rooted in traditional Chinese culture and wisdom of governance, and in the new era, the concept inherited and developed ancient Chinese philosophical culture, including the foreign policy concepts of Mao Zedong, Deng Xiaoping, Hu Jintao, and other leaders of the Chinese Communist Party. Foreign policy ideas follow the tradition of succession, reflect China's approach as a great power that is peace-oriented and pro-peace and development, which gradually strengthens China's influence on a global scale.

Keywords: Xi Jinping; diplomacy; China; Community with a Shared Future for Mankind; traditional Chinese culture

For citation: Wang Huiru. Theoretical Origins of the Concept “Community with a Shared Future for Mankind”. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 172–185. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.10>. EDN: WJBNUA.

© Wang Huiru, 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

С конца XX века по настоящее время связи между различными регионами мира становятся всё более тесными; глобализация стала основной темой для всех стран мира. В экономической, политической, культурной и других сферах страны взаимозависимы и влияют друг на друга, мир всё больше становится единым целым. Однако по мере модернизации человеческого общества возник ряд проблем и кризисов, в частности, резкие изменения глобального климата, которые серьёзно угрожают самому существованию и развитию человечества. Таким образом, вопрос о том, как реализовать оптимальные условия совместного существования и всеобщего процветания, стал практической темой для размышлений человечества в новую эпоху. В связи с этим представляется важным рассмотреть концепцию Сообщества единой судьбы человечества (далее - СЕСЧ), как способ повысить осознание глобального экологического кризиса и найти пути совместного противостояния таким вызовам и обеспечить устойчивое развитие человеческого общества.

Предлагаемое исследование направлено на анализ исторических и теоретических источников концепции Си Цзиньпина, а также на оценку значения СЕСЧ для современного устойчивого развития человеческого общества. В исследовании отмечается, что идея уходит корнями в традиционную культуру китайской нации, поэтому цель статьи состоит в систематизации исторической эволюции внешнеполитической мысли Китая: от её философских истоков в древности до формирования современных доктрин. Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

1. Выявить и проанализировать ключевые исторические этапы формирования основных идей китайской внешнеполитической мысли.

2. Определить и охарактеризовать теоретические и методологические связи между традиционной китайской культурой, этапными внешнеполитическими доктринами и концепцией СЕСЧ.

3. Обобщить уникальный вклад концепции Си Цзиньпина в современные международные отношения и устойчивое развитие человеческого общества.

Новизна работы состоит в системном выявлении внутренней логики и теоретической эволюции ключевой концепции китайской внешней политики, которые стали основой для современной внешнеполитической доктрины Си Цзиньпина.

Важно подчеркнуть, что принципы, пропагандируемые данной концепцией, такие как многополярность, инклюзивное развитие, уважение разнообразия цивилизаций, находят множество точек соприкосновения с внешнеполитической концепцией России, отстаивающей «формирование справедливого и устойчивого мироустройства». Исследование сходств и различий внешнеполитических подходов КНР и РФ к развитию норм устойчивого развития дает теоретический материал для построения системы регионального сотрудничества в рамках такой инициативы, как «Большое евразийское партнерство».

Кроме того, данное исследование способствует более глубокому пониманию российским академическим сообществом стратегических намерений и мировоззренческих идей китайской дипломатии, что закладывает прочную

когнитивную основу для координации и взаимодействия между двумя странами в рамках многосторонних структур, таких как ООН, БРИКС и ШОС.

Методы и материалы

Исследовательские материалы включают официальные документы, такие как отчёты о работе правительства Китая¹, выступления политических деятелей², международные договоры и соглашения³, а также монографии известных учёных, научные статьи, диссертации.

Теоретической основой данного исследования являются научные труды китайских и российских учёных по теме концепции СЕСЧ и развитию китайской внешней политики. Многие китайские учёные, такие как Ма Личжи [1], Цзэн Лу [2], Е Цзычэн [3], Ли Юнхун [4], Вэй Гуйцюань [4] и другие, опубликовали работы, посвящённые СЕСЧ и эволюции китайской внешней политической мысли. Российские исследователи, в том числе Д. В. Комаров [5], А. В. Бояркина [6], А. Л. Верченко [7; 8], больше сосредоточены на роли концепции СЕСЧ в изменении роли Китая на международной арене.

Исследование основано на принципах историзма, а также на ряде общих и специальных научных методов. В контексте данной статьи особенно важным представляется принцип историзма, применение которого заключается в рассмотрении предмета исследования с учетом совокупности условий, повлиявших на его формирование и современное состояние в их взаимной обусловленности. С

¹ Шици да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (шан) 十七大以来重要文献选编(上) [Избранные важные документы с XVII съезда КПК (Том 1)] // Чжунгун чжунъян вэньсянь яньцзюши 中共中央文献研究室 [Отдел исследований партийной литературы при ЦК КПК]. [сайт]. URL: <https://ebook.dswxyjy.org.cn/detail/114> (дата обращения: 20.10.2025); Шиба да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (шан) 十八大以来重要文献选编(上) [Избранные важные документы с XVIII съезда КПК (Том 1)] // Чжунгун чжунъян вэньсянь яньцзюши 中共中央文献研究室 [Отдел исследований партийной литературы при ЦК КПК]. [сайт]. URL: <http://ebook.dswxyjy.org.cn/storage/files/20220802/8cb12377803b1bc823d18b3bfa0c6df072301/mobile/index.html> (дата обращения: 20.10.2025); «Чжунго дэ хэпин фачжань» байпишу 《中国的和平发展》白皮书 [«Мирное развитие Китая» (Белая книга)] // Чжунго вайцзяобу 中国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zgdhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

² Си Цзиньпин чуси «Гуншан гунчжу жэньлэй миньюнь гунтунти» гао цзибе хуэйи бинь фабяо чжуци яньцзян 习近平出席《共商共筑人类命运共同体》高级别会议并发表主旨演讲 [Си Цзиньпин принимает участие в совещании высокого уровня по теме «Построение Сообщества единой судьбы человечества» и выступает с программной речью] // Чжунго чжэнфу ван 中国政府网 [Сайт правительства Китая]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-01/19/content_5161087.htm#1 (дата обращения: 20.10.2025); Си Цзиньпин цзай Мосыкэ гоци гуаньси сюэюань дэ яньцзян 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲 [Выступление Си Цзиньпина в Московском государственном институте международных отношений] // Гунчань даньюань ван 共产党员网 [Сайт «Коммунист Китая»]: [сайт]. URL: <https://www.12371.cn/2013/03/24/ART11364060835963305.shtml> (дата обращения: 21.10.2025).

³ Чжун-Су юхао тунмэн хучжу тяоюэ 中苏友好同盟互助条约 [Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР] // Чжунго вайцзяобу 中国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]: [сайт]. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200011/t20001107_7950025.shtml (дата обращения: 21.10.2025).

помощью принципа историзма мы можем проанализировать историческое развитие концепции СЕСЧ, чтобы изучить факторы, влияющие на него, и обозначить свои суждения и прогнозы в отношении его будущего. Кроме того, применялись политологические научные методы, например, метод сравнения и прогнозирования. Посредством данных методов был проведён сравнительный анализ в исторической перспективе внешнеполитической мысли Китая различных периодов, а также спрогнозировано, что китайское руководство будет последовательно углублять концепцию СЕСЧ и направлять преобразование системы глобального управления.

Результаты и обсуждение

*Традиционная китайская идея «единства Неба и человека»
и «гармонии всех государств»*

Любая научная теория неизбежно произрастает и крепнет, опираясь на собственную культурную традицию, то есть обладает собственным культурным геном или культурной логикой. Это является ключом к жизненной силе любой теории. Формирование культуры СЕСЧ не является исключением: концепция имеет глубокие культурные корни.

Китайская аграрная цивилизация, основанная на натуральном крестьянском хозяйстве, нашла своё выражение в глубоком осмыслении природных закономерностей посредством создания ирригационных систем и разработки сельскохозяйственного календаря. Это способствовало формированию философских концепций гармоничного сосуществования с природой [9, с. 81]. В китайской культурной традиции, а также в стратегиях управления государством монархами, это всегда проявлялось через осмысление отношений между небом и человеком. Формирование идеи «единства Неба и человека» имеет свою историческую логику эволюции: она была впервые четко сформулирована Чжан Цзаем, а её фундаментальная концепция заключается в том, что «небо, земля и все сущее изначально составляют со мной одно целое» [1, с. 107].

Чжуан-цзы артикулировал доктрину «единства Неба и человека»: «Небо и земля рождены со мной, все сущее составляет со мной единое целое» [10]. Данная концепция позднее была инкорпорирована в конфуцианство. От теории «резонанса Неба и человека» Дун Чжуншу (II в. до н.э.) до интерпретации «изучения вещей для обретения знания» Чжу Си (XII в.) и концепции «единства знания и действия» Ван Янмина (XV в.) конфуцианство акцентировало нравственное самосовершенствование, а не покорение природы. В отличие от западной традиции антропоцентризма, китайская цивилизация, сформированная многовековой земледельческой экономикой, культивировала органическое мировоззрение, исключая дуализм человека и природы. Аграрный уклад, основанный на принципе «зависимости от милостей Неба», укреплял сакральное восприятие природы как целостного живого организма [11, с. 94].

Другой характерной чертой, привнесённой тысячелетней земледельческой цивилизацией Китая, является то, что она сформировала у китайцев нежелание совершать далекие завоевательные походы и неприятие крайностей в китайской культуре, что, в свою очередь, позволило избежать порождаемых ими агрессивных тенденций. Это коренным образом отличает китайскую цивилизацию от экстремальных, агрессивных культур, характерных для кочевых или морских

цивилизаций, наиболее ярким примером которых служит Колумб. Таким образом, гармония, основанная на принципе «золотой середины», является одной из характеристик китайской нации. При урегулировании межгосударственных противоречий и проблем такие концепции, как «Поднебесная принадлежит всем» («Ли Цзи • Ли Юнь») [12] и «гармония всех государств» («Шан шу») [13], будучи внутренними устремлениями древнекитайской дипломатии, отражали стремление китайской нации к миру «Великого единения». Из этого факта можно сделать вывод, что Китай не рассматривает сильное государство как государство, стремящееся к завоеванию и насилию, а, наоборот, сильное государство стремится к сотрудничеству и всеобщему развитию [6, с. 13]. Это стало своего рода золотым правилом для построения Сообщества единой судьбы человечества, предоставив просветление для разрешения политических противоречий между государствами и предложив китайский подход для решения глобальных проблем развития [2, с. 79–82].

Внешилолиторическая стратегия Китая в начальный период после образования КНР

В середине XX в. Мао Цзэдун высказал идею о «двух промежуточных зонах». Он считал, что в условиях гонки вооружений и идеологического противостояния между двумя сверхдержавами – США и СССР, в мире сложились две промежуточные зоны, отличные от них: первая – развитые капиталистические страны во главе с Европой, и вторая – развивающиеся страны, в основном Азии, Африки и Латинской Америки [14, с. 506]. Мао Цзэдун указал, что странам этих двух зон следует осознать свои устремления к экономическому развитию, отказаться от традиционных идеологических споров, отложить в сторону политические, культурные и иные различия между государствами и, в конечном счете, создать «единый фронт», выходящий за национальные рамки. Эта идея дала ориентир для построения концепции СЕСЧ. В середине 1970-х годов Мао Цзэдун на основе теории «двух промежуточных зон» научно описал мировую структуру того периода, выдвинув теорию «трех миров», что помогло Китаю найти точное позиционирование в международной системе и заложило прочный фундамент для мирной внешнеполитической концепции Китая.

Теория «трех миров» указала направление мирному пути развития Китая, предоставила теоретическую основу для укрепления партнерских отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки и продолжает наследоваться Коммунистической партией Китая. Теоретическое значение концепции «трех миров» заключается в том, что в историческом контексте биполярного противостояния между США и СССР Китай должен был сплотить большинство стран мира для содействия стабильному и мирному развитию мировой истории, а путь к достижению этой цели виделся в построении «единого фронта» и осуществлении всестороннего сотрудничества и дружественных отношений со всеми странами.

Можно сказать, что концепция Си Цзиньпина полностью развивает теоретическое ядро маоцзедуновской теории мирного развития: в условиях всеобщего осознания общности судьбы происходит формирование единого фронта человеческого общества, активно налаживаются международные связи; при соблюдении принципов мирного сосуществования и поиска общего при сохранении разногласий провозглашается призыв к странам мира отказаться от конфронтационного мышления

и совместно добиваться стабильного и гармоничного развития человеческого общества.

В 1950 г. при подписании «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР»⁴ Чжоу Эньлай впервые системно изложил конкретное содержание Пяти принципов мирного сосуществования. Чжоу Эньлай заявил советской стороне, что Китай будет укреплять экономические и культурные обмены с СССР при условии уважения государственного суверенитета и территориальной целостности. С этого момента «Пять принципов мирного сосуществования» обрели богатое содержание и ключевые ценности, включая «дружественное сотрудничество», «равенство и взаимную выгоду», «уважение суверенитета и территориальной целостности» и «невмешательство во внутренние дела» [3, с. 116]. В 1953 г. при обсуждении вопроса о Тибете с Индией Чжоу Эньлай обогатил «пять принципов» мирного сосуществования научным содержанием «взаимного ненападения». Можно сказать, что вышеуказанные принципы составляют базовую логику и ценностную ориентацию внешнеполитической концепции Китая, глубоко продвинув развитие дипломатической деятельности Китая. Являясь ядром внешней политики Китая новой эпохи, концепция СЕСЧ по своей сути представляет собой продолжение и новаторское развитие Пяти принципов мирного сосуществования.

Внешнеполитический опыт Китая в период реформ и открытости

В 1980-х годах Дэн Сяопин выдвинул внешнеполитическую концепцию «мира и развития», указав: «Сейчас два действительно крупных, глобальных, стратегических вопроса, стоящих перед миром, – это вопрос мира и вопрос экономики, или, иначе говоря, вопрос развития» [15, с. 105]. Дэн Сяопин считал, что фундаментальная логика человеческого общества заключается именно в мире и развитии, которые взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Мирная международная обстановка является объективной предпосылкой общественного развития, а цель общественного развития состоит в удовлетворении стремления человечества к счастливой и благополучной жизни.

Стоит отметить, что выдвинутая Дэн Сяопином идея достижения развития через мир, призывающая международное сообщество отказаться от мышления борьбы, является простой формой выражения ценностного ядра концепции СЕСЧ. В то же время Дэн Сяопин также изложил практический принцип независимости, самостоятельности и неприсоединения к блокам, которого Китай придерживается на дипломатическом уровне. На XII Всекитайском съезде КПК Дэн Сяопин указал: «Ни одна страна не должна рассчитывать на то, что Китай станет её сателлитом. Независимость и самостоятельность, опора на собственные силы – вот наша опора в прошлом, настоящем и будущем» [15, с. 3]. Он считал, что страна должна быть независимой и самостоятельной в политической, экономической, культурной и других сферах, иначе это проявится в утрате национальной идентичности, превращении в

⁴ Чжун-Су юхао тунмэн хучжу тяюэ дэ дицзе 《中苏友好同盟互助条约》的缔结 [Заключение «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР»] // Чжунго вайцзяобу 中国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]: [сайт]. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200011/t20001107_7950025.shtml (дата обращения: 21.10.2025).

сателлит других стран и, в конечном счёте, приведёт к снижению её статуса в международном сообществе и потере положенных ей международных прав. Это перекликается с концепцией СЕСЧ Си Цзиньпина: в процессе построения сообщества Китай в полной мере уважает право выбора всеми странами мира различных путей развития и в условиях открытой и инклюзивной среды развития, следуя двойному критерию: требованию цивилизации искать общее при сохранении разногласий, найти путь к светлому будущему человечества.

В ходе исторического развития дипломатическая работа Китая также претерпела изменения. Цзян Цзэминь указал: «Тенденция к многополярности ускоряется, эпоха, когда небольшая группа крупных держав или их объединений монополизировали мировые дела и контролировали судьбы других стран, безвозвратно ушла в прошлое» [16, с. 513]. Таким образом, он считал, что международный политический и экономический порядок должен своевременно меняться, все страны мира должны взаимодействовать на равных в вопросах глобального управления, а достижения мирового развития как общее достояние человечества должны справедливо распределяться. Новаторское толкование международного порядка Цзян Цзэмином достигло ценностного единства с концепцией СЕСЧ: плоды развития глобализации не должны быть монополизированы небольшим числом стран, современные высокие достижения человеческого общества являются результатом совместных усилий каждого человека. Поэтому в распределении благ необходимо выйти за рамки традиционной несбалансированной системы интересов и создать разумную экономическую структуру, соответствующую общим интересам человечества. Концепция СЕСЧ Си Цзиньпина выступает за переустройство порядка на политическом и экономическом уровнях, однако это переустройство не означает полного отрицания традиционного международного порядка, а способствует развитию мирового политического и экономического порядка в более разумном и справедливом направлении, придавая развитию человеческого общества больше равенства и научной обоснованности.

Основываясь на понимании концепций «международного порядка» и «равного распределения», Ху Цзиньтао выдвинул идею «гармоничного мира». На саммите по случаю 60-й годовщины основания ООН Ху Цзиньтао впервые официально предложил миру идею построения «гармоничного мира» [4, с. 65]. Опираясь на глубокое осмысление соответствующих идей марксизма и превосходной традиционной китайской культуры, Ху Цзиньтао изложил и разработал четыре аспекта «гармоничного мира»: мирный и стабильный мир, демократичный и справедливый мир, взаимовыгодный и сотрудничающий мир, открытый и инклюзивный мир, нарисовав прекрасную картину будущего мира.

Концепция СЕСЧ Си Цзиньпина унаследовала ценностную смысловую нагрузку «гармоничного мира» и продолжает углубляться в процессе реального исторического развития. В 2017 г. в выступлении на площадке ООН в Женеве председатель Си Цзиньпин изложил сущностную направленность концепции СЕСЧ, сформулировав «пять миров» с ядром из «устойчивого мира, всеобщей безопасности, совместного процветания, открытости и инклюзивности, чистоты и красоты»⁵.

⁵ Си Цзиньпин чуси «Гуншан гунчжу жэньлэй миньюнь гунтунти» гао цзибе хуэйи бинь фабяо

Формирование и углубление концепции СЕСЧ

В отчёте XVII съезда КПК впервые было упомянуто Сообщество единой судьбы, где указано: «Соотечественники по обе стороны Тайваньского пролива являются связанными кровными узами сообществом единой судьбы»⁶. Впоследствии, в Белой книге «Мирное развитие Китая» 2011 г. было отмечено, что взаимозависимость и переплетение интересов различных стран привели к формированию сообщества единой судьбы, где «есть ты во мне, и я в тебе»⁷.

В отчёте XVIII съезда КПК перед выражением «сообщество единой судьбы» были добавлены два иероглифа – «человечество». В отличие от предыдущих трактовок, здесь концепция обрела чёткое идеологическое содержание и практическую направленность, конкретно определив руководящую роль этого сознания: при достижении собственных интересов и развития необходимо учитывать законные интересы других стран и способствовать общему развитию⁸.

В марте 2013 г. Си Цзиньпин в своём выступлении в Московском государственном институте международных отношений впервые чётко сформулировал концепцию современной «земной деревни», в которой совместно существуют все страны, что действительно открыло мировое пространство для сообщества единой судьбы. Впоследствии он также последовательно выдвинул инициативы по созданию сообщества единой судьбы между Китаем и Африкой, Китаем и АСЕАН, с соседними странами, а также азиатского сообщества единой судьбы⁹. В сентябре 2015 г. в Центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке был систематически изложен общий путь создания «пятичленной» структуры сообщества единой судьбы человечества. На XIX съезде КПК «Содействие созданию Сообщества единой судьбы человечества» включено в Устав Коммунистической партии Китая, а затем в 2018 г. – в Конституцию Китайской Народной Республики. С этого периода

чжунци яньцзян 习近平出席《共商共筑人类命运共同体》高级别会议并发表主旨演讲 [Си Цзиньпин принимает участие в совещании высокого уровня по теме «Построение Сообщества единой судьбы человечества» и выступает с программной речью] // Чжунго чжэнфу ван 中国政府网 [Сайт правительства Китая]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-01/19/content_5161087.htm#1 (дата обращения: 20.10.2025).

⁶ Шици да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (шан) 十七大以来重要文献选编(上) [Избранные важные документы с XVII съезда КПК (Том 1)]. // Чжунгун чжунъян вэньсянь яньцзюши 中共中央文献研究室 [Отдел исследований партийной литературы при ЦК КПК]. [сайт]. URL: <https://ebook.dswxyju.org.cn/detail/114> (дата обращения: 20.10.2025).

⁷ «Чжунго дэ хэпин фачжань» байпишу 《中国的和平发展》白皮书 [«Мирное развитие Китая» (Белая книга)] // Чжунго вайцзяою 中国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zgdhpf_zbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

⁸ Шиба да илай чжунъяо вэньсянь сюаньбянь (шан) 十八大以来重要文献选编(上) [Избранные важные документы с XVIII съезда КПК (Том 1)] // Чжунгун чжунъян вэньсянь яньцзюши 中共中央文献研究室 [Отдел исследований партийной литературы при ЦК КПК]. [сайт]. URL: <http://ebook.dswxyju.org.cn/storage/files/20220802/8cb12377803b1bc823d18b3bfa0c6df072301/mobile/index.html> (дата обращения: 20.10.2025).

⁹ Си Цзиньпин цзай Мосыкэ гоци гуаньси сюэюань дэ яньцзян 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲 [Выступление Си Цзиньпина в Московском государственном институте международных отношений] // Гунчань даньюань ван 共产党员网 [Сайт «Коммунист Китая»]: [сайт]. URL: <https://www.12371.cn/2013/03/24/ART11364060835963305.shtml> (дата обращения: 21.10.2025).

начинается реализация СЕСЧ уже не как метафизической идеи, а долгосрочной философской и политической стратегии [6, с. 129].

В 2017 г. концепция Си Цзиньпина вошла в резолюции Совета Безопасности, Комиссии социального развития, Совета по правам человека ООН. Это, несомненно, успех китайской дипломатии и лично Си Цзиньпина как ключевого архитектора внешней политики Китая, что имеет даже большее значение для продвижения концепции в мире, чем включение ее в Устав КПК и Конституцию КНР [7, с. 75]. После этого концепция СЕСЧ вступила в стадию развития и совершенствования, став часто употребляемым термином в дипломатической практике Китая, привлечшим значительное внимание и обсуждение международного сообщества. С этого времени академические круги внутри страны и за рубежом в полном смысле слова развернули её обсуждение, открыв путь к построению системного, научного и стабильного дискурсивного аппарата.

С момента XVIII съезда КПК Си Цзиньпин, опираясь на новую практику, новую эпоху и новые потребности народа, унаследовал и развил указанные теоретические идеи китайских коммунистов. На конференции по вопросам внешней работы 2014 г. председатель Си Цзиньпин указал: «Китай должен иметь дипломатию великой державы с собственной спецификой» [17, с. 442], в полной мере продемонстрировав эволюцию внешнеполитической концепции Китая. В целом, концепция СЕСЧ Си Цзиньпина завершила обобщение дипломатического опыта Китая с древнейших времен в отдельных сферах, представляя собой новаторское развитие на основе теоретической мысли всех предыдущих руководителей Китая и внося значительный вклад в эволюцию внешнеполитической концепции Китая. Можно сказать, что на основе дипломатии великой державы с китайской спецификой концепция СЕСЧ получила долгосрочное развитие, постепенно усиливая дипломатическую призывную силу и практическое влияние Китая в мировом масштабе.

Заключение

С точки зрения сути концепции Китая, её целевая ориентация и будущая направленность заключаются во взаимовыгодном сотрудничестве и совместном использовании достижений всеми странами мира. Поскольку она согласуется с целями и принципами ООН, она подразумевает высокую степень инклюзивности и публичности, ярко демонстрируя не экспансию цивилизации, а её развитие в многополярном мире, что соответствует тенденциям современной эпохи. А.Л. Верченко в своей статье также отмечает данный аспект [7, с. 71–83]. Например, серия китайских предложений и решений, внесённых Китаем в ответ на вопросы глобального управления: концепция СЕСЧ, включённая во многие документы ООН; серия глобальных инициатив, направленных на «стремление к великой гармонии в мире»; совместное со странами создание «рамки экономического и социального сотрудничества» для реализации совместного процветания через «Пояс и путь» – все это является типичными примерами.

Главным проводником и пропагандистом концепции СЕСЧ выступает её автор – первое лицо государства, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. Он продолжает развивать и вносить новые нюансы в идею, соединяет идеи концепции СЕСЧ со своими новыми «глобальными инициативами», взглядами на развитие

культуры, сотрудничеством на основе Пяти принципов мирного сосуществования по линии общественной дипломатии и т.д. Концепция появилась как стремление КНР показать свою роль крупной державы, несущей ответственность не только за себя, но и за судьбы мира, намерения строить справедливый мир [8, с. 71].

Председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что «Сегодняшний мир по-прежнему сталкивается с растущим дефицитом мира, развития, безопасности и управления. Моя инициатива о создании сообщества единой судьбы человечества, инициативы по глобальному развитию, глобальной безопасности и глобальная инициатива цивилизаций именно призваны устранить дефицит такого рода, активно участвовать и объединять усилия с другими странами в продвижении реформирования системы глобального управления через призму справедливости и равноправия»¹⁰.

Идея СЕСЧ Си Цзиньпина укоренена в превосходной традиционной китайской культуре и мудрости управления государством, является непрерывным развитием и углублением традиционной философской культуры Китая. Внешнеполитические идеи, последовательно выдвигавшиеся китайскими лидерами, наследуют друг друга, отражая стремление Китая к миру и развитию в качестве великой державы. В современном мире, где международные отношения запутаны и сложны, а цели устойчивого развития сталкиваются с серьёзными вызовами, странам и нациям необходимо глубоко отложить споры, отказаться от конфликтов и сосредоточиться на общих интересах всего человечества и устойчивом развитии для преодоления глобальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ма Личжи 马立志. Жэньлэй миньюнь гунтунти дэ вэньхуа гоуцзянь цзици чжунго шицзянь яньцзю 人类命运共同体的文化构建及其中国实践研究 [Культурное конструирование сообщества единой судьбы человечества и его практика в Китае]: дис. ... канд. филос. наук. Шанхай: Хуадун Шифань Дасюэ 华东师范大学 [Восточно-Китайский педагогический университет], 2022. 291 с.
2. Цзэн Лу 曾璐. Жэньлэй миньюнь гунтунти сысян дуй чжунго юсю чуаньтун вэньхуа дэ цичэн юй фачжань таньси 人类命运共同体思想对中国优秀传统文化的继承与发展探析 [Исследование преемственности и развития идеи сообщества единой судьбы человечества в отношении выдающихся традиций китайской культуры] // Чжунгун Цзинань шивэй дансяо сюэбао 中共济南市委党校学报 [Вестник Партийной школы при Городском комитете Цзинаня КПК]. 2019. № 1. С. 79–82.
3. Е Цычэн 叶自成. Синь Чжунго вайцзяо сысян: цун Мао Цзэдун дао Дэн Сяопин — Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин вайцзяо сысян бицзяо яньцзю 新中国外交思想: 从毛泽东到邓小平——毛泽东、周恩来、邓小平外交思想比较研究 [Внешнеполитическая мысль нового Китая: от Мао Цзэдуна до Дэн Сяопина – Сравнительное исследование внешнеполитических взглядов Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина]. М.: Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大学出版社 [Пекин: Издательство Пекинского университета], 2001. 433 с.
4. Ли Юнхун 李永洪, Вэй Гуйцюань 魏贵全. Чжунго Гунчаньдан цзяньдан байнянь гоцзи чжаньлюэ сысян дэ яньбянь личэн цзи ци цзинььянь циши 中国共产党建党百年国际战略思想的演变历程及其经验启示 [Эволюционный путь и ценный опыт международной стратегической мысли КПК за 100 лет со дня основания] // Чанчунь дасюэ сюэбао 长春大学学报 [Вестник Чанчуньского университета]. 2022. Т. 32. № 5. С. 62–68.

¹⁰ Си Цзиньпин. Уроки прошлого во имя будущего // Российская газета. [сайт]. URL: <https://rg.ru/2025/05/07/uroki-proshlogo-vo-imia-budushchego.html?tgml> (дата обращения: 23.09.2025).

5. Комарова Д.В. Внешнеполитические взгляды Си Цзиньпина: концепция «сообщества единой судьбы человечества» // Science Time. 2024. № 5 (124). С. 12–17. EDN:JSMTDU.
6. Бояркина А.В. Китайские исследователи о философско-культурном обосновании концепции Си Цзиньпина «Сообщества единой судьбы человечества» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3 (54). С. 128–140. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/128-140>. EDN:RBPMZD.
7. Верченко А.Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. С. 71–83. EDN:LFWBGQ.
8. Верченко А.Л. Концепция сообщества единой судьбы человечества: китайское видение нового мироустройства (десятилетие реализации) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2025. Т. 7. № 2. С. 60–74. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2025-2-60-74>. EDN:IPBDNW.
9. Ван Хуэйжу. Влияние экологических традиций на реализацию ЦУР-30 в КНР // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 5 (142) С. 79–85. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.9>. EDN:WFDIYX.
10. Го Цинфань 郭庆藩, Ван Сяоюй 王孝鱼. Дянь цзяо. Чжуан-цзы цзиши 点校. 庄子集释 [Собрание толкований «Чжуан-цзы»]. М.: Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй 北京:中华书局 [Пекин: Издательство «Чжунхуа шуцзюй»], 2012. 1110 с.
11. Чэнь Юэхун 陈跃红. «Цзыжань» юй «кэсюэ» дэ фаньши юй Чжунго шэхуэй жэнь юй цзыжань гуаньси дэ чунгоу "自然" 与 "科学" 的翻译与中国社会人与自然关系的重构 [Перевод слов «Nature» и «Science» и реконструкция отношений между человеком и природой в китайском обществе] // Шанхай шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 上海师范大学学报 (哲学社会科学版) [Вестник Шанхайского нормального университета (издание по философии и социальным наукам)]. 2017. Т. 46. № 6. С. 93–99. <https://doi.org/10.13852/j.cnki.jshnu.2017.06.012>.
12. Чжэн Сюань 郑玄, Кун Инда 孔颖达, Гун Каньюнь 龚抗玄整理 [Чжэн Сюань (коммент.), Кун Инда (толкование), Гун Каньюнь (подгот. текста)]. Лицзи • Ли юнь 礼记 • 礼运. [«Записки о ритуале» • «Циркуляция ритуала»]. М.: Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京: 北京大学出版社 [Пекин: Издательство Пекинского университета], 1999. 1678 с.
13. Ван Шишунь, Ван Цуйе и чжу 王世舜、王翠叶译注 [Ван Шишунь, Ван Цуйе (пер. и коммент.)]. Шан шу 尚书. [Шу цзин]. М.: Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局 [Пекин: Издательство «Чжунхуа шуцзюй»], 2012. 494 с.
14. Мао Цзэдун 毛泽东. Мао Цзэдун вайцзяо вэньсюань 毛泽东外交文选 [Избранные произведения Мао Цзэдуна по внешней политике]. М.: Бэйцзин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ 北京:中央文献出版社 [Пекин: Издательство «Чжунъян вэньсянь чубаньшэ»], 1994. 658 с.
15. Дэн Сяопин 邓小平. Дэн Сяопин вэньсюань: Ди сань цюань 邓小平文选:第3卷 [Избранные произведения Дэн Сяопина. Том 3]. М.: Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社 [Пекин: Издательство «Жэньминь чубаньшэ»], 1993. 418 с.
16. Цзян Цзэминь 江泽民. Цзян Цзэминь лунь юй чжунго тэсэ шэхуэйчжуи (чжуаньти чжайбянь) 江泽民论有中国特色社会主义 (专题摘编) [О социализме с китайской спецификой] (тематическая подборка выдержек). М.: Бэйцзин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ 北京:中央文献出版社 [Пекин: Издательство «Чжунъян вэньсянь чубаньшэ»], 2002. 753 с.
17. Си Цзиньпин 习近平. Си Цзиньпин тань чжиге личжэн: Ди эр цюань 习近平谈治国理政:第2卷 [Си Цзиньпин о государственном управлении: Том 2]. М.: Бэйцзин: Вайвэнь чубаньшэ 北京: 外文出版社 [Пекин: Издательство «Вайвэнь чубаньшэ»], 2018. 569 с.

REFERENCES

1. Ma Lizhi 马立志. Renlei mingyun gongtongti de wenhua goujian jiqi Zhongguo shijian yanjiu 人类命运共同体的文化构建及其中国实践研究 [Cultural Construction of the Community with a Shared Future for Mankind and Its Practice in China]. Diss. ... cand. philosophical sciences. Shanghai: Huadong Shifan Daxue 华东师范大学 [East China Normal University], 2022. 291 p. (In Chinese).
2. Zeng Lu 曾璐. Renlei mingyun gongtongti sixiang dui Zhongguo youxiu chuantong wenhua de jicheng yu fazhan tanxi 人类命运共同体思想对中国优秀传统文化的继承与发展探析 [An Exploration of the Inheritance and Development of the Concept of a Community with a Shared Future for

Mankind in China's Outstanding Traditional Culture]. *Zhonggong Jinan shiwei dangxiao xuebao* 中共济南市委党校学报 [Journal of the Party School of the CPC Jinan Municipal Committee], 2019. No. 1. P. 79–82. (In Chinese).

3. Ye Zicheng 叶自成. Xin Zhongguo waijiao sixiang: Cong Mao Zedong dao Deng Xiaoping – Mao Zedong, Zhou Enlai, Deng Xiaoping waijiao sixiang bijiao yanjiu 新中国外交思想:从毛泽东到邓小平——毛泽东、周恩来、邓小平外交思想比较研究 [New China's Diplomatic Thought: From Mao Zedong to Deng Xiaoping – A Comparative Study of the Diplomatic Thoughts of Mao Zedong, Zhou Enlai, and Deng Xiaoping]. Beijing: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社 [Peking University Press], 2001. 433 p. (In Chinese).

4. Li Yonghong 李永洪, Wei Guiquan 魏贵全. Zhongguo Gongchandang jiangang bainian guoji zhanlue sixiang de yanbian licheng ji qi jingyan qishi 中国共产党建党百年国际战略思想的演变历程及其经验启示 [The Evolution and Historical Experience of the International Strategic Thought of the Communist Party of China over the Past Century Since Its Founding]. *Changchun daxue xuebao* 长春大学学报 [Journal of Changchun University]. 2022. Vol. 32. No. 5. P. 62–68. (In Chinese).

5. Komarova, D.V. Foreign Policy Views of Xi Jinping: The Concept of a “Community with a Shared Future for Mankind”. *Science Time*. 2024. No 5 (124). P. 12–17. (In Russian). EDN: JSM TDU.

6. Boyarkina, A.V. Chinese Researchers on Philosophy and Culture Ground of Xi Jinping's Concept of a Community with a Shared Future for Mankind. *Ojkumena. Regional Researches*. 2020. No 3 (54). P. 128–140. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/128-140>. EDN:RBPMZD.

7. Verchenko, A.L. China's “Community of common destiny” Concept and the First Person's Diplomacy. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2022. Vol. 27. No. 27. P. 71–83. (In Russian). EDN:LFWBGQ.

8. Verchenko, A.L. The Concept of the Community with a Shared Future for Mankind: Chinese Vision of the New World Order (A Decade of Realization). *East Asia: Facts and Analytics*. 2025. Vol. 7. No 2. P. 60–74. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2025-2-60-74>. EDN:IPBDNW.

9. Wang Huiru. The Impact of Environmental Traditions on the Implementation of SDG-30 in China. *Society: Politics, Economics, Law*. 2025. No 5 (142). P. 79–85. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.9>. EDN:WFDIYX.

10. Guo Qingfan 郭庆藩, Wang Xiaoyu 王孝鱼. Dianjiao Zhuangzi jishi 庄子集释 [The Collected Explanations of Zhuangzi]. Beijing: Zhonghua shuju 中华书局 [Zhonghua Book Company], 2012. 1110 p. (In Chinese).

11. Chen Yuehong. 陈跃红. "Ziran" yu "kexue" de fanyi yu Zhongguo shehui ren yu ziran guanxi de chonggou "自然"与"科学"的翻译与中国社会人与自然关系的重构 [The Translation of "Nature" and "Science" and the Reconstruction of Human-Nature Relationships in Chinese Society]. *Shanghai shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* 上海师范大学学报 (哲学社会科学版) [Journal of Shanghai Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)]. 2017. Vol. 46. No 6. P. 93–99. (In Chinese). <https://doi.org/10.13852/j.cnki.jshnu.2017.06.012>.

12. Zheng Xuan 郑玄 (annot.), Kong Yingda 孔颖达 (interp.), Gong Kangyun 龚抗云 (collat.). Liji Liyun 礼记·礼运 [Book of Rites Evolution of Rites]. Beijing: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社 [Peking University Press], 1999. 1678 p. (In Chinese).

13. Wang Shishun 王世舜, Wang Cuiye 王翠叶. (trans. & annot.). Shang shu 尚书 [Book of Documents]. Beijing: Zhonghua shuju 中华书局 [Zhonghua Book Company], 2012. 494 p. (In Chinese).

14. Mao Zedong 毛泽东. Mao Zedong waijiao wenxuan 毛泽东外交文选 [Selected Works of Mao Zedong on Diplomacy]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社 [Central Party Literature Press], 1994. 658 p. (In Chinese).

15. Deng Xiaoping 邓小平. Deng Xiaoping wenxuan: Di san juan 邓小平文选:第 3 卷 [Selected Works of Deng Xiaoping: Volume 3]. Beijing: Renmin chubanshe 人民出版社 [People's Publishing House], 1993. 418 p. (In Chinese).

16. Jiang Zemin 江泽民. Jiang Zemin lun you Zhongguo tese shehuizhu (zhuan ti zhaibian) 江泽民论有中国特色社会主义 (专题摘编) [On Socialism with Chinese Characteristics (Thematic Excerpts)]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社 [Central Party Literature Press], 2002. 753 p. (In Chinese).

17. Xi Jinping 习近平. Xi Jinping tan zhiguo lizheng: Di er juan 习近平谈治国理政:第 2 卷 [Xi Jinping: The Governance of China. Volume 2]. Beijing: Waiwen chubanshe 外文出版社 [Foreign Languages Press], 2017. 569 p. (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Ван Хуэйжу – аспирант факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: st094698@student.spbu.ru

ORCID: 0009-0003-6128-3796

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Wang Huiru – Postgraduate student of the faculty of international relations; Saint Petersburg State University.

E-mail: st094698@student.spbu.ru

ORCID: 0009-0003-6128-3796

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025.

Одобрена после рецензирования 08.12.2025.

Принята 08.12.2025.

Received 30.10.2025.

Approved after reviewing 08.12.2025.

Accepted 08.12.2025.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья / research article

УДК: 94.100+358.23

EDN: [WNGKUV](#)

DOI: 10.48612/rg/RGW.29.1.11

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

История русского гранатостроения начала XX века: новая находка из Кронштадта

Чечевичкин Алексей Викторович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 chechevichkin_av@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Изучение истории русского гранатостроения в совокупности с экспонированием исследованных образцов в музеях и обеспечением возможности изготовления их макетов (например, для последующего использования в исторических фильмах и реконструкциях) способствует популяризации военно-технической истории России. Задачей настоящего исследования является описание новой находки – ручной гранаты ранее неизвестной конструкции и определение ее места в общей истории развития ручных гранат в России. Изучение ручных гранат начала XX века и сравнительные аналогии дают представление о развитии военно-инженерной мысли русских инженеров в новой на тот момент области военной техники определяет актуальность исследования.

Методы и материалы. Исследование определила находка, найденная в 2020 г. в г. Кронштадте, рядом с одной из заброшенных артиллерийских лабораторий. Всего было найдено около 1000 идентичных гранат, небольшая часть из которых была в хорошем состоянии. Все обнаруженные гранаты не имели в своем составе взрывчатых веществ, представляя собой готовые безопасные макеты. Изучены литературные источники начала XX века и современные научные труды в рассматриваемой области. В основу настоящего исследования положены общенаучные и специальные исторические методы (типологический и историко-сравнительный).

Результаты и их обсуждение. Морфологический и технический анализ изученной гранаты продемонстрировал возможную технологию ее производства, механизм использования, и наиболее вероятное происхождение. Предложена датировка 1906–1914 годами. Установлено, что этот новый исторический источник можно считать ранее неизвестным звеном в цепи конструкций, характеризующих развитие инженерной мысли от конструкции гранаты Н. С. Лишина 1904 г. к конструкции гранаты В. Ф. Стендера 1914 г., сам предмет может быть названа «Ручная граната Лишина второго образца».

Заключение. Результаты настоящей работы позволят последующим исследователям правильно идентифицировать найденные в архивах сведения о выпуске, испытаниях и использовании изученной гранаты, а широкому кругу читателей – ознакомиться с непривычной конструкцией российской ручной гранаты начала XX в.

Ключевые слова: Первая мировая война; Русско-японская война; инженерные войска; инженерное ведомство; ударная граната; пироксилиновая шашка; гранотостроение

Для цитирования: Чечевичкин А.В. История русского гранатостроения начала XX века: новая находка из Кронштадта // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 186–202. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.11>. EDN: WNGKUV.

© Чечевичкин А.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The History of Russian Grenade Manufacturing in the Early 20th Century: A New Find from Kronstadt

Alexey V. Chechevichkin ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ chechevichkin_av@spbstu.ru

Abstract

Introduction. The study of the history of Russian grenade manufacturing, combined with the exhibition of researched specimens in museums and the provision of opportunities to create their replicas (for example, for subsequent use in historical films and reenactments), contributes to the popularization of Russia's military-technical heritage. The objective of this study is to describe a new find – a hand grenade of previously unknown design – and to determine its place within the overall history of hand grenade development in Russia. The relevance of this research is determined by the fact that examining early 20th century hand grenades and drawing comparative analogies provides insight into the evolution of military-engineering thought among Russian engineers in what was then an emerging field of military technology.

Methods and materials. This study was prompted by a discovery made in 2020 in Kronstadt, near one of the abandoned artillery laboratories. Approximately one thousand identical grenades were found in total, a small portion of which were in good condition. None of the discovered grenades contained explosive fillers, representing ready-made safe mock-ups. Literary sources from the early 20th century and contemporary scholarly works in the relevant field were examined. The research is grounded in general scientific methods and specialized historical methods (typological and historical-comparative).

Results and Discussion. Morphological and technical analysis of the grenade under study revealed its probable manufacturing technology, operational mechanism, and most likely origin. A date range of 1906–1914 has been proposed. It has been established that this new historical source can be considered a previously unknown link in the chain of designs illustrating the evolution of engineering thought from the 1904 N. S. Lishin's grenade to the 1914 V. F. Stender's grenade; the object itself may be designated the «Lishin's Hand Grenade Mk. II».

Conclusion. The results of this work will enable future researchers to correctly identify archival records concerning the production, testing, and use of the studied grenade. Furthermore, they will allow a broad readership to become acquainted with the unconventional design of an early 20th century Russian hand grenade.

Keywords: First World War; Russo-Japanese War; engineering troops; engineering department; impact grenade; pyroxylin block; grenade manufacturing

For citation: Chechevichkin, A.V. The History of Russian Grenade Manufacturing in the Early 20th Century: A New Find from Kronstadt. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 186–202. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.11>. EDN: WNGKUV.

© Chechevichkin, A.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Гранатостроение – область военной технологии, которая охватывает проектирование, разработку и производство различных типов гранат, используемых в боевых действиях. Отечественное гранатостроение прошло непростой путь: от копирования европейских образцов вооружения в XIII в. до создания в середине XX в. военной промышленности, производившей передовые модели в огромных количествах. Гранатостроение России начала XX века характеризуется стремительным развитием, обусловленным как потребностью в новых современных образцах вооружения, так и работой большого количества выдающихся изобретателей.

Одними из первых предков будущих ручных гранат можно считать горшки с известью, применявшиеся во II в. до н.э. в Китае, а наиболее близким – арабские сосуды, в том числе ручные, наполненные нефтью, VIII–IX веков [1]. В XIII–XV вв. первые гранаты появились в Европе и применялись в виде керамических или железных сосудов, начиненных порохом. В конце XVII в. гранаты, аналогичные европейским, появляются в России, а уже при Петре I повсеместно в армии стали создаваться гренадерские роты, вооруженные ручными гранатами [2, с. 18].

Первыми серийными ручными гранатами России были гранаты конструкции Н.С. Лишина и М.М. Зеленского, разработанные в период Русско-японской войны в 1904 году и применявшиеся в ней [3]. После завершения Русско-японской войны и до 1912 года разработка новых конструкций ручных гранат практически не проводилась. Когда же стало ясно, что мир готовится к Первой мировой войне, разработка ручных гранат возобновилась, причем в невиданных ранее масштабах. Множество военных изобретателей, таких как В.И. Рдултовский, В.Ф. Стендер, П.В. Новицкий, В.А. Александров и многие другие, предлагали свои конструкции и идеи. Отдельно стоит выделить инженерный гений Е.И. Поплавского, который еще в 1915 г. изобрел гранату с реактивным двигателем, не востребованную в период Первой мировой войны, но на десятки лет опередившую свое время [2, с. 102–103].

После завершения Первой мировой войны и революции в России интерес к разработке новых конструкций ручных гранат упал вплоть до 1930-х годов. В это время появились широко известные конструкции гранат, такие как Ф-1 (принята на вооружение в 1928 г., разработана на основе французской гранаты F-1 модели 1915 г.) [4, с. 38] и гранаты образца 1914/1930 (принята на вооружение в 1930 г., разработана на основе гранаты Рдултовского образца 1914 г.) [4, с. 30].

Таким образом, начало XX в. является интересным и насыщенным периодом в области гранатостроения в России, поскольку именно тогда появлялось множество абсолютно новых идей и конструкций, причем какие-то были неудачными, какие-то были удачными и пошли в серию, а какие-то на десятилетия опередили свое время.

Объектом предлагаемого исследования является техническая мысль русских инженеров в области военной техники в начале XX века. Предметом настоящего

исследования является конструкция ручных гранат, как средства вооружения русской императорской армии в начале XX века.

В фокусе предложенного исследования – проблема недостаточности характеристик в научной литературе по совокупной тематике всех существовавших в начале XX в. ручных гранат в России. Задачей является описание ручной гранаты ранее неизвестной конструкции и определение ее места в общей истории развития ручных гранат России. Выявление и описание недостающих звеньев в истории развития российского военного дела в понимании того, как инженерная мысль в области ручных гранат прошла путь от примитивных конструкций начала XX в. до современных, появившихся уже во второй четверти XX в. составляют цель работы.

Актуальность обусловлена тем, что изучение ручных гранат начала XX в. и сравнительные аналогии дают представление о развитии военно-инженерной мысли русских инженеров в новой и активно развивающейся на тот момент области военной техники. Кроме того, изучение истории русского гранатостроения в совокупности с экспонированием исследованных образцов в музеях и обеспечением возможности изготовления их макетов (например, для последующего использования в исторических фильмах и реконструкциях) способствует популяризации военно-технической истории России.

Методы и материалы

В 2020 г. на территории г. Кронштадта, рядом с одной из заброшенных артиллерийских лабораторий, в яме, частично заполненной водой, на незначительной глубине в земле, собирателями металлолома было найдено несколько старинных гранат, неизвестной ранее конструкции. Гранаты не имели в своем составе взрывчатых веществ, в связи с чем являлись готовыми безопасными макетами. На протяжении последующих 3 лет, по мере естественного осушения ямы, в ней было обнаружено еще около 1 000 таких же гранат. В хорошем состоянии было найдено всего около 20 образцов, которые попали на рынок и оказались в частных коллекциях, остальные были в плохом состоянии, потому, по всей видимости, были смяты и сданы в металлолом. Автор в нахождении гранат личного участия не принимал, в связи с чем вся информация об обстоятельствах находки и статистических ее аспектах представлена со слов участников событий. Автору удалось обмерить и изучить несколько хорошо сохранившихся экземпляров.

Факт нахождения такого большого количества ранее неизвестных гранат говорит об их серийном выпуске, что делает их достойными изучения научным сообществом. Изученные гранаты являются архаичными, то есть относятся к периоду зарождения техники в соответствующей узкой области. Это позволяет изучить ход развития технической мысли в данной узкой области до того, как появились привычные современные образцы.

В настоящее время существуют книги по истории русского гранатостроения [2; 4; 5], а также ряд научных публикаций. Стоит выделить крупное исследование Е. Н. Кравченко и Б. В. Прибылова «История развития ручных и ружейных гранат в России» [2], изданное в 2022 г., и являющееся наиболее подробным и полным из существующих на сегодняшний день исследований по данной тематике. Важно отметить, что глубоких исследований в данной области в СССР не проводилось, в

связи с чем абсолютное большинство научных изысканий в данной области относятся к периоду 2010–2020 гг., что говорит о появившемся в последнее время большом интересе к данной проблеме. Таким образом, изучение истории русского гранатостроения начала XX века в настоящее время продолжают.

В основу настоящего исследования положены общенаучные методы и специально-исторические методы (типологический и историко-сравнительный методы). Общенаучные методы, исследования, такие как анализ, синтез, аналогия и индуктивный метод, позволили получить новые знания из изученных источников, а затем выявить закономерности в них. Типологический метод позволил осуществить классификацию и систематизацию исследованных видов ручных гранат путем выделения типичных черт и признаков. Историко-сравнительный метод позволил идентифицировать исследованную гранату как часть целостной системы, в которой каждый элемент связан с другими и влияет на общую структуру.

Граната конструктивно представляла собой два цилиндра из луженой жести толщиной 0,5 мм, вставляющихся друг в друга, и деревянную ручку с металлическим кольцом-треугольником (рис. 1).

Колпак А гранаты в целом имел форму цилиндра со сферической крышкой и был изготовлен из луженой жести толщиной 0,5 мм (рис. 1–1). Лист, образующий основной цилиндр, и сферическая крышка были соединены пайкой оловом. Плоское донце М–А имело небольшую цилиндрическую часть и выступающие вверх три плоские лапки, расположенные по окружности со сдвигом 120 градусов, которые были вставлены в отверстия в сферической крышке и загнуты в направлении центра гранаты. Плоское донце М–А имело жало L в центре. Основная цилиндрическая часть имела коленчатый вырез E, накладку на коленчатый вырез G, два выступа с отверстиями H для проволоки «чеки» (рис. 1–1, элемент 1/2).

Поддон В гранаты в целом имел форму цилиндра и был изготовлен из луженой жести толщиной 0,5 мм (рис. 1–3). Лист, образующий основной цилиндр, и элемент крепления ручки С были соединены пайкой оловом. Основная цилиндрическая часть имела три плоские лапки О, расположенные по окружности со сдвигом 120°, направленные вверх, для фиксации ими взрывчатого вещества после его установки в гранату (аналогично конструкции крепления на трех плоских лапках пироксилиновой шашки в гранате Орлова [2, с. 31]). Кроме того, основная цилиндрическая часть имела три плоские лапки, также расположенные по окружности со сдвигом 120°, направленные вниз, загнутые в направлении центра гранаты и предназначенные для крепления нижнего отсека для поражающих элементов N. Нижнее донце N–Q имело крепление для ручки. Основная цилиндрическая часть имела небольшой треугольный штырь F на боковой поверхности, выступ с отверстием I.

Ручка С была изготовлена из легкого дерева, имела в нижней части сквозное отверстие Р для расположения в нем металлического кольца-треугольника D и само кольцо-треугольник D (рис. 1–3). Ручка была прикреплена к нижнему внутреннему цилиндру при помощи четырех перпендикулярно расположенных гвоздиков. Кольцо-треугольник D, по всей видимости, было предназначено для крепления гранаты на поясе в подвешенном вверх ручкой положении. Угол между осью отверстия D на ручке С относительно треугольного штыря F на поддоне В был произвольным в разных образцах.

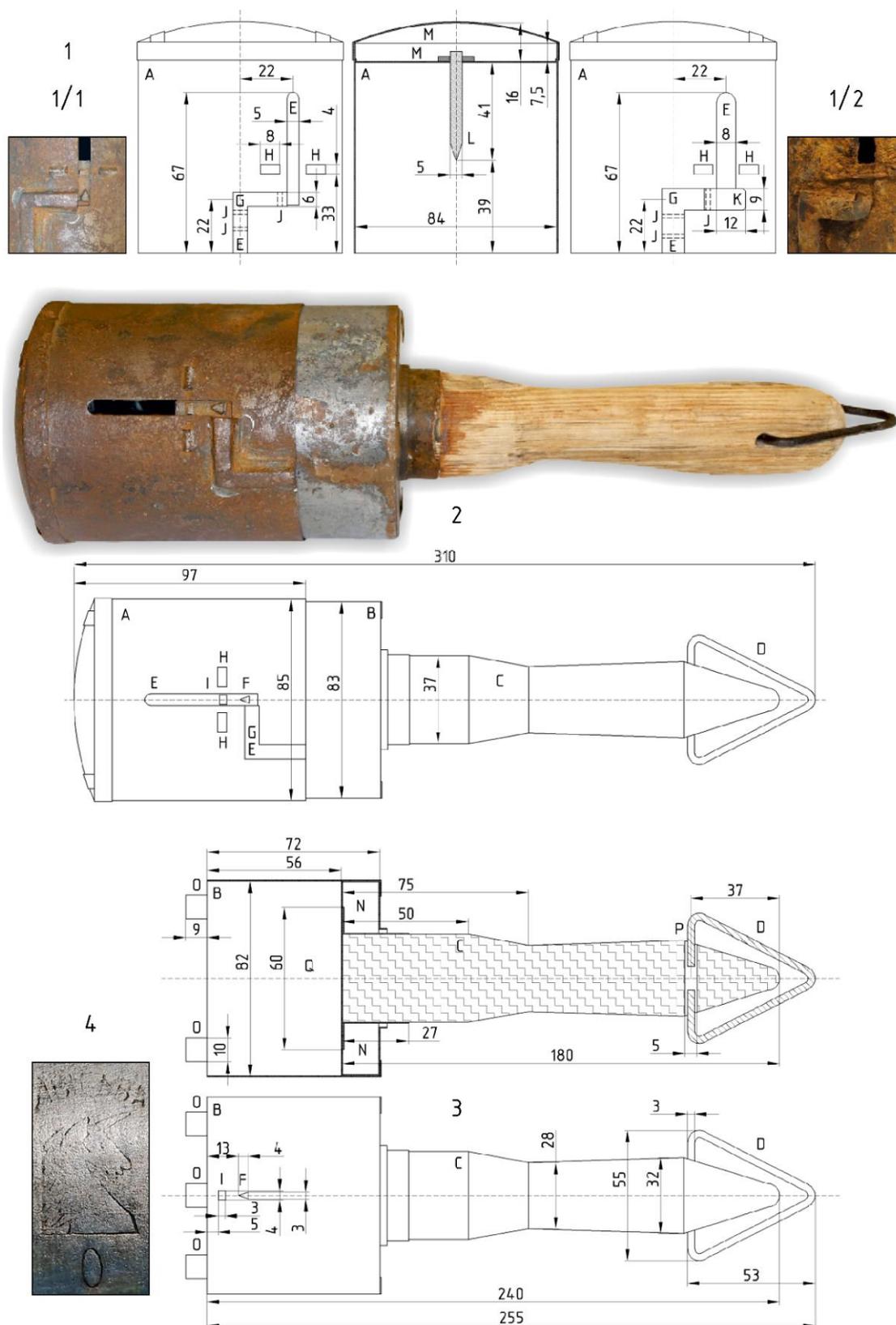

Рис. 1. Изученная граната из г. Кронштадта: 1 – верхняя часть (1/1 – жестяная накладка, 1/2 – латунная накладка); 2 – изделие в сборе; 3 – нижняя часть; 4 – клеймо производителя жести.
 Fig. 1. The grenade under study from Kronstadt: 1 – upper part (1/1 – tin plate, 1/2 – brass plate); 2 – assembled device; 3 – lower part; 4 – tin manufacturer's stamp.

На всех образцах ручка была немного разной длины (длина колебалась в пределах 10 мм) и незначительно отличалась внешне.

Большая часть найденных гранат не имела поражающих элементов. Однако в некоторых образцах гранат отсеки в верхнем цилиндре, между верхней округлой крышкой и плоским донцем М–А (пространство М), а также в нижнем цилиндре, между плоской крышкой и плоским донцем N–Q (пространство N), были заполнены расплавленной канифолью с металлическими поражающими элементами. Размер поражающих элементов в верхнем отсеке был около 4x10 мм (рубленный металл различной формы), в нижнем – около 4x25 мм (рубленая проволока). Поражающие элементы находились в отсеках, собираемых зацеплением с помощью трех плоских лапок, таким образом вся спайка производилась до снаряжения гранаты поражающими элементами, что очень технологично. Следует отметить, что попадались гранаты с разной степенью заполненности: у некоторых поражающими элементами могла быть заполнена только верхняя часть, у других – только нижняя, а иногда и обе части были заполнены поражающими элементами. Части гранат, заполненные и не заполненные поражающими элементами, были взаимозаменяемыми. Дополнительно поражающие элементы могли укладываться в шесть полостей, образующихся между шестигранной саперной пироксилиновой шашкой и цилиндрической частью поддона В.

Накладка на коленчатый вырез верхнего наружного цилиндра G в большинстве случаев была изготовлена из жести (рис. 1–1, элемент 1/1), аналогичной основному материалу корпуса, и припаяна к нему. Эта накладка имела две пары отверстий в вертикальной части JJ и одну пару отверстий в горизонтальной части J. Зазор между отверстиями JJ был достаточен для нахождения в нем треугольного штыря F. Однако в некоторых случаях накладка была изготовлена из латуни (рис. 1–1, элемент 1/2) и также припаяна к жестяному корпусу. В отличие от жестяных, к латунной накладке был припаян козырек К, способный сгибаться и перекрывать обратный ход для треугольно штыря F в коленчатом вырезе E, когда он находится в боевом положении. В целом, отличия гранат с жестяной и латунной накладкой были минимальны и не влияли на общий механизм работы гранаты. Следует отметить, что в части образцов гранат с латунной накладкой коленчатый прорез E имел несколько большую ширину.

Поддон В одной из найденных гранат был изготовлен из края листа луженой жести, на котором сохранилось клеймо (рис. 1–4). На клейме изображен единорог, над ним – плохо читаемая надпись «ЛЫСЬВА», под ним – буква «О». Это клеймо Лысьвенского металлургического завода, появившееся после того, как собственником завода стал граф П. П. Шувалов в 1864 г.¹ Буква «О», весьма вероятно, означает покрытие на листовом металле из олова (лужение): аналогичное обозначение принято ГОСТом 9.306-85 и предшествующих ему стандартам (поэтому логично предположить, что оно же могло применяться и в начале XX века). Автору не удалось найти точно такое же клеймо на известных фотографиях продукции данного завода, потому его точная датировка затруднена. Однако в ГКБУО «Пермский краеведческий музей» есть экспонат «Клеймо-молоток для клеймения железа на Лысьвенском металлургическом заводе» с матрицей в форме буквы «О», датированный концом XIX –

¹ История предприятия // ММК-Лысьвенский металлургический завод: [сайт]. URL: <https://lysvamk.ru/o-kompanii/istoriya-kompanii/> (дата обращения: 30.12.2025).

началом XX века². Экземпляр гранаты с клеймом был всего один из множества, что говорит об изготовлении на Лысьвенском металлургическом заводе именно луженой жести, а не самих изученных гранат. Известно, что с 1915 г. Лысьвенский металлургический завод перешел на выпуск военной продукции и производил листовую сталь для военной продукции других заводов, саму военную продукцию, а также шанцевый инструмент, солдатские котелки, фляжки, и т.п. [6, с. 302].

Ввиду небольшой коррозии цилиндры перемещались друг относительно друга достаточно плотно, но при наличии смазки ход их становился свободным. Краской граната окрашена не была.

Конструкция взрывчатых элементов гранаты не изучена, так как найдено их не было. Исходя из геометрии пустой внутренней полости изученной гранаты, можно предположить, что это был цилиндр (диаметром около 80 мм, длиной 50–55 мм), состоящий из взрывчатого вещества (вероятно, пироксилина). Цилиндр, возможно, имел тонкую оболочку из цинка или жести. В центре цилиндра имелось отверстие (диаметром около 10 мм), куда помещался капсуль, вероятно, с гремучей ртутью (фульминатом ртути). Наиболее вероятно, что использовалась стандартная саперная пироксилиновая шашка (шестигранная, диаметр описанной окружности 81 мм, высота 50 мм, без заводского центрального канала), в которой просверливалось отверстие, что было обычной процедурой [2, с. 75].

Следует отметить, что конструкция изученной гранаты хоть и была достаточно простой и легко производимой малоквалифицированным персоналом, но все ее экземпляры были одинаково качественно сделаны и взаимозаменяемы между собой без доработки. Несмотря на то, что в гранате, по всей видимости, использовалась шестигранная пироксилиновая шашка, граната имела круглый корпус, что было сделано для упрощения ее производства. Все это говорит о хорошо продуманной технологии серийного производства изученной гранаты, по всей видимости, с применением вырубных штампов.

Общая длина гранаты в максимально сдвинутом состоянии, без учета кольца-треугольника, составила 265 мм, в боевом состоянии «на чеке», с учетом выступающего кольца-треугольника – 310 мм. Диаметр цилиндрической части максимальный – 85 мм. Остальные размеры указаны на рисунке 1 как средние для разных образцов.

Масса гранаты без взрывчатого вещества и с пустыми отсеками для поражающих элементов составила около 340 г, из них: масса верхней части – 120 г, масса нижней части без ручки – 100 г. Масса деревянной ручки с гвоздиками и кольцом-треугольником – 120 г. Масса канифоли с поражающими элементами в верхнем и нижнем отсеках составила примерно по 130 г в каждом. Исходя из свободного объема внутри гранаты Q, необходимых зазоров и наличия канала для капсуля, масса пироксилина, в ней размещаемого, могла быть около 250 г (масса стандартной саперной пироксилиновой шашки того времени). Таким образом, общая масса гранаты с поражающими элементами в снаряженном пироксилином виде могла быть около 850 г.

² Клеймо-молоток для клеймения железа на Лысьвенском металлургическом заводе // ГОСКАТАЛОГ.РФ: [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mj7a4m7wcr13985870#/collections?id=49062266> (дата обращения: 30.12.2025).

Вероятная технология производства изученной гранаты

Колпак А без плоского донца М–А изготавливался при помощи пайки деталей из луженой жести толщиной 0,5 мм, которые вырубались и выгибались на штампах.

Часть, соединяющая ручку С и поддон В, вырубалась из луженой жести толщиной 0,5 мм, а затем выгибалась на штампе.

Деревянная ручка С изготавливалась на токарном станке, затем в ней просверливалось отверстие. К ручке на 4 гвоздиках крепилась часть, соединяющая ручку С и поддон В.

Поддон В без плоского дна и части, соединяющей ручку С и поддон В, изготавливался при помощи пайки деталей из луженой жести толщиной 0,5 мм, которые вырубались и выгибались на штампах. К его нижней части припаивалась часть, соединяющая ручку С и поддон В.

Отдельно из луженой жести толщиной 0,5 мм изготавливались части для размещения поражающих элементов, а именно плоское донце М–А (пространство М) в верхней части и плоским донцем N–Q (пространство N) в нижней части, которые вырубались и выгибались на штампах. На каждом из них было по три плоские лапки для зацепления за колпак А и поддон В.

Части для размещения поражающих элементов заполнялись канифолью и металлическими поражающими элементами. Затем эти части устанавливались на колпак А и поддон В с фиксацией без пайки – путем загибания трех плоских лапок на каждом в направлении центра гранаты.

Колпак А и поддон В соединялись вместе и сдвигались в максимально возможно близкое положение.

Граната упаковывалась в некую тару для хранения.

Вероятный механизм использования изученной гранаты

Корпуса гранат на складах хранились отдельно от взрывчатого вещества и капсулей (как и другие изделия того времени, например, гранаты Орлова 1905 г., Воронова 1913 г., Стендера 1914 г. и других [2]). Корпуса хранились в сложенном виде без проволоки «чеки» или с ней отдельно в комплекте. Перед отправкой на фронт в пространство Q укладывалось взрывчатое вещество и капсуль в его центре, три плоские лапки О загибались внутрь гранаты (тем самым фиксируя взрывчатое вещество и исключая возможность его самопроизвольного сдвига в сторону жала L), плоский штырь F устанавливался между отверстиями JJ, через отверстия JJ продевалась проволока (в таком положении треугольного штыря F исключалась возможность срабатывания даже при сильном ударе по округлой части гранаты, например при перевозке). Перед боем проволока из отверстий JJ вынималась, граната переводилась в боевое положение, а извлеченная проволока-«чека» продевалась через три выступа с отверстиями H–I–H и связывалась: она не давала гранате сложиться и сработать в бою. Описанный нами экземпляр, возможно единственный, с проволокой, был найден в боевом ее положении. В верхнюю пару отверстий J вставлялась еще одна проволока или конец имеющейся, что не позволяло гранате развалиться при переноске. В варианте гранаты с латунной накладкой G, вторую проволоку заменял или дублировал загибающийся вниз козырек К. Перед применением в бою солдат выдергивал проволоку-«чеку» из отверстий H–I–H и метал гранату. За счет тяжелой

верхней части и легкой ручки граната ударялась полукруглой частью о землю или препятствие. При ударе колпак А и поддон В надвигались друг на друга, треугольный штырь F продвигался вперед, вследствие чего жало L давило на капсюль. Если же использовалась тонкая проволока-«чека», то она, возможно, вставлялась в выступы Н–Н между треугольным штырем F и выступом I, но не выдерживалась перед броском, а разрывалась при ударе треугольным штырем F. Происходила детонация капсюля, а затем основного взрывчатого вещества.

Следует отметить, что, снабдив изученную гранату стабилизатором в виде веревки, привязанной к кольцу-треугольнику D, ее, вероятно, можно было эффективно сбрасывать с самолета, поскольку ее детонация происходила бы в момент удара о землю, вне зависимости от времени полета гранаты.

Вероятное происхождение найденных экземпляров

Найденное количество гранат слишком большое для экспериментальной партии. Вероятно, была найдена серийная партия, по какой-то причине забракованная и оставленная изготовителем. Взрывчатого вещества и капсюлей ни в одной гранате не было, следовательно, полного снаряжения не производилось, лишь изготовление корпусов с поражающими элементами. По отдельности верхних и нижних частей найдено не было, все гранаты были в сборе. Плоские лапки O, предназначенные для закрепления взрывчатого вещества, не были отломаны ни у одной приемлемо сохранившейся гранаты, по всей видимости, по причине того, что они никогда не сгибались, поскольку гранаты никогда не снаряжались взрывчатым веществом. Остатков пустых ящиков найдено не было, гранаты лежали навалом в яме.

Результаты и их обсуждение

Морфологический и технический анализ изученной гранаты, полученной в результате случайных событий, продемонстрировал саму конструкцию, возможную технологию изготовления, механизм использования, и наиболее вероятные оценки происхождения. Автором предложена датировка изделия 1906–1914 годами. Установлено, что этот новый исторический источник можно считать ранее неизвестным звеном в цепи конструкций, характеризующих развитие инженерной мысли в области гранатостроения начала XX века.

Сравнительные аналогии

Изученная граната не описана ни в одной научной публикации по тематике русских гранат Первой мировой войны таких авторов, как В.В. Глазков, Е.Н. Кравченко, Б.В. Прибылов, А. Карпенко, С.Л. Федосеев и другие, в том числе в актуальных работах 2021 [3] и 2022 [2] годов. Нет ее и в Государственном каталоге музейного фонда РФ, однако она была 02.02.2021 показана в видеообзоре на Ютуб-канале* «Военная лавка»³.

³ Неизвестная русская граната Первой мировой войны. Эксклюзив. Отличное состояние! / Военная лавка // Видеохостинг YouTube*: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LuhXtv8EeLw> (дата обращения: 30.12.2025).

* Заблокирован Роскомнадзором в связи с наличием контента, нарушающего законы Российской Федерации и угрожающего её национальной безопасности.

Наиболее близкой из известных и широко описанных гранат начала XX века является граната Лишина, разработанная в 1904 году. Ее чертеж представлен на рисунке 2, на котором показаны: А – разрывной заряд, Б – железный шуруп, В – деревянная рукоять, Г – капсуль, Д – предохранительный колпак, Е – коленчатый вырез, Ж – лапки, И – круглые штифты, К – жало, Л – разрываемая перемычка, М – чехол, Н – наперсток, О – цинковая цилиндрическая оболочка, П – крышка, Р – свинцовое кольцо, С – колпачок, Т – окошко. Общая длина гранаты Лишина составляла 600 мм, длина боевой металлической части 125 мм, масса в неснаряженном / снаряженном состоянии около 500 / 600 г [7].

Выделим основной признак гранаты Лишина, присущий ее типу «ударных гранат», – ударный механизм срабатывания за счет накалывания жалом, размещенным в центре колпака гранаты, капсуля, размещенного в центре поддона гранаты [7; 8, с. 10]. Такой же механизм имеют гранаты конструкции Зеленского 1904 г. [2, с. 165–171; 3], Заславского 1914 г. [2, с. 85–87] и Прокопова [2, с. 87–90] 1914 г.

Выделим основные отличительные признаки гранаты конструкции Лишина:

1. Сдвиг жала за счет сдвига друг на друга двух цилиндров, образующих боковую стенку гранаты (данный признак присущ также ослепительной системе 1905 г. Мебрага и Лишина [2, с. 43–44] и серии британских гранат 1908 г. Handgren Hale No. 1 Mk. I–IV [9, с. 6–8]):

2. Механизм предохранения от непреднамеренного сдвига друг на друга двух цилиндров за счет коленчатого выреза (данный признак присущ только ослепительной системе 1905 г. Мебрага и Лишина) [2, с. 43–44].

Оба указанных выше признака присущи и изученной гранате, особенно важно наличие в ее конструкции коленчатого выреза характерной формы.

Важно отметить, что в гранате Лишина образца 1904 г. использовалась стандартная буровая пироксилиновая шашка (круглая, диаметр 30 мм, высота 70 мм, с заводским центральным каналом, диаметром 8,4 мм и глубиной 30 мм) [2, с. 27].

Выделим основной недостаток гранаты Лишина, который был выявлен и обсуждался в период ее применения – высокий процент отказов срабатывания. Отказы были вызваны отсутствием сдвига верхнего цилиндра относительно нижнего, что происходило либо по причине падения гранаты без должного удара по небольшой сферической части [2, с. 40], либо, по мнению автора, из-за загрязнения зазора между цилиндрами, либо по обоим причинам одновременно.

Этот недостаток был исправлен в конструкции изученной гранаты следующим образом:

1. Баланс гранаты был значительно улучшен: ручка С стала более короткая и легкая, а боевая часть (колпак А и поддон В) стала более объемная и тяжелая.

2. Колпак А с коленчатым вырезом Е получил накладку Г, которая придавала жесткость колпаку А: при наклоне верхнего цилиндра относительно нижнего исключалось увеличение щели между ними, с последующим попаданием туда песка или грязи.

3. Появились отверстия рядом с коленчатым вырезом Н–И–Н и J (в альтернативном варианте козырек К) для защитной проволоки, служащей «чекой».

4. Коленчатый вырез Е остался лишь с одной стороны цилиндра, что облегчило срабатывание гранаты при ударе.

5. Площадь полусферической верхней части была значительно увеличена, что привело к увеличению допустимого для срабатывания угла падения гранаты относительно земли или препятствия.

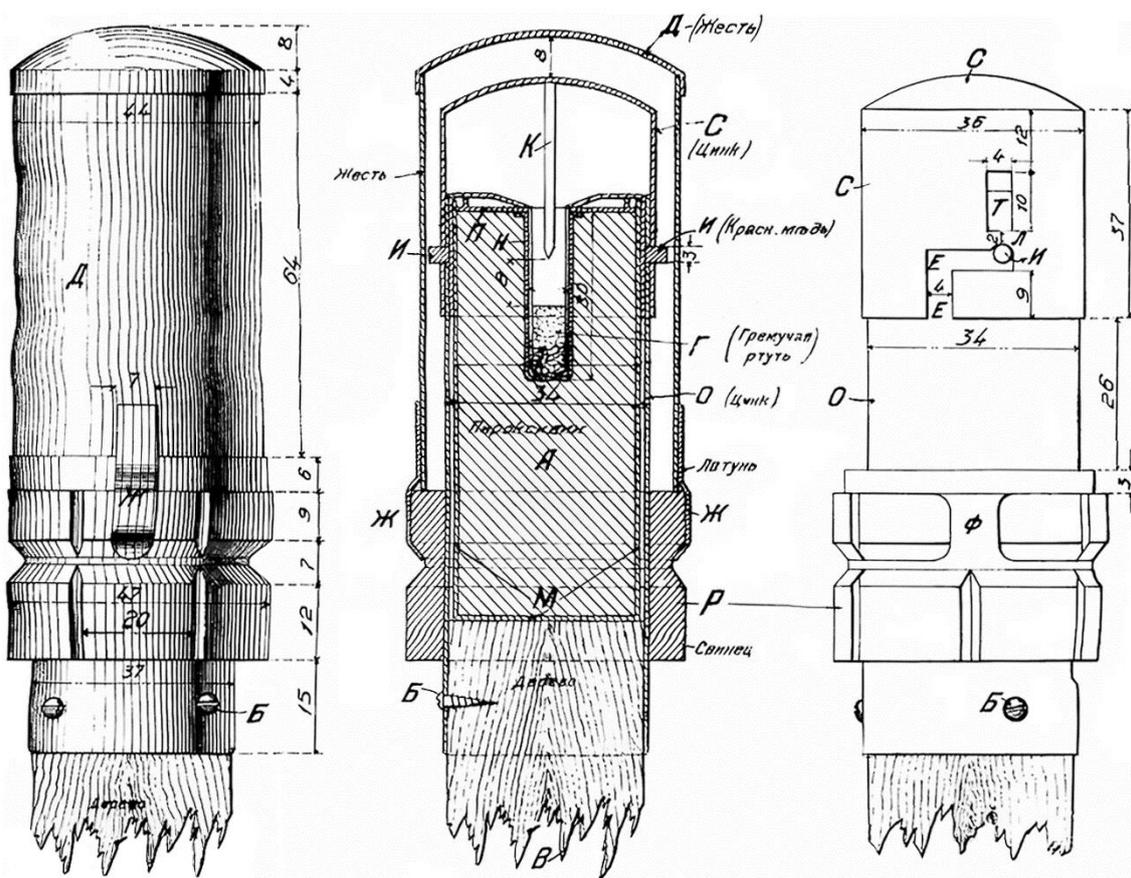

Рис. 2. Граната Лишина образца 1904 г. (исторический чертеж), по: [7]
 Fig. 2. Lishin's grenades, model 1904 (historical drawing), to: [7].

Второй, менее значимый, недостаток гранаты Лишина заключался в том, что она отскакивала от легко возводимой противником проволочной защитной сетки [10, с. 24]. По мнению автора, это происходило из-за длинной деревянной рукояти В. Этот недостаток был исправлен в конструкции изученной гранаты значительным укорачиванием деревянной ручки С.

Изученная граната была значительно упрощена и удешевлена, а также могла производиться значительно менее квалифицированным персоналом. Поражающая сила гранаты была увеличена за счет перехода от стандартной буровой пироксилиновой шашки (масса около 60 г) к стандартной саперной пироксилиновой шашке (масса около 250 г).

Следует отметить еще несколько интересных фактов:

1. В изученной гранате отсутствует предохранительный колпак, присущий гранате Лишина [7], однако, на раннем эскизе гранаты Лишина, [2, с. 34; 11] – его нет.

2. Способ крепления в гранате Лишина 1904 г. цинкового чехла с взрывчатым веществом в партии 1904 г. осуществлялся пайкой, а в партии 1905 г. – уже за счет выступающих отгибающихся лапок, как и в конструкции изучаемой гранаты [2, с. 38].

3. Известна граната Лишина 1904 г., модифицированная под стандартную кавалерийскую пироксилиновую шашку, вследствие чего данная граната имела больший диаметр и длину, чем граната обычной конструкции. Кавалерийская пироксилиновая шашка, как и саперная, имела шестигранную форму, но промежуточные размеры между буровой и саперной пироксилиновыми шашками [2, с. 27]. Данная граната представлена в иностранной коллекции, часто обсуждаемой на иностранных тематических форумах⁴. Данная модификация гранат Лишина 1904 г. изготавливалась в марте 1905 г. во 2-ом Восточно-Сибирском саперном батальоне под руководством поручика Г. А. Рунича [2, с. 35–36].

4. На одном из тематических форумов в 2019 г. пользователем Маклок было проведено исследование известных образцов гранаты Лишина образца 1904 года⁵. Было выделено два типа конструкций, с несколькими подтипами. Гранаты более раннего первого типа имели цинковый корпус и стандартную ручку. Гранаты более позднего второго типа имели корпус из луженой жести и облегченную ручку. Подтипы каждой конструкции гранаты отличались количеством линий рубцов на свинцовом кольце Р.

Датировка и классификация

Штабс-капитан Восточно-Сибирской минной роты Николай Степанович Лишин трагически погиб 25.09.1907 в возрасте 33 лет от рук революционно настроенных солдат своей же роты [11, с. 64–67]. В связи с этим, возможно, личного преобладающего участия в разработке изученной гранаты он не принимал, однако она полностью основана на его идеях, заложенных в конструкцию гранаты первого образца 1904 г. Изученная граната является улучшенной версией гранаты Лишина под саперную пироксилиновую шашку или ее вторым образцом, по аналогии с классификацией гранат Стендера первого и второго образца [5, с. 33–35].

Нижней границей датировки изученной гранаты, вероятно, следует считать 1906 год, поскольку:

1. Закончилась Русско-японская война, в ходе которой стала очевидна нехватка имеющихся ручных гранат, необходимость разработки их новых конструкций, важность их удешевления и упрощения для массового производства [3].

2. В Русско-японскую войну, и в первую очередь при обороне Порт-Артура в конце 1904 г., были апробированы имеющиеся в армии гранаты Лишина и Зеленского, выявлены их недостатки [3; 10, с. 24; 12, с. 231].

3. Граната Лишина образца 1904 г., выпускаемая в 1905 г., имела уже больше признаков, присущих изученной гранате, чем выпускаемая в 1904 г.

Верхней границей датировки изученной гранаты, вероятно, следует считать 1914 г., поскольку:

⁴Russian Hexagonal Grenade // Treasure Bunker Forum: [сайт]. URL: <https://www.treasurebunker.com/forums/index.php?/topic/3828-russian-hexagonal-grenade> (дата обращения: 30.12.2025).

⁵Ручные гранаты системы штабс-капитана Лишина // Аукцион и форум WW2: [сайт]. URL: <https://forum.ww2.ru/index.php?showtopic=4801411> (дата обращения: 30.12.2025).

1. Осенью 1914 г. был заказ на 300 000 гранат под накопленные на складах ГВТУ стандартные саперные пироксилиновые шашки [2, с. 72–75; 13, с. 491–492]. Ввиду того, что, по всей видимости, при реализации этого заказа было израсходовано большинство из накопленных стандартных саперных пироксилиновых шашек, то разработка гранат под них перестала быть актуальной.

2. Разрабатываемые после 1914 г. гранаты (например, ручные гранаты Рдултовского образцов 1912 и 1914 гг., граната Стендера образца 1915 г.), в основном, уже не имели конструкции, предназначенной для применения в них стандартных пироксилиновых шашек [2].

Имеющиеся на момент начала войны в армии запасы гранат Лишина образца 1904 г. были, в основном, израсходованы в ее первые месяцы, хотя описания гранаты встречаются в руководствах и позже [3]. Например, в одном из описаний гранаты Лишина, датированном 1917 г., указывалось, что для улучшения ее баланса и уменьшения количества отказов следует подпилить ее ручку [2, с. 39; 11]. Известно, что 07.07.1915 г. генерал-майор Э.С. Соллогуб писал, что гранаты Лишина дают большой процент отказов, и сообщал о том, что им были сделаны значительные (но неизвестные) усовершенствования в гранатах Лишина, и предлагал остальные имеющиеся гранаты переделать по усовершенствованной системе [5, с. 19]. Из этого следует, что в 1913–1915 годы шли работы по доработке конструкции гранаты Лишина. Однако в данном случае речь идет все-таки о переделках имеющихся гранат, а не о производстве гранат измененной конструкции.

Хотя в заказе 1914 г. на 300 000 гранат для производства была выбрана конструкция Стендера образца 1914 г. (первого образца) [2, с. 72], автор находит очень вероятным, что изученная граната могла участвовать в испытаниях и конкурсе на этот заказ, следовательно, была разработана незадолго до этого конкурса, возможно в 1912–1914 годах.

Следует отметить значительное сходство конструкции исследованной гранаты и конструкции гранаты В. Ф. Стендера образца 1914 г., подробно описанной в [2, с. 72–77]. Обе гранаты изготавливались из тонкой луженой жести с применением пайки оловом, проектировались под стандартную саперную пироксилиновую шашку, собирались на выступающих плоских лапках, имели короткую и легкую деревянную ручку, обладали простой и дешевой конструкцией. Различались они, главным образом, принципом срабатывания: обсуждаемая граната – ударная, а граната Стендера – запально-терочная. Напротив, легко обнаружить, что значимого сходства между конструкциями гранаты Стендера образца 1914 г. и гранаты Лишина образца 1904 г. – нет. Таким образом, изученную гранату можно считать ранее неизвестным звеном в цепи конструкций, характеризующих развитие инженерной мысли от конструкции гранаты Лишина образца 1904 г. к конструкции гранаты Стендера образца 1914 г.

Ввиду отсутствия упоминания изученной гранаты в литературных источниках о боевых действиях начала XX века, в том числе периода Первой мировой войны, по всей видимости, в боях она не участвовала в сколько-нибудь значительной степени. Скорее всего, она не была полноценно принята на вооружение. К 1915 г. появились гранаты с более эффективным способом срабатывания, в отличие от примененного в ней ударного принципа, морально устаревшего к началу Первой мировой войны.

Сравнение с результатами других авторов

В известных научных литературных источниках изученная граната не описана ни с технической, ни с исторической точек зрения, поэтому прямое сравнение результатов, полученных автором, с результатами других исследователей невозможно. Сравнение же результатов настоящего исследования с немногочисленной информацией из видеообзора на Ютуб-канале* «Военная лавка»⁶ дает их полное соответствие, поскольку автор данного видеообзора ограничился лишь техническим описанием исследованной гранаты и местом ее находки.

Отличительной чертой настоящего исследования, в сравнении с результатами других авторов, в общем по тематике гранатостроения России, является предоставление читателю подробного описания и чертежа изученной гранаты. В настоящее время в России развивается мелкосерийное изготовление безопасных реплик старинных гранат⁷, что способствует приобщению большего числа людей к военно-технической истории России и развитию патриотизма. В тоже время автор не нашел в открытых источниках ни одного современного чертежа русских гранат начала XX века (достаточно подробного для изготовления реплик), исторических чертежей которых не сохранилось, несмотря на то, что образцы этих гранат имеются в государственных музеях и частных коллекциях.

Заключение

В результате проведенного следования установлено, что найденный образец представляет собой русскую ручную гранату, ударного типа, мелкой серии, датируемую 1906–1914 годами.

В результате проведенной сравнительной аналогии между конструкциями изученной гранаты и гранаты Лишина образца 1904 года предлагается вывод, что изученная граната может быть названа «Ручная граната Лишина второго образца», по аналогии с гранатами конструкции В.Ф. Стендера первого и второго образца.

Изученную гранату можно считать ранее неизвестным звеном в цепи конструкций ручных гранат, образующих единый типологический ряд и характеризующих развитие русской военно-инженерной мысли от конструкции гранаты Н.С. Лишина 1904 года к конструкции гранаты В.Ф. Стендера 1914 года.

Результаты настоящей работы позволят последующим исследователям правильно идентифицировать найденные в архивах сведения о проектировании, выпуске, испытаниях и использовании изученной гранаты, а широкому кругу читателей – ознакомиться с непривычной конструкцией архаичной ручной гранаты.

Экземпляр исследованной гранаты, фото которого представлены в настоящей статье, совместно с другими изученными элементами, будет безвозмездно передан автором в музей Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, где все заинтересованные лица смогут с ним ознакомиться.

⁶ Неизвестная русская граната Первой мировой войны. Эксклюзив. Отличное состояние! / Военная лавка // Видеохостинг YouTube*: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LuhXtv8EeLw> (дата обращения: 30.12.2025).

⁷ Ручная граната Рдултовского образца 1914 года (копия из пластика) // МилРек: [сайт]. URL: <https://milrec.ru/goods/Ruchnaya-granata-Rdulovskogo-obrazca-1914-goda-kopiya-iz-plastika> (дата обращения: 30.12.2025).

* Заблокирован Роскомнадзором в связи с наличием контента, нарушающего законы Российской Федерации и угрожающего её национальной безопасности.

Благодарности: автор выражает свою признательность д.э.н. В. В. Глухову, к.и.н. В. Ю. Климову и к.х.н. В. Н. Чечевичкину (г. Санкт-Петербург, ФГАОУ ВО СПбПУ) за конструктивную профессиональную дискуссию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардашев А.Н. Зажигательное и огнемётное оружие. М.: Яуза Эксмо, 2009. 704 с.
2. Кравченко Е.Н., Прибылов Б.В. История развития ручных и ружейных гранат в России. Санкт-Петербург: Атлант, 2022. 236 с.
3. Федосеев С.Л. Работы над ручными гранатами в России накануне Первой мировой войны // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Тула: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия», 2021. С. 516–526. https://doi.org/10.51942/9785990636392_516. EDN: WKQQA.
4. Карпенко А.Н. Отечественные ручные гранаты. М.: Цейхгауз, 2006. 87 с.
5. Глазков В.В. Оружие Великой войны. Гранаты, химическое оружие и огнемёты Российской армии. М.: Русские витязи, 2018. 208 с.
6. Metallurgical factories of the Urals XVII–XX vv. Encyclopedia. Ekaterinburg: Akademkniga, 2001. 536 с. EDN: VSREVX.
7. Описание ручной гранаты системы капитана Лишина. Санкт-Петербург: Артиллерийский журнал, 1913. 15 с.
8. Дмитриев Н.И. Ручная граната. Материальная часть и тактика. Конспект лекций юнкерам Тифлисского военного училища. Тифлис: канцелярия заместителя Е.И.В. на Кавказе, 1917. 34 с.
9. Lynn, D.W. The Grenade Recognition Manual. Volum 2. Victoria British Columbia: Hillside Printing, 2001. 188 p.
10. Виниченко М.В. Оборона Порт-Артура. Подземное противоборство. М.: Экспринт, 2006. 40 с. EDN: UEMADP.
11. Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом / Сост. В. М. Ерчак. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1136 с.
12. Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1954. 140 с.
13. Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Сборник документов М.: Новый хронограф, 2004. 832 с.

REFERENCES

1. Ardashev, A.N. Zazhigatelnoye i ognemetnoye oruzhiye [Incendiary and Flamethrower Weapons]. Moscow: Yauza Eksmo, 2009. 701 p. (In Russian).
2. Kravchenko, E.N., Pribylov, B.V. Istoriya razvitiya ruchnykh i ruzheynykh granat v Rossii [History of the Development of Hand and Rifle Grenades in Russia]. Saint Petersburg: Atlant, 2022. 232 p. (In Russian).
3. Fedoseev, S.L. Work on Hand Grenades in Russia in the Years Leading up to World War I. *The World of Weapons: History, Heroes, and Collections*. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. Tula: Tula State Arms Museum, 2021. P. 516–526. (In Russian). https://doi.org/10.51942/9785990636392_516. EDN: WKQQA.
4. Karpenko, A.N. Otechestvennyye ruchnyye granaty [Domestic Hand Grenades]. Moscow: Tseykhgauz, 2006. 88 p. (In Russian).
5. Glazkov, V.V. Oruzhiye Velikoy voyny. Granaty, khimicheskoye oruzhiye i ognemety Rossiyskoy armii [Weapons of the Great War. Grenades, Chemical Weapons, and Flamethrowers of the Russian Army]. Moscow: Russian Knights, 2018. 207 p. (In Russian).
6. Metallurgical Factories of the Urals. XVII–XX Centuries. Encyclopedia. Ekaterinburg: Akademkniga Publishers, 2001. 536 p. (In Russian). EDN: VSREVX.
7. Opisaniye ruchnoy granaty sistemy kapitana Lishina [Description of the Hand Grenade System by Captain Lishin]. Saint Petersburg: Artillery Journal, 1913. 15 p. (In Russian).

8. Dmitriev, N.I. Ruchnaya granata. Materialnaya chast i taktika [Hand Grenade. Material Part and Tactics]. *Konspekt lektsiy yunkeram Tiflisskogo voyennogo uchilishcha [Lecture Notes for Cadets of the Tiflis Military School]*. Tiflis: Office of the Viceroy of H.I.M. in the Caucasus, 1917. 34 p. (In Russian).
9. Lynn, D.W. The Grenade Recognition Manual. Volum 2. Victoria British Columbia: Hillside Printing, 2001. 188 p.
10. Vinichenko, M.V. Oborona Port-Artura. Podzemnoye protivoborstvo [The Defense of Port Arthur. Underground Confrontation]. Moscow: Exprint, 2006. 40 p. (In Russian). EDN: **UEMADP**.
11. Kniga Russkoy Skorbi. Pamyatnik russkim patriotam, pogibshim v borbe s vnutrennim vragom [The Book of Russian Sorrow. A Monument to Russian Patriots Who Died in the Fight Against the Internal Enemy]. Compiled by V. M. Erchak. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2013. 1136 p. (In Russian).
12. Sorokin, A.I. Oborona Port-Artura. Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. [The Defense of Port Arthur. Russo-Japanese War of 1904–1905]. Moscow: Military Publishing House, 1954. 140 p. (In Russian).
13. Voyennaya promyshlennost Rossii v nachale XX veka (1900–1917) [The Military Industry of Russia in the Early 20th Century (1900–1917)]. Collection of Documents. Moscow: New Chronograph, 2004. 832 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Чечевичкин Алексей Викторович – кандидат технических наук, инженер-исследователь, Инженерно-строительный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: chechevichkin_av@spbstu.ru

ORCID: 0009-0002-2340-8693

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Chechevichkin Aleksei V. – Candidate of Technical Sciences, Research Engineer, Engineering and Construction Institute; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: chechevichkin_av@spbstu.ru

ORCID: 0009-0002-2340-8693

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.02.2026.
Одобрена после рецензирования 11.02.2026.
Принята 11.02.2026.

Received 08.02.2026.
Approved after reviewing 11.02.2026.
Accepted 11.02.2026.

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. КОНФЕРЕНЦИИ REVIEWS. CONFERENCES

материалы конференции / conference materials

УДК: 327

EDN: [AQPCUF](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.1.12](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Актуальные проблемы политической географии: новые тенденции и перспективы исследований (материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2025 г.)

Болгов Радомир Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
[✉ rbolgov@yandex.ru](mailto:rbolgov@yandex.ru)

Браславский Руслан Геннадьевич

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
r.braslavsky@socinst.ru

Козловский Владимир Вячеславович

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
v.kozlovskiy@socinst.ru

Погодин Сергей Николаевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
pogodin_sn@spbstu.ru

Цыб Алексей Васильевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
tsyb_av@spbstu.ru

Аннотация. В обзорной статье по итогам VII-й международной конференции «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2025) (Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2025 г.) раскрываются основные направления работы конференции. На данном мероприятии обсуждались основные проблемы современной политической географии, социологии и международных отношений. TIPG-2025 стала платформой для обсуждения и сотрудничества ученых и экспертов в области политической географии, геополитики, урбанистики, демографии, социологии и социальной антропологии, миграционной политики, природных

ресурсов, международных организаций, региональной интеграции и других смежных областей исследований. Конференция открылась пленарным заседанием, в ходе которого выступили три докладчика, являющиеся постоянными участниками конференции. Программная часть TIPG 2025 была организована вокруг следующих тематических секций: «Идеологии регионализма и глобализации в историческом контексте. Философия политики», «Глобальный Юг и мировое большинство», «Международные отношения на постсоветском пространстве», «Цифровая политическая география», «География культуры, образования и туризма», «Миграция и социально-демографические процессы» и «Исследования Арктики и Антарктики». В конференции приняло участие 139 авторов из университетов и научных организаций Индии, Китая, Казахстана, Монголии, России, Турции и Южной Кореи. Уникальность данного мероприятия заключается в том, что оно обеспечило разнообразие и независимость оценок, способствуя пониманию таких тенденций, как многополярность и многосторонность, региональная интеграция и возрастающая роль суверенных государств, а также цифровизация международных отношений.

Ключевые слова: политическая география; геополитика; БРИКС; Глобальный Юг; миграционная политика; международные отношения; культурная политика

Для цитирования: Болгов Р.В., Браславский Р.Г., Козловский В.В., Погодин С.Н., Цыб А.В. Актуальные проблемы политической географии: новые тенденции и перспективы исследований (материалы конференции, г. Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2025 г.) // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 1. С. 203–212. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.12>. EDN: AQPCUF.

© Болгов Р.В., Браславский Р.Г., Козловский В.В., Погодин С.Н., Цыб А.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Topical Issues in Political Geography: New Trends and Research Prospects (Conference, St. Petersburg, December 19–20, 2025)

Radomir V. Bolgov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
rbolgov@yandex.ru

Ruslan G. Braslavsky

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
r.braslavsky@socinst.ru

Vladimir V. Kozlovskiy

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
v.kozlovskiy@socinst.ru

Sergey N. Pogodin

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
pogodin_sn@spbstu.ru

Alexey V. Tsyb

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tsyb_av@spbstu.ru

Abstract. This review article, summarizing the results of the 7th International Conference “Topical Issues of International Political Geography” (TIPG-2025) (St. Petersburg, December 19–20, 2025), reveals the main topics of conference. This event discussed the main problems of contemporary political geography, sociology, and international relations. TIPG-2025 became a platform for discussion and collaboration between scholars and experts in the fields of political

geography, geopolitics, urban studies, demography, sociology and social anthropology, migration policy, natural resources, international organizations, regional integration, and other related fields of research. The conference opened with a plenary session, during which three keynote speakers, who are regular participants of the conference, have delivered their addresses. The program of TIPG 2025 was organized around the following thematic sections: “Ideologies of Regionalism and Globalization in Historical Context. Philosophy of Politics”, “Global South and the World Majority”, “International Relations in the Post-Soviet Space”, “Digital Political Geography”, “Geography of Culture, Education and Tourism”, “Migration and Socio-Demographic Processes”, and “Polar Studies”. The conference concluded with a plenary session, at which participants discussed future directions for the conference and other organizational issues”. The conference brought together 139 authors from universities and research organizations in India, China, Kazakhstan, Mongolia, Russia, Turkey, and South Korea. The uniqueness of this event lies in its diversity and independence of assessments, facilitating understanding of trends such as multipolarity and multilateralism, regional integration and the growing role of sovereign states, as well as the digitalization of international relations.

Keywords: political geography; geopolitics; BRICS; Global South; migration policy; international relations; cultural policy

For Citation: Bolgov, R.V., Braslavsky, R.G., Kozlovskiy, V.V., Pogodin, S.N., Tsyb, A.V. Topical Issues in Political Geography: New Trends and Research Prospects (Conference, St. Petersburg, December 19–20, 2025). *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 1. P. 203–212. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.1.12>. EDN: AQPCUF.

© Bolgov, R.V., Braslavsky, R.G., Kozlovskiy, V.V., Pogodin, S.N., Tsyb, A.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

19–20 декабря 2025 г. в г. Санкт-Петербурге прошла VII международная конференция «Topical Issues of International Political Geography» (TIPG-2025, <https://tipg.spbstu.ru>). Конференция была организована Высшей школой международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, сотрудниками факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Социологическим институтом – Санкт-Петербургским филиалом Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Предметом обсуждения стали проблемы современной политической географии, социологии и международных отношений. TIPG-2025 предоставила платформу для обсуждения и сотрудничества ученых и экспертов в области политической географии, гуманитарной географии, геополитики, глобалистики, миграционной и демографической политики, природных ресурсов, международных организаций, региональной интеграции и других смежных областей исследований.

В конференции приняло участие рекордное количество авторов (139) из университетов и научных организаций Индии, Китая, Казахстана, Монголии, России, Турции и Южной Кореи. Программный комитет, состоящий из представителей 14 стран, провел тщательный экспертный отбор представленных работ. Дискуссия в рамках конференции помогла выявить новые направления для исследований, вошедшие в программу TIPG 2025. Сессии «Цифровая политическая география», «Глобальный Юг и мировое большинство», «Международные отношения на постсоветском пространстве» и «Исследования Арктики и Антарктики» являются новыми по сравнению с TIPG 2024 года.

Конференцию предварял симпозиум молодых ученых, в ходе которого магистранты и аспиранты представили свои исследования в области международных отношений.

Конференция открылась пленарным заседанием. С приветственным словом выступила директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор З.З. Бахтуридзе. В ходе пленарного заседания выступили три докладчика, являющиеся постоянными участниками конференции [1–12].

Профессор Н.А. Васильева (Санкт-Петербургский государственный университет) выступила с докладом «Феномен БРИКС на рубеже эпох» (“The BRICS phenomenon at the turn of the era”). Она отметила, что сейчас происходит формирование новой архитектуры многополярного мира, бросающей вызов однополярному миропорядку. Страны БРИКС+ (включая новых членов после расширения) превзошли G7 по паритету покупательной способности, производя около трети мирового ВВП и продвигая деолларизацию через создание собственных платежных систем и альтернативные финансовые институты (в частности, Новый банк развития), что говорит о смене центров экономического влияния. При этом БРИКС постепенно превращается из чисто экономического клуба в мощный геополитический субъект. Данное объединение позиционирует себя как сила, предлагающая модель сотрудничества, основанную на принципах сетевого взаимодействия и ориентированную на интересы стран Глобального Юга. Страны БРИКС+ охватывают около половины населения мира и обладают колоссальными природными ресурсами. В докладе были отмечены тенденции, связанные с институционализацией данного объединения, такие как работа Нового банка развития и сетевое взаимодействие в сферах безопасности, космоса и искусственного интеллекта. В то же время БРИКС сталкивается с необходимостью сохранения внутреннего единства и преодоления разногласий между участниками.

Профессор Н.А. Баранов (Северо-Западный институт управления РАНХиГС) выступил с докладом «Искусственный интеллект в системе международных отношений: трансформация акторности и вызовы» (“Artificial intelligence in the system of international relations: transformation of actorhood and challenges”). В своем докладе профессор Баранов представил оптимистический взгляд на акторность искусственного интеллекта (ИИ) в системе международных отношений: ИИ либо уже приобрел этот статус, либо приобретет его в ближайшем будущем. ИИ влияет на формирование международных отношений как напрямую, посредством решений правительств с транснациональными последствиями, так и косвенно, прогнозируя риски со стороны государственных и негосударственных субъектов, а также устанавливая правила ИТ-компаний на коммуникационных платформах. В докладе был представлен обзор современных критериев субъектности в международных отношениях, проанализировано влияние ИИ на современные теории международных отношений, рассмотрены проблемы безопасности при интеграции ИИ в военную и дипломатическую сферы, а также формы глобального сотрудничества в регулировании ИИ. По мнению докладчика, наиболее актуальные проблемы связаны с внедрением ИИ в военную сферу, в частности, с разработкой летальных автономных систем вооружения, а также с рисками дезинформации, такими как распространение фейковых новостей о государствах и событиях, дипфейки, дискредитирующие

политиков, и подделка исторических документов. Было отмечено, что различия в подходах ведущих держав к регулированию ИИ препятствуют достижению консенсуса, подчеркивая острую необходимость более интенсивного международного диалога. Наиболее перспективными в этом отношении Н.А. Баранов считает инициативы под эгидой Организации Объединенных Наций. В заключении был сделан вывод, что в интересах человечества конструктивно использовать потенциал ИИ, но не делегируя ему критически важные сферы деятельности.

Профессор М.В. Масловский (Социологический институт – Санкт-Петербургский филиал ФНИСЦ РАН) представил доклад «Концепция альтернативной глобализации и интерпретации подъема Китая» (“The Concept of Alternative Globalization and Interpretations of the Rise of China”). Докладчик отметил, что концепция альтернативной глобализации первоначально разрабатывалась в исторической социологии коммунистических обществ. Советская модель описывалась как альтернативный способ глобализации, конкурировавший с либеральной западной моделью, но в конечном итоге потерпевший неудачу. Сегодняшний Китай представляет собой, предположительно, более успешный альтернативный способ глобализации. Было показано, что социальные преобразования в Китае представляют собой сочетание разрывов с традициями, лежащих в их основе преемственности, и возрождения определенного наследия. Экономический и геополитический подъем Китая был обусловлен его цивилизационным и имперским наследием. В докладе было отмечено, что использование концепции множественности форм модерна (*multiple modernities*) в социологии позволяет нам обсуждать китайский случай с должным вниманием к его историческим источникам и современным интерпретациям предыдущего опыта Китая.

Научная часть TIPG 2025 была организована вокруг следующих тематических сессий:

1. *Идеологии регионализма и глобализации в историческом контексте. Философия политики.* Доклады в рамках сессии были посвящены пространственным аспектам двух параллельных процессов – глобализации и регионализма. Авторы обсуждали влияние глобализации на национальное государство, идеологию, идентичность и символику наций и сообществ. Авторы рассматривали такие явления и процессы, как национальный суверенитет, историческая память и др. Контекст сессии был основан на историческом каркасе географических проблем с использованием историко-географического подхода к изучению политики.

2. *Глобальный Юг и мировое большинство.* Дискуссия в ходе сессии охватила такие вопросы международных отношений, как многополярность, сотрудничество в транспортной сфере, энергетическом секторе, международная торговля и т.д. Международные организации и неформальные объединения представлены как контекст политико-географических процессов (например, БРИКС+ и Евразийский экономический союз как площадки для сотрудничества стран). В докладах обсуждались вопросы международной безопасности, связанные с распределением силы в зависимости от географического положения.

3. *Международные отношения на постсоветском пространстве.* В ходе сессии дискуссия переходила от кейсов на национальном уровне к кейсам на транснациональном уровне. Доклады охватывали такие темы, как интеграция в области образования, спорта, сотрудничество в энергетическом секторе, таможенном деле, в

сфере транспорта и т.д. В ходе сессии обсуждался ряд национальных и международных кейсов в сравнительной перспективе (например, ЕС, Китай, постсоветские государства). Актуальным фоном докладов стал тренд, связанный с цифровизацией.

4. *География культуры, образования и туризма.* Доклады в рамках данной секции представляли культуру как фактор географии. Особое внимание в докладах было уделено географическому фактору образования и туризму. Кроме того, как и в ходе предыдущих конференций, активно обсуждались инструменты культурной политики. Каков потенциал корейской модели развития в Африке? Каковы доминанты экологической культуры в контексте стратегии устойчивого развития? Сессия была призвана ответить на эти и другие вопросы. Также доклады были посвящены национальным кейсам (например, России и Китаю), а также международным организациям (СЕЛАК).

5. *Миграция и социально-демографические процессы.* Доклады сессии были сосредоточены на национальных, региональных и локальных примерах европейских стран, Турции и России. В докладах обсуждались такие аспекты миграции, как здравоохранение, правосудие, безопасность. В ходе сессии были сделаны выводы о взаимосвязи проблем миграции с проблемами мультикультурализма.

6. *Цифровая политическая география.* В докладах были представлены исследования цифрового измерения деятельности международных организаций и государств, а также связанные с «цифрой» вопросы безопасности и этики. Авторы проанализировали кейсы международных организаций и объединений (Европейский Союз, ЕАЭС, БРИКС и др.), а также национальные кейсы (например, стран Глобального Юга, США, Китая и России).

7. *Исследования Арктики и Антарктики.* В докладах были представлены исследования деятельности международных организаций и стран в области безопасности и устойчивого развития на обоих полюсах Земли, а также теоретические вопросы (например, концепции «синей экономики», корпоративной социальной ответственности и др.) Авторы проанализировали кейсы международных объединений и инициатив (ICE), а также национальные кейсы (например, Китая и России).

Конференция завершилась Пленарной сессией, на которой участники обсудили направления дальнейшего развития конференции и другие организационные вопросы. Организаторы конференции хотели бы поблагодарить тех, кто сделал возможным это мероприятие. Особенно выражаем нашу благодарность членам Программного комитета за их вклад в подготовку мероприятия. Мы благодарим участников за представленные доклады и председателей тематических сессий за ведение плодотворных дискуссий.

Материалы конференции публикуются в издательстве Springer [13–18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baranov, N. Election Innovations: Foreign Experience in Russian Electoral Politics // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. P. 519–532. https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8_37.
2. Baranov, N. Social Development Trends in the Context of a Turbulent World // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev,

- Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 125–134. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_10.
3. Baranov, N. Electoral Processes in Modern Europe: The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Electoral Institution // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. TIPG 2021 / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2023. P. 268–282. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_24.
 4. Bakhturidze, Z., Vasilyeva, N., Ionina, E., Li, J. Spain's Evolving Identity: Regional, National, and European Dimensions // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. P. 443–459. https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8_32.
 5. Bahturidze, Z., Vasilieva, N., Kolomoitseva, A. Particularities of the Migration Policy of the Federal Republic of Germany on Migrants' Social Adaptation // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, T. Duile, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 477–491. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70886-2_40.
 6. Bahturidze, Z., Vasilyeva, N., Shahoud, Z., Pogodin, S. Inclusion as a Driver for the Implementation of SDG-30 by the BRICS Countries // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 135–147. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_11.
 7. Vasilieva, N., Bahturidze, Z., Pogodin, S., Bogdanova, N. Biopolitics in the Era of Coronavirus and Artificial Intelligence // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. TIPG 2021 / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2023. P. 132–144. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_12.
 8. Vasilieva, N., Bakhturidze, Z., Ivannikov, N., Tsyb, A. The “Non-west” Methodological Concept for Building a System of International Relations in the Eurasian Space // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 3–10. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8_1.
 9. Bahturidze, Z., Vasilieva, N., Shahoud, Z. Asianization as a Main Trend in World Politics // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 11–21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8_2.
 10. Bahturidze, Z., Vasilieva, N. Dichotomy of Globalization and Deglobalization Processes in the Modern World // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 65–76. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_6.
 11. Maslovskiy, M., Maslovskaya, E. Transformation of Legal Institutions in Postcommunist Southeastern Europe: Historical Legacies and the Results of EU Policies // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. P. 431–442. https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8_31.
 12. Maslovskiy, M., Maslovskaya, E. Western Historical Sociology, International Relations and the Studies of Russian Civilizational Politics // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 159–169. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_13.
 13. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. XVI, 786 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8>.
 14. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, T. Duile, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. XV, 602 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-70886-2>.
 15. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. XIV, 577 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5>.

16. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2021) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2023. XII, 460 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7>.
17. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2020) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. XII, 476 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8>.
18. Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2019) / Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. XIV, 410 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0>.

REFERENCES

1. Baranov, N. Election Innovations: Foreign Experience in Russian Electoral Politics. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. P. 519–532. https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8_37.
2. Baranov, N. Social Development Trends in the Context of a Turbulent World. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 125–134. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_10.
3. Baranov, N. Electoral Processes in Modern Europe: The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Electoral Institution. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. TIPG 2021*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2023. P. 268–282. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_24.
4. Bakhturidze, Z., Vasilyeva, N., Ionina, E., Li, J. Spain's Evolving Identity: Regional, National, and European Dimensions. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. P. 443–459. https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8_32.
5. Bahturidze, Z., Vasilieva, N., Kolomoitseva, A. Particularities of the Migration Policy of the Federal Republic of Germany on Migrants' Social Adaptation. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, T. Duile, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 477–491. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70886-2_40.
6. Bahturidze, Z., Vasilyeva, N., Shahoud, Z., Pogodin, S. Inclusion as a Driver for the Implementation of SDG-30 by the BRICS Countries. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 135–147. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_11.
7. Vasilieva, N., Bahturidze, Z., Pogodin, S., Bogdanova, N. Biopolitics in the Era of Coronavirus and Artificial Intelligence. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. TIPG 2021*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2023. P. 132–144. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_12.
8. Vasilieva, N., Bakhturidze, Z., Ivannikov, N., Tsyb, A. The “Non-west” Methodological Concept for Building a System of International Relations in the Eurasian Space. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 3–10. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8_1.
9. Bahturidze, Z., Vasilieva, N., Shahoud, Z. Asianization as a Main Trend in World Politics. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 11–21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8_2.
10. Bahturidze, Z., Vasilieva, N. Dichotomy of Globalization and Deglobalization Processes in the Modern World. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 65–76. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_6.

11. Maslovskiy, M., Maslovskaya, E. Transformation of Legal Institutions in Postcommunist Southeastern Europe: Historical Legacies and the Results of EU Policies. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. P. 431–442. https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8_31.
12. Maslovskiy, M., Maslovskaya, E. Western Historical Sociology, International Relations and the Studies of Russian Civilizational Politics. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. P. 159–169. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_13.
13. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2024)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2026. XVI, 786 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-032-09795-8>.
14. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2023)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, T. Duile, Yu. Gladkiy, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. XV, 602 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-70886-2>.
15. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2022)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2024. XIV, 577 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5>.
16. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2021)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2023. XII, 460 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7>.
17. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2020)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. XII, 476 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-78690-8>.
18. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography (TIPG 2019)*. Ed. by R. Bolgov, V. Atnashev, Yu. Gladkiy, A. Leete, A. Tsyb et al. Springer Geography. Springer, Cham, 2021. XIV, 410 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0>.

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

Браславский Руслан Геннадьевич – доктор социологических наук, директор Социологического института РАН; Филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

E-mail: r.braslavsky@socinst.ru

ORCID: 0000-0001-6522-7095

Козловский Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором, главный научный сотрудник Социологического института РАН Филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru

ORCID: 0000-0002-4825-2640

Погодин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-0095-8986

Цыб Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: tsyb_av@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7492-356X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of World Politics Department, Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

Braslavsky Ruslan G. – DSc. in Sociology, Director of Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; A Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: r.braslavsky@socinst.ru

ORCID: 0000-0001-6522-7095

Kozlovskiy Vladimir V. – Doctor of Philosophy, Full Professor, Director of Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; A Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru

ORCID: 0000-0002-4825-2640

Pogodin Sergey N. – Doctor of History, Full Professor, Scientific Director of the Higher School of International Relation, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-0095-8986

Tsyb Alexey V. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Higher School of International Relations, Humanitarian Institute; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: tsyb_av@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7492-356X

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026.

Одобрена после рецензирования 29.01.2026.

Принята 29.01.2026.

Received 26.01.2026.

Approved after reviewing 29.01.2026.

Accepted 29.01.2026.

«Россия в глобальном мире»

Том 29. Выпуск 1

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Баранов Н.А. – ответственный редактор темы номера
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 29. Issue 1

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief

Pogodin S.N. – Executive Editor

Baranov N.A. – Responsible Editor of the Issue Topic

Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal

Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.*

29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World» с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) печатному изданию присвоен номер ISSN 2304-9472, сетевому изданию – ISSNе 2949-3501.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике. Отдельный раздел представляет собой описание исследовательских методов и фактических материалов (источников) изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию результатов исследования в практике. Название статьи должно отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей не менее 10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – трех; литературных источников – **не менее двенадцати.**

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (1–2 стр., актуальность, существующие проблемы, постановка и описание исследовательских задач); основная часть (изложение материалов и суть

основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., выводы, предложения).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, интервал – множитель 1,1; таблицы большого размера могут быть набраны 11 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,6 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,6 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием проблемы и новизны исследования, методов, использованных при его проведении, результатов исследования, заключения;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке);
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, излагается в соответствии с техническими требованиями (структура IMRAD);
- **список литературы** (научные статьи и монографии) на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки. References оформляется на английском языке.
- В конце каждого пункта в списке литературы необходимо проставлять **DOI** и **EDN** (при наличии таковых).
- **подстрочные ссылки** оформляются на официальные документы или новостные сайты организаций.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Монография

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov, O.B., Koloskov, B.T. Soviet-Chinese Relations. 1945–1980. 3rd ed., suppl. Moscow: Mysl, 1980. 638 p. (In Russian).

Научные статьи в журналах и сборниках

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23. EDN: [OIVMVN](#).

2. Aleskerova, N.E. Some Information about the History and Worldview of the Medieval Sufi Brotherhood Khalwatiyya. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. Oriental and African Studies*. 2011. Iss. 4. Pp. 13–23. (In Russian). EDN: [OIVMVN](#).

Научные статьи в сетевых изданиях

3. Чусовлянова С.В. Инженерное образование в Китае – анализ образовательной инициативы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4–4 (91). С. 140–143. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>. EDN: [STDJWV](#).

3. Chusovlyanova, S.V. Engineering Education in China – Analysis of Educational Initiative. *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2024. No. 4–4 (91). Pp. 140–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>. EDN: [STDJWV](https://www.edn.org/STDJWV).

Пример оформления автореферата и диссертации

4. Иванова Н.А. Особенности правового регулирования труда медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 30 с.

4. Ivanova, N.A. Features of Legal Regulation of Labor of Medical Workers in the Context of Health Care reform: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg: publishing house "Ural State Law Academy", 2012. 30 p. (In Russian).

5. Крольман М.Л. Партиципативная демократия: генезис современных форм и тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д: Ростовский гос. эконом. ун-т, 2014. 142 с.

5. Krolman M.L. Participatory Democracy: Genesis of Modern Forms and Development Trends: diss. ... cand. philosophical sciences. Rostov-on-Don: Rostov State Economic University, 2014. 142 p. (In Russian).

Электронные библиотеки.

6. Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. Релокация как социальноэкономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. [эл. доступ]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (дата обращения: 25.07.2024).

6. Belosludtsev, A.N., Dziuba, E.V. Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. Available at <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (accessed: 25.07.2024). (In Russian).

Научные статьи на английском языке.

7. Li, J. Development of BRICS Cooperation Mechanism in New Geopolitical Conditions // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Bolgov, R., Atnashev, V., Gladkiy, Y., Leete, A., Tsyb, A., Pogodin, S. (eds) Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 303–312. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_27.

Научные статьи на китайском языке

8. Ван Шучунь 王树春, Ван Чэньшэн 王陈生, Цзян Хунфэй 江洪飞. Цяньси чжун э «Чанцзян – Фуэрцзяхэ» цюйюй хэцзо 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Краткий анализ китайско-российского регионального сотрудничества «Янцзы-Волга»] // Оуяцзинци 欧亚经济 [Евразийская экономика]. 2021. № 1. С. 97–116.

8. Wang Shuchun 王树春, Wang Chensheng 王陈生, Jiang Hongfei 江洪飞. Tsyansi chzhun e «Chantszyan – Fuertszyakhe» tsyuyuy khetszo 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Brief Analysis of the Russian-Chinese Cooperation within Volga–Yangtze Program]. *Ouyatszintzi* 欧亚经济 [Journal of Eurasian Economy]. 2021. № 1. P. 97–116. (In Chinese).

Научные статьи на турецком языке

9. Abdullayev, C. Uluslararası hukuk çerçevesinde hazarın statüsü ve doğal kaynaklarının işletilmesi sorunu // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 1999. Cilt 48. Sayı 1. S. 255–290. https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

9. Abdullayev, C. The problem of the status of the Caspian Sea and the exploitation of its natural resources within the framework of international law. *Ankara University Faculty of Law Journal*. 1999. Volume 48. Issue 1. P. 255–290. (In Turkish). https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого двойного рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Авторы несут полную ответственность за представляемое качество материалов, оформленные ссылки на исходные публикации, в том числе с указанием на авторов и сайты, включенных Министерством юстиции РФ в актуальный (на момент выхода выпуска) список иностранных агентов.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел. редакции 8 (812) 606-62-42

E-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru

Сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>